

Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

На правах рукописи

Якубов Мухиббулло Лутфуллоевич

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ
ИЗ «СМАРТ-КОНТРАКТОВ»,
ЗАКЛЮЧАЕМЫХ КРЕДИТНЫМИ
ОРГАНИЗАЦИЯМИ

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель

Рузакова Ольга Александровна,
доктор юридических наук, профессор

Москва – 2025

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Теоретико-правовые основы использования смарт-контракта в деятельности кредитных организаций	15
1.1 Доктринальные подходы к определению смарт-контракта	15
1.2 Договоры, заключаемые кредитными организациями с использованием смарт-контракта	33
1.3 Зарубежный опыт правового регулирования использования смарт-контракта в деятельности кредитных организаций	47
Глава 2 Правовое регулирование отдельных видов договоров, заключаемых кредитными организациями с использованием смарт-контракта	63
2.1 Особенности заключения кредитными организациями договоров с использованием смарт-контракта: пруденциальное регулирование	63
2.2 Применение смарт-контракта при заключении кредитных договоров	76
2.3 Безналичные расчеты с применением смарт-контракта	87
Глава 3 Гражданско-правовая охрана и защита сторон договоров, заключаемых кредитными организациями с использованием смарт-контракта	100
3.1 Вопросы охраны прав сторон договоров, заключаемых кредитными организациями с использованием смарт-контракта	101
3.2 Вопросы защиты прав сторон договоров, заключаемых кредитными организациями с использованием смарт-контракта	110
Заключение	126
Список литературы	133
Список иллюстративного материала	170

Приложение А Договоры, которые могут заключаться кредитными организациями по поводу банковских операций с использованием смарт-контракта	171
Приложение Б Проект методических рекомендаций по управлению рисками использования смарт-контракта в деятельности кредитных организаций	173
Приложение В Примеры несправедливых условий в некоторых договорах, заключаемых кредитными организациями	179
Приложение Г Ответственность сторон по некоторым договорам, заключаемых кредитными организациями, и возможность ее реализации в соответствии со смарт- контрактом	180

Введение

Актуальность темы исследования. Цифровизация отношений в финансовом секторе приводит к возникновению не урегулированных в законодательстве вопросов. Некоторые из них связаны с применением в договорных отношениях, стороной которых является кредитная организация, смарт-контрактов. При этом на правительственном уровне установлена необходимость поиска эффективного подхода к регламентации использования смарт-контрактов в деятельности кредитных организаций и обоснована важность дополнительной научно-теоретической проработки отдельных аспектов в этой сфере. О том, что в ближайшее время необходимо разработать правовое регулирование, которое будет способствовать поступательному развитию сферы цифровых технологий, указано в «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.» (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203).

В гражданское законодательство сравнительно недавно посредством принятия Федерального закона от 18.03.2019 № 34-ФЗ были введены положения, направленные на регламентацию реализации обязательственных отношений в автоматизированном режиме при выполнении заранее установленных условий. Вместе с тем практика использования смарт-контрактов в финансовом секторе активно развивается, и в ближайшем будущем смарт-контракты станут еще более востребованными, если учитывать сложившиеся тенденции. В связи с этим появляются новые вопросы, требующие правового регулирования.

За последние годы благодаря внедрению передовых технологий деятельность кредитных организаций значительно изменилась. Согласно данным Банка России ежегодный объем рынка цифровизации в кредитных организациях превышает 500 миллиардов рублей, и к 2030 году ожидается рост до 15%. В свою очередь, в исследовании Агентства цифрового аудита

отмечается, что в 2023 году 86% кредитных организаций применяли те или иные дистанционные технологии при обслуживании клиентов. Кроме того, на практике используются некоторые виды договоров, заключаемых российскими и зарубежными кредитными организациями посредством смарт-контрактов. Так, например, испанская кредитная организация «Santander» сообщила об экономии в размере 20 миллиардов долларов США в год после применения смарт-контрактов в процессе заключения договоров. О схожих экономических преимуществах заявляет также международная консалтинговая компания «Accenture Consulting»: среднегодовую экономию кредитных организаций от внедрения рассматриваемой технологии она оценивает в 30%. В числе первых отечественных кредитных организаций, осуществивших внедрение смарт-контрактов в договорные отношения, были такие банки, как ПАО Сбербанк, АО «Альфа-Банк» и АО «Райффайзенбанк», разработавшие специальную экспериментальную платформу, с помощью которой при сверке документов достигается экономия в размере около 200 миллионов рублей в год. Таким образом, оптимизация расходов позволит кредитным организациям снизить стоимость некоторых оказываемых услуг.

Законодательство не содержит положений, раскрывающих использование смарт-контрактов в деятельности таких субъектов критической (то есть, важной для работы всех сфер жизнедеятельности общества и государства) инфраструктуры, как кредитные организации. Неурегулированными остаются и отдельные аспекты, связанные с ответственностью и охраной интересов сторон договора, заключенного с использованием смарт-контрактов.

Также стоит отметить, что не разработан понятийный аппарат в части применения смарт-контрактов в деятельности кредитных организаций, не установлено, при заключении каких именно договоров может применяться смарт-контракт, поскольку не определена их правовая природа. Кроме того, не разграничены правовые возможности использования смарт-контрактов банковскими и небанковскими кредитными организациями, не исследован

вопрос безналичных расчетов, осуществляемых в рамках договоров, заключаемых посредством смарт-контрактов, не проанализированы отдельные аспекты охраны и защиты прав «слабой стороны» в возникающих договорных отношениях, что говорит о необходимости проведения дальнейших исследований.

Таким образом, несмотря на очевидные преимущества использования смарт-контрактов, отсутствие правового регулирования влечет за собой замедление распространения смарт-контрактов в деятельности кредитных организаций, что обуславливает актуальность настоящего диссертационного исследования.

Степень разработанности темы исследования. Вопросы правового регулирования, необходимого для использования смарт-контрактов, являлись предметом рассмотрения многих ученых-цивилистов.

Определению понятийного аппарата и юридической сущности смарт-контрактов в гражданско-правовых отношениях посвящены труды следующих российских ученых: В.Н. Синельниковой, И.А. Хавановой, Б.М. Гонгало, А.А. Карцхия, Л.А. Новоселовой, А.Ю. Чурилова, Е.В. Зайнутдиновой.

Отдельные вопросы, посвященные анализу цифровых прав, возникающих из договоров, заключенных с помощью смарт-контрактов, рассматриваются А.С. Генкиным, А.В. Турбановым, М.С. Саликовым, О.С. Гринь, Е.С. Гринь, А.Н. Мочаловым, А.И. Савельевым, а также зарубежными учеными (Ф. Алаби, Т. Керикмай, Н. Сабо, А. Рул).

Различные аспекты применения смарт-контрактов в финансовой сфере и развития финансовых технологий, в том числе в деятельности кредитных организаций, рассмотрены Г.Ф. Ручкиной, О.А. Рузаковой, Д.Г. Алексеевой, Л.Л. Арзумановой, И.В. Бит-Шабо, М.Н. Илюшиной, Н.Е. Егоровой, Л.Г. Ефимовой, В.П. Камалюном.

При этом особенности правового регулирования использования смарт-контрактов в деятельности кредитных организаций не являлись объектом всесторонних научных исследований.

Целью исследования является разработка и обоснование теоретических положений и практических рекомендаций по совершенствованию правового регулирования отношений из смарт-контрактов, заключаемых кредитными организациями.

Для достижения указанной цели поставлены следующие **задачи** теоретического и прикладного характера:

- выявить доктринальный подход к определению смарт-контракта, в соответствии с которым смарт-контракт понимается как технология и является способом заключения договора;
- установить заключаемые кредитными организациями посредством применения смарт-контрактов соглашения для определения их особенностей;
- классифицировать зарубежные подходы к правовому регулированию внедрения смарт-контрактов для определения направлений их имплементации в российское законодательство;
- определить возможности установления пруденциального регулирования в деятельности кредитных организаций, использующих в своей деятельности смарт-контракты, для формирования методических рекомендаций локального уровня по управлению рисками в рассматриваемой сфере;
- выделить особенности применения смарт-контрактов при заключении кредитных договоров для выявления практических возможностей его использования;
- проанализировать правовое регулирование осуществления безналичных расчетов с применением цифрового рубля, разработанного

Банком России, для определения возможностей его использования в различных формах безналичных расчетов;

– исследовать способы охраны и защиты «слабой стороны» договора, заключенного кредитной организацией посредством смарт-контрактов.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие из деятельности кредитной организации, осуществляемой с использованием смарт-контрактов.

Предметом исследования являются нормы российского и зарубежного гражданского законодательства, регулирующие отношения, возникающие при применении смарт-контрактов в деятельности кредитных организаций, а также научные труды и материалы правоприменительной практики.

Область исследования диссертации соответствует пунктам 8. «Гражданско-правовое обязательство. Понятие и значение договора. Различные виды договорных и внедоговорных обязательств. Обязательства из семейных правоотношений. Обязательства и договоры, осложненные иностранным элементом. Процессуальные соглашения. Обязательства, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности»; 10. «Защита прав в частноправовых отношениях. Выбор форм и способов (средств) защиты»; 30. «Частноправовые аспекты применения биотехнологий, информационных (цифровых) технологий, в том числе искусственного интеллекта» Паспорта научной специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки).

Методология исследования и методы. В рамках диссертационного исследования были использованы различные методологические подходы, включая общенаучные и частно-научные методы, среди которых метод сравнительно-правового анализа, который позволил определить правовые подходы к смарт-контрактам в зарубежных странах; формально-юридический метод, направленный на определение правовой природы и особенностей

договоров, заключаемых посредством смарт-контрактов; правовое прогнозирование, примененное для определения основных способов правового регулирования использования смарт-контрактов в деятельности кредитных организаций; системно-аналитический метод в сочетании с диалектическим подходом, позволивший определить перечень договоров, которые могут быть заключены кредитными организациями с помощью смарт-контрактов, и обозначить их особенности.

Теоретическую основу исследования составляют труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные вопросам правового регулирования отношений, возникающих из использования смарт-контрактов в деятельности кредитных организаций.

Нормативную основу исследования составили следующие нормативные правовые акты: Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, федеральные законы («О банках и банковской деятельности», «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и другие). Также в работе были использованы отчеты международных организаций и законы зарубежных стран в сфере деятельности кредитных организаций.

Эмпирическую базу исследования составили материалы правоприменительной практики в области заключения, изменения и расторжения договоров кредитными организациями, акты и аналитические работы Банка России, судебная практика, статистические данные и материалы из средств массовой информации.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в разработке научно-обоснованного подхода к определению правовой природы смарт-контрактов как способа заключения договоров, стороной которых являются кредитные организации.

Определен перечень договоров с участием кредитной организации, при заключении которых возможно использование смарт-контрактов.

Разработаны предложения по расширению возможности использования цифрового рубля в безналичных расчетах в договорах, заключаемых посредством смарт-контрактов.

Научная новизна раскрывается в **положениях, выносимых на защиту:**

1) Обосновано, что смарт-контракт имеет ряд особенностей, которые определяют его сущность как способ заключения договора присоединения, форма которого представляет собой создаваемый разработчиком неизменяемый программный код. В частности, использование смарт-контракта приравнивается к соблюдению письменной формы договора, характеризующейся автоматизированным исполнением обязательств в соответствии с условиями, включенными в формуляр (С. 22–32).

2) Установлено, что являющийся неизменяемым кодом смарт-контракт не может быть приравнен к заключаемому кредитной организацией договору в электронной форме, так как его отличает наличие двух условий применения:

- договор, заключаемый кредитной организацией с использованием смарт-контракта, может быть только договором присоединения;
- в соответствии с определенным кодом исполнение обязательств должно происходить в автоматизированном порядке.

В этой связи аргументировано, что использование смарт-контракта кредитной организацией на практике в условиях необходимости минимизации правовых рисков является возможным при заключении следующих договоров присоединения: договор банковского вклада, договор банковского счета; договор о переводе денежных средств; договор купли-продажи иностранной валюты в безналичной форме; договор банковской гарантии; договор займа без залога имущества; договоры, связанные с выпуском или оборотом цифровых финансовых активов, осуществляемых с учетом особенностей

регулирования рынка ценных бумаг; договоры, отвечающие двум условиям, обозначенным выше (С. 32–45).

3) Доказано, что использование смарт-контракта как способа заключения договоров кредитными организациями влечет за собой ряд рисков, регулирование которых осуществляется Банком России: риски ликвидности; репутационные риски, или риски ухудшения деловой репутации; стратегические риски; правовые риски; операционные риски, требующие от кредитной организации разработки на уровне локальных актов специальных правовых и технологических мер для их минимизации. Разработаны методические рекомендации по управлению рисками использования смарт-контрактов в деятельности кредитных организаций (С. 59–69; 171–176).

4) В целях повышения прозрачности требований, предъявляемых кредитными организациями к заемщикам по кредитным договорам, а также для снижения операционных рисков кредитной организации аргументирована целесообразность использования кредитными организациями смарт-контрактов для проверки платежеспособности заемщика на стадии согласования получения кредитного продукта, что позволит унифицировать предъявляемые требования со стороны кредитных организаций, а также полностью автоматизировать процесс получения информации о платежеспособности заемщика, тем самым снижая издержки и риски невозврата кредита (С. 66–80).

5) Обоснована возможность снятия законодательного запрета на использование цифрового рубля, применяемого в настоящее время с целью зачисления и перевода средств, в безналичных расчетах, осуществляемых кредитными организациями в форме расчетов платежными поручениями, расчетов по аккредитиву, по инкассо, чеками в связи с тем, что типовой договор счета цифрового рубля между оператором платформы цифрового рубля и пользователем платформы цифрового рубля является договором

присоединения и не имеет положений, противоречащих правовой природе названных форм безналичных расчетов (С. 78–91).

6) Установлено, что применение смарт-контрактов при заключении договоров кредитными организациями не изменяет закрепленную в гражданском праве презумпцию о заемщике как о «слабой стороне» договора. Это объясняется тем, что применение смарт-контрактов не может устранить риск включения в договор несправедливых условий, а, скорее, усиливает его (С. 90–101).

7) Доказано, что в случае включения кредитной организацией несправедливых условий в договор, заключаемый с использованием смарт-контракта, в отношении такого договора должна действовать презумпция признания его недействительным полностью, а не в части отдельных условий, поскольку смарт-контракт – это единый неизменяемый код, не подвергающийся частичным изменениям. Указанный подход будет способствовать защите прав «слабой стороны» договора (С. 100–113).

Теоретическая значимость работы состоит в том, что основные положения и выводы представляют научный интерес для дальнейших исследований правового регулирования отношений, возникающих из использования смарт-контрактов в деятельности кредитных организаций. Результаты диссертационного исследования могут быть интегрированы в учебные программы по таким дисциплинам, как «Предпринимательское право», «Банковское право» и «Гражданское право».

Практическая значимость работы выражается в том, что полученные в ходе исследования практические рекомендации могут лечь в основу принятия новых актов Банка России, а также локальных документов кредитных организаций (например, правил внутреннего контроля) с целью внедрения смарт-контрактов в деятельность кредитных организаций. Результаты диссертационной работы позволили сформулировать ряд рекомендаций относительно возможных направлений совершенствования

гражданско-правового регулирования отношений, возникающих из смарт-контрактов, заключаемых кредитными организациями.

Степень достоверности, апробация и внедрение результатов исследования. Обоснованность и достоверность результатов исследования обусловлена использованием современной научной методологии; обстоятельным анализом монографических и иных научных работ, диссертаций, предметом которых выступают разные аспекты и стороны применения цифровых технологий в деятельности кредитных организаций; научной аргументированностью основных положений и выводов диссертации.

Основные положения диссертационного исследования вместе с принципами, на которых выстроено исследование, использованы при проведении семинарских занятий и чтении лекций по дисциплине «Предпринимательское право»; изложены в докладах и выступлениях на следующих научных и научно-практических международных и всероссийских конференциях: на XIV Международной научно-практической конференции «Правовая защита, экономика и управление интеллектуальной собственностью» (Москва, Финансовый университет, 21–23 октября 2022 г.); на XIX Международной научно-практической конференции молодых исследователей «Современные проблемы юридической науки» (г. Челябинск, Южно–Уральский государственный университет, 20–21 апреля 2023 г.); на VI Всероссийской научно-практической конференции «Молодежный научный потенциал в юриспруденции XXI века: от теории к практике» (Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 19 октября 2023 г.); на Международной студенческой конференции «Цифровые технологии в финансовой сфере» (Москва, Финансовый университет, 27 ноября 2023 г.).

Актуальные и значимые положения исследования применяются в практической деятельности Микрокредитной депозитной организации «МАТИН». В частности, в проекте организации по внедрению смарт-контрактов были сделаны уточнения с учетом предложения автора о

возможности ее применения только в отдельных договорах. В результате использования авторских выводов смарт-контракты будут применяться в организации исключительно в договорах присоединения.

Процесс внедрения исследуемой технологии в практику был усовершенствован за счет включения дополнительных мер по проверке платежеспособности заемщика до заключения договора с использованием смарт-контракта. Представляется, что такой подход существенно снизит операционные риски ООО МДО «МАТИН».

Материалы исследования используются Кафедрой правового регулирования экономической деятельности Юридического факультета Финансового университета в преподавании учебных дисциплин «Гражданское право» и «Банковское право».

Апробация и внедрение результатов исследования подтверждены соответствующими документами.

Публикации. Основные положения и результаты исследования отражены в 4 работах общим объемом 1,65 п.л. (весь объем авторский) в рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК при Минобрнауки России.

Структура и объем диссертации обусловлены целью, задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы из 237 наименований, списка иллюстративного материала и 4 приложений. Текст диссертации содержит 5 таблиц и изложен на 182 страницах.

Глава 1

Теоретико-правовые основы использования смарт-контракта в деятельности кредитных организаций

1.1 Доктринальные подходы к определению смарт-контракта

Цифровые технологии и сервисы становятся неотъемлемой частью экономической и предпринимательской деятельности, что приводит к возникновению ситуаций, когда правовое регулирование отношений, возникающих в связи с их применением, не успевает или не соответствует возникшим реалиям. В предпринимательской сфере активно используются так называемые «смарт-контракты» (или «умные контракты»), однако до сих пор гражданско-правовые нормы не дают четкой регламентации отношений, вытекающих из них.

При этом использование новых финансовых технологий существенным образом меняет принципы функционирования финансовых рынков большинства зарубежных стран. Банк России указывает, что благодаря применяемым инновационным решениям операции, неразрывно связанные с личным присутствием и занимающие достаточно большое количество времени, теперь реализуются «в один клик» за несколько минут [215]. Так, как отмечает Е.П. Волос, имеются перспективы использования данной технологии в деятельности кредитных организаций [118]. В.М. Камалян указывает, что наиболее очевидным представляется внедрение смарт-контрактов в сферу кредитных отношений – речь об ипотечных кредитах, а также кредитах для субъектов среднего и малого бизнеса. Данный подход дает возможность оптимизировать и увеличить надежность выполнения услуг через автоматизацию процессов заключения и исполнения договорных обязательств [100, с. 200]. Таким образом, очевидным представляется наличие актуальной задачи, стоящей перед юридической наукой, связанной с определением

правовой природы смарт-контракта с целью формирования эффективного правового регулирования отношений, вытекающих из ее использования в наиболее перспективных областях экономических и предпринимательских отношений – в деятельности кредитных организаций.

В настоящее время в юридической доктрине отсутствует единый подход к определению правовой природы смарт-контракта. Условно можно выделить следующие наиболее часто встречающиеся гипотезы, в рамках которых делается попытка определения смарт-контракта через существующие в правовой доктрине подходы, приведенные в таблице 1.

Таблица 1 – Основные подходы к определению правовой природы смарт-контракта

Подход: «Смарт-контракт, как:»	Суть	Правоведы, описывающие данный подход
Вид договора	Договор между двумя и более сторонами, обеспечение реализации которого осуществляется с помощью определенного алгоритма	О.С. Гринь, Е.С. Гринь, А.В. Соловьев, А.В. Савельев
Программа для ЭВМ или программный код	Компьютерная программа или код, которые выполняют и записывают расчеты между контрагентами, ведя определенный реестр	В.А. Якунин, А.В. Савельев, Й.Й. Щербовски, С.Л. Будылин
Форма договора	Форма договора, выраженная в программном коде, исполняемом автоматически, как только наступят соответствующие условия	Б.М. Гонгало, Л.А. Новоселова
Способ исполнения обязательств	Компьютерный алгоритм или протокол, который включает в себя условия договора, обеспечивает их проверку и исполнение	В.М. Камалян, А.Ю. Чурилов

Источник: составлено автором.

Проанализируем указанные подходы более подробно для формирования авторской позиции в рассматриваемом вопросе.

Смарт-контракт как вид договора. Согласно первому подходу, смарт-контракт определяется как соглашение между двумя или более сторонами, реализация условий которого обеспечивается специальным алгоритмом. Подобного подхода придерживаются такие отечественные

правоведы, как О.С. Гринь, Е.С. Гринь, А.В. Соловьев, А.В. Савельев и другие [122, с. 59].

В работах О.С. Гринь, Е.С. Гринь и А.В. Соловьева смарт-контракт интерпретируется как особый тип договора, который заключается с использованием электронных средств. Такой договор включает в себя условия, которые автоматически выполняют обязательства, не требуя от сторон дополнительных действий для их исполнения [122, с. 59]. В российской правовой теории часто применяется подход, в соответствии с которым смарт-контракт понимается как договорная структура, являющаяся программой или программным кодом, работающим на основе технологии распределенного реестра. Именно это и обеспечивает такие характеристики смарт-контракта, как автономность и самостоятельное исполнение без участия человека. Одним из сторонников этого подхода является А.И. Савельев. Иными словами, автоматическое исполнение обязательств по договору, созданному с использованием смарт-контракта, происходит при наступлении определенных условий, без необходимости в дополнительном волеизъявлении сторон или заключении новых соглашений [175, с. 45].

Из проведенного анализа определений можно сделать вывод, что смарт-контракт можно рассматривать как вид «цифрового договора», поскольку он обладает рядом схожих характеристик. При этом смарт-контракты также рассматриваются в доктрине в качестве отдельного вида гражданско-правового договора. Подобная позиция представлена в трудах А.С. Генкина [119, с. 139], Н.П. Иващенко [136, с. 69] и многих других исследователей [84]. В приведенных определениях делается акцент на таком аспекте смарт-контракта, как самоисполнимость, то есть исполнение в автоматическом режиме при наступлении соответствующих обстоятельств. На данное юридически значимое свойство смарт-контракта обращают внимание многие правоведы и представители других отраслей знания (например, В.Б. Нагродская) [164, с. 45].

В иностранной правовой науке также немало сторонников рассматриваемого подхода. К примеру, Н. Сабо, анализируя смарт-контракт как договор, оформленный в виде программного (цифрового) кода, выделяет его основные характеристики, такие как самообеспечиваемость и самоисполнимость. [94]. Т. Керикмай в своем исследовании, посвященном смарт-контрактам, использует применительно к ним термин «самоисполнимый договор» [91]. Ф. Алаби и многие другие иностранные исследователи выделяют такие свойства смарт-контракта – самоисполнимость, цифровая форма, основа в виде технологии блокчейн. В совокупности указанные свойства способствуют тому, что смарт-контракт невозможно не исполнить [90, с. 8]. Другими словами, указанные свойства определяют гарантированность исполнения смарт-контракта.

Утверждение об обеспечении автоматизированным исполнением гарантированности исполнения смарт-контракта вполне корректно, но сама категория «самоисполнимость» вызывает некоторые дискуссии и вопросы в научной доктрине. При рассмотрении определений смарт-контракта, предлагаемых разными авторами, обращалось внимание на то, что некоторые исследователи относят смарт-контракт к категории гражданско-правовых договоров. В связи с этим целесообразно рассмотреть понятие договора в гражданском праве.

Законодательное определение договора содержится в Гражданском кодексе Российской Федерации. Проведя обзор данного определения, можно выделить некоторые существенные характеристики договора в гражданском праве. Так, договор заключается между несколькими лицами. В зависимости от количества участников договор может быть двухсторонним (если заключается между двумя участниками) или многосторонним (если участников трое и больше). Цель заключения договора, как вытекает из законодательного определения, заключается в установлении каких-либо нужных сторонам обязанностей или прав. Также договор может не

только устанавливать обязанности и права, но и прекращать или изменять их так, как оговорено сторонами (статья 420 Гражданского кодекса Российской Федерации) [1].

Из приведенного определения можно заключить, что договор – это юридический факт, который порождает гражданские обязанности и права сторон, прекращает или изменяет их.

В научной литературе встречаются следующие определения договора в гражданском праве. Так, выдающийся советский правовед и специалист в области гражданского права О.С. Иоффе трактовал термин «договор» как обязательство, возникающее вследствие соглашения сторон. Также договор, по мнению ученого, представляет собой документ, в котором отражены и зафиксированы возникшие по воле сторон договорные обязательства [76]. Г.Ф. Шершеневич при исследовании понятия гражданско-правового договора сформулировал определение, согласно которому, договор – это соглашение, заключенное между двумя и большим числом лиц, приводящее к установлению юридических отношений, их прекращению либо изменению [88]. В.В. Витрянский рассматривает договор в качестве особого вида гражданско-правовой сделки. Видообразующий признак договора – характер соглашения участников (сторон) [71]. О.А. Красавчиков определял договор в качестве соглашения (юридического факта). По его мнению, подход, при котором договор рассматривается исключительно в качестве гражданского правоотношения, является некорректным, поскольку в любом договоре имеет место смешение юридического факта и правовых последствий (то есть оснований возникновения обязательства с самим этим обязательством) [77].

В исследованиях А.Н. Радищева договор определяется в качестве взаимного либо обоюдного волеизъявления сторон на приобретение права или его уступку [81]. Л.А. Лунц и И.Б. Новицкий определяют гражданско-правовой договор как соглашение между двумя или более сторонами, целью которого является создание, изменение или прекращение

прав и обязанностей. Участвующими сторонами могут выступать как физические, так и юридические лица [80].

Как можно видеть из проведенного обзора, разные авторы несколько по-разному подходят к определению гражданско-правового договора (то есть единого общепринятого определения договора в научной литературе не сформулировано). При этом все авторские определения, рассмотренные выше, не противоречат друг другу. Наличие разных определений договора обусловлено многолетними дискуссиями относительно его понятия и правовой природы. Точка в этих дискуссиях была поставлена с принятием в 1994 году Гражданского кодекса Российской Федерации, в котором дается законодательное определение гражданско-правового договора, рассмотренное нами ранее.

Далее целесообразно рассмотреть признаки, присущие гражданскому договору, поскольку это обладает особым значением в исследовании данного гражданско-правового института в контексте исследования смарт-контракта.

Так, Д.И. Мейер, определяя гражданско-правовой договор в качестве соглашения воли двух или большего числа лиц, порождающего право одной из сторон на действие другой стороны, завязанное на имущественном интересе [78], акцентировал внимание на таких признаках: совпадение намерений сторон (одна сторона намеревается совершить определенное действие, а другая готова принять исполнение); наличие у контрагентов определенного юридического интереса; имущественный характер действий [78]. Б.М. Гонгало при исследовании договора в гражданском праве обращал внимание на то, что посредством договора обеспечивается переход благ, то есть объектов гражданско-правовых отношений. Иными словами, благодаря договору обеспечивается динамика имущественных правоотношений. Сам договор при этом рассматривается ученым в качестве средства или инструмента поднормативного регулирования. Такая характеристика вытекает непосредственно из содержания договора – им определяются

обязанности и права сторон, а также возникновение, прекращение или изменение соответствующих правоотношений [120, с. 189].

Обозначенная совокупность признаков позволяет классифицировать договоры в гражданском праве на виды: о выполнении работ; о передаче имущества в пользование на возмездной основе; о передаче имущества в собственность на возмездной основе; о передаче имущества в собственность с обязательством возврата равноценного объекта либо без такого обязательства; о денежных выплатах при наступлении какого-либо события; о доставке пассажиров, багажа, грузов; о совершении фактических/юридических действий; о создании и передаче для использования произведений (искусства, литературы, науки); о предоставлении права на пользование запатентованными изобретениями; о передаче достижений науки и техники и другие [141]. Представляется очевидным, что, исходя из признаков договора, как важнейшего института гражданского права, и его классификации, смарт-контракт может быть использован для всех типов указанных договоров, в том числе для смешанных и непоименованных договоров.

Представляется оправданным рассмотреть некоторые особенности смарт-контракта в контексте исследуемого подхода. Так, изначально сфера применения рассматриваемого инструмента – совершение расчетов и платежей. Учитывая сказанное, может показаться, что «умный» контракт – вид договора, но обладает ли он договорной природой в действительности? Представляется, что ответ на этот вопрос отрицательный. Для обоснования данной позиции рассмотрим сущность гражданско-правового договора [170, с. 25].

Согласование воли сторон (участников договорных отношений) является фундаментальной характеристикой такого договора. Любой договор представляет собой юридический факт, представленный в виде действия, которое создает гражданско-правовые отношения. Одновременно, договор также выступает в роли юридического эффекта, воплощенного в правилах взаимного поведения участников правоотношений. Эти правила определяют

характер системы отношений, будь то интеллектуально-правовые, вещные, обязательственные или иные отношения. Таким образом, ключевым аспектом договора является характер установленных сторонами правил взаимного поведения.

Смарт-контракт может считаться договором только в том смысле, в каком слово «договор» употребляется для обозначения способа, которым стороны согласовали свою волю [64].

Что касается «динамической» стороны юридического воздействия договора, важно отметить, что это свойство больше относится к правоотношениям, возникающим на его основе, а не к самому договору. Иными словами, необходимо различать договор как источник индивидуального правового регулирования и правоотношения сторон, которые следуют из заключенного договора. Аналогично можно сравнить это с законом и процессом его выполнения [109, с. 35].

При анализе механизма реализации смарт-контракта можно выявить, что данная технология – инструмент реализации условий, заранее установленных в договоре. Нельзя говорить о том, что данная технология – это полноценный договор, указанное ведет к неверному терминологическому толкованию, иначе бы понятие «договор» использовалось не в смысле соглашения сторон, как правового акта [140, с. 259].

Особенность технологии смарт-контракта заключается в динамике гражданских правоотношений и в части исполнения условий, закрепленных в договоре, а не в их конституировании как соглашения. Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно согласиться с мнением Б.М. Гонгало, который утверждал, что суть любого понятия не следует выводить лишь из его названия, так как термины являются условными [120, с. 185].

Смарт-контракт как специальный программный код (программа для электронно-вычислительной машины, компьютерная программа). В контексте этой концепции «умные» контракты определяются в качестве специальных компьютерных программ, которые выполняют и записывают

расчеты между контрагентами (сторонами), ведя специальный реестр. Сторонники такого подхода – В.А. Якунин, А.В. Савельев, Й.Й. Щербовски, А.С. Скиперский, О.В. Пучков, С.Л. Будылин, Р. де Кария и другие исследователи. Далее рассмотрим определения смарт-контракта, сформулированные исследователями, придерживающимися данного подхода.

Так, А.С. Скиперский рассматривает смарт-контракт как программу для ЭВМ (компьютерную программу). По его словам, «умный» контракт способен автоматически выполнять расчеты, а также производить их запись в системе распределенного реестра (в систему вносятся сделки, совершенные по условиям смарт-контракта) [183, с. 79].

Й.Й. Щербовски описывает «умный» контракт как специальную программу, функционирующую в блокчейн, управляющую активами автоматически [95].

В исследовании О.В. Пучкова смарт-контракт также описывается в качестве программы. Такая программа самостоятельно может совершать все необходимые расчеты. Условия для расчетов устанавливаются и фиксируются самими пользователями (сторонами правоотношений). Исследователь также подчеркивает, что условия, прописанные в «умном» контракте, не могут быть изменены, так как такая возможность в принципе противоречит сущности исследуемого инструмента [170].

Р. де Кария рассматривает смарт-контракт как программу, но при этом признает, что данный инструмент также фиксирует и выражает волеизъявление сторон правоотношений. Таким образом, смарт-контракт представляет собой своего рода соглашение между сторонами. Он может быть как основным документом, регулирующим отношения между участниками, так и дополнительным элементом традиционного гражданско-правового договора. В этом случае смарт-контракт работает совместно с основным соглашением, предоставляя более детализированные или специфичные условия. Автор особо отмечает, что смарт-контракт не подвержен изменениям после его создания.

Дополнительно, можно отметить, что смарт-контракты, функционирующие на базе блокчейн-технологий, обеспечивают высокую степень прозрачности и надежности, так как все условия контракта строго запрограммированы и защищены от несанкционированных изменений. Это исключает возможность человеческой ошибки или мошенничества, что делает такие контракты привлекательными для разнообразных бизнес-приложений. Также важно учитывать, что смарт-контракты автоматизируют выполнение условий, что может значительно сократить время и затраты на исполнение и надзор за соблюдением договоренностей [209].

С.Л. Будылин указывает, что особенности смарт-контракта заключается в том, что данный термин можно трактовать и как способ автоматизации отношений в блокчейне, а также как компьютерную программу. Поэтому данный термин является техническим [115, с. 56].

Примеры такого понимания рассматриваемой технологии встречаются достаточно часто. Авторы подчеркивают важность создания особой модели, регулирующей ответственность, обязанности и права участников гражданских правоотношений. Эта модель должна быть адаптируемой на уровне программного кода, используя конкретные языки программирования. Иначе говоря, правовые условия, зафиксированные смарт-контрактом, должны быть точно согласованы, поскольку в основе любого программного алгоритма лежит работа условных операторов [212].

Учитывая вышеприведенные определения, можно предположить, что смарт-контракт, безусловно, является компьютерной программой. Подобный вариант толкования не вызывает сомнений и никем не оспаривается. Основополагающая характеристика и ключевой признак смарт-контракта – способность управлять цифровыми активами в автоматическом режиме (то есть без непосредственного участия пользователей, являющихся владельцами таких активов). Подобным концептуальным подходом пользуются по большей части технические

специалисты, так как им раскрывается именно техническая (а не юридическая) сторона смарт-контракта.

Некоторые отечественные ученые уделяют особое внимание контролю над передачей активов между пользователями с помощью смарт-контракта. Но не все исследователи поддерживают эту точку зрения, ведь смарт-контракт, скорее, выполняет функцию распоряжения активами, а не контроля [93]. Смарт-контракт – это компьютерная программа, лишенная гражданской правосубъектности, которая присуща только физическим или юридическим лицам, участвующим в гражданских правоотношениях. Без гражданской правосубъектности смарт-контракт не способен юридически контролировать активы. Таким образом, управление активами в юридическом смысле происходит через участников, которые вступают в смарт-контракт для выполнения своих обязательств [101].

Указанное соответствует российскому законодательству (статья 1261 Гражданского кодекса Российской Федерации) [175, с. 38], но надо отметить, что содержанию, в отличие от формы, внимание не уделяется, так как указанный подход фактически посвящен лишь технической стороне смарт-контракта. Для юридических целей этого недостаточно. Этот взгляд, безусловно, имеет право на существование, но его нельзя считать достаточно обоснованным, так как он охватывает только один аспект смарт-контракта (технический). Более того, рассмотренный подход не привносит новых элементов в понимание данного инструмента. Вместе с тем этот подход все же позволяет увидеть договорную сущность смарт-контракта: по форме он выступает как специальная компьютерная программа, а по содержанию – как договор.

Смарт-контракт как форма договора. В рамках данной концепции «умный» контракт трактуется как разновидность соглашения, которое представлено в виде программного кода. Такой контракт выполняется при наступлении заранее оговоренных условий, которые были согласованы сторонами, участвующими в правовых отношениях. Причем исполнение

происходит автоматически (то есть без прямого участия со стороны субъектов). Приверженцами этого подхода выступают Б.М. Гонгало, Л.А. Новоселова, А.А. Душаева, М.Т. Чахкиев, А.А. Максимовская.

Обзор научной литературы позволил выделить следующие определения смарт-контракта в контексте исследуемого подхода. Б.М. Гонгало и Л.А. Новоселова утверждают, что смарт-контракт представляет собой договор в виде программного кода, которому характерна автоматизация исполнения условий [120, с. 179]. Данной позиции придерживается и М.Т. Чахкиев, добавляя, что смарт-контракт реализуется при выполнении заранее установленных критериев [198, с. 50].

А.А. Душаева считает, что смарт-контракт не является самостоятельным программным кодом, а представляет собой его компонент, функционирующий в рамках технологии блокчейн [125, с. 60]. В ее интерпретации явно видно стремление связать смарт-контракты с блокчейн-технологией, акцентируя внимание на их создании, запуске и исполнении.

Такой подход не противоречит ни экономической, ни технической стороне исследуемого понятия. Но с юридической позиции назвать этот подход точным нельзя: он не учитывает такие аспекты, как процесс создания и выполнения смарт-контракта в блокчейн-системе.

В своем исследовании А.А. Максимовская подчеркивает, что смарт-контракт – это алгоритм, который способствует автоматизации исполнения обязательств. Она указывает, что хотя смарт-контракт и не обладает правосубъектностью, он играет важную роль в автоматизации и обеспечении надежности исполнения договорных условий, что делает его мощным инструментом в сфере современных цифровых технологий и гражданских правоотношений [142, с. 25]. Смарт-контракт и его функционирование в блокчейне находятся в тесной взаимосвязи. В начальную структуру смарт-контракта встроены механизмы, обеспечивающие исполнение сделки с использованием блокчейн-технологий, автоматизации

процессов и криптографических методов. В целом, для более полного понимания рассматриваемой концепции необходимо учесть юридические аспекты смарт-контрактов. Требуется уточнить, кто имеет право устанавливать условия смарт-контракта и каким образом это происходит. Завершая анализ концепции, в которой смарт-контракт рассматривается как форма договора, следует обратить внимание на важный аспект, связанный с природой договоров в гражданском праве. Так, из содержания статьи 158 Гражданского кодекса Российской Федерации следует, что сделки могут совершаться в письменной или устной форме. Также понятие письменной формы включает использование электронных или прочих технических средств с возможностью записи содержания сделки на физическом носителе (статья 160 Гражданского кодекса Российской Федерации). Из этого следует, что такая концепция вполне применима для объяснения сущности «умного» контракта.

Смарт-контракт как способ исполнения обязательств. Наиболее распространенный подход к определению смарт-контракта – это его обозначение в качестве способа исполнения договорных обязательств [202, с. 115]. Приверженцами данной точки зрения являются В.М. Камалян, А.Ю. Чурилов, Т.В. Жиленкова и другие.

Данный подход позволяет интерпретировать его как технологический инструмент в соответствии с характеристиками договора. В научной терминологии смарт-контракт является либо компьютерным протоколом для выполнения условий договора, либо техническим способом реализации договорных обязательств. Это определение исходит от Н. Сабо, который является автором термина «смарт-контракт». Он указывает, что использование смарт-контракта в договорных отношениях сокращает вероятность возникновения незапланированных издержек, обуславливаемых риском ошибок или необходимостью использования механизма принудительного исполнения [94].

Отечественный исследователь М.В. Камалян под смарт-контрактом понимает компьютерный алгоритм, содержащий условия договора, исполнение которого он обеспечивает. Такое определение соответствует другой ранее рассмотренной концепции: если условие, зафиксированное сторонами, выполнено, то будет исполнено и определенное действие [144, с. 148].

Представляется, что исследуемый подход не в полной мере верен, так как охватывает лишь техническую сторону смарт-контракта, игнорируя юридические характеристики.

Далее целесообразно остановиться на соотношении «умного» контракта со способами обеспечения исполнения договора. Обратим внимание, что определяющим значением обладают следующие понятия: гарантии защиты при неисполнении должником своей части договорных обязательств, акцессорный характер обязательств. Е.Г. Комиссаровой выделяются дополнительно такие признаки: стимулирующий и защитный. Эти же два признака можно рассматривать в качестве основных функций способа обеспечения исполнения договора [147]. Суть данных признаков (функций) в следующем. Стимулирующая функция побуждает должника исполнять свою часть договорных обязательств в отношении кредитора. С другой стороны, защитная функция предназначена для охраны интересов кредитора в случае, если должник не выполнит свои обязательства по договору [134, с. 4].

Смарт-контракт, в силу своей специфики, не только обеспечивает защиту от невыполнения обязательств, но и создает условия для их надлежащего исполнения. Это выгодно выделяет смарт-контракт из числа прочих мер, служащих гарантией исполнения обязательств из договора [99]. Такие прочие меры могут обеспечивать исполнение обязательств, но они не выступают непосредственно способами обеспечения исполнения договорных обязательств [120, с. 185].

Таким образом, основываясь на проведенном исследовании, можно назвать два важнейших юридических признака, свойственных смарт-контракту, как способу заключения договора:

– Суть первого признака в том, что смарт-контракт выражен в виде программного кода (его применение исходя из позиции гражданского законодательства следует считать соблюдением письменной формы сделки).

– Второй признак – исполнение обязательств в автоматизированном режиме, что с экономической точки зрения, как было указано выше, позволяет оптимизировать издержки, в частности, кредитных организаций при осуществлении своей деятельности. Последнее приобретает первостепенное значение, так как в случае необходимости физического (очного) присутствия или действий одной стороны использование смарт-контракта, как способа заключения договора, теряет экономический смысл ввиду необходимости обеспечения человеческих ресурсов для реализации договора, хотя именно на сокращение издержек в указанной части направлено внедрение данной технологии в деятельность кредитных организаций в настоящее время [193, с. 19].

Указанные признаки подтверждаются судебной практикой. В частности, в Постановлении Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 02 февраля 2023 г. по делу № А55-7445/2022 описывается кейс по продаже товаров с использованием смарт-контракта, где указывается на такие признаки договора, заключенного с помощью данной технологии, как автоматизация исполнения обязательств и существование в виде кода [47].

Необходимо отметить, что перечисленные характеристики занимают ключевое место в правильной интерпретации сущности данного инструмента, принимая во внимание возможность его применения финансовыми организациями в своей работе. Учет этих признаков позволит глубже исследовать смарт-контракт в юридической плоскости.

Проведенное исследование с уверенностью указывает на то, что смарт-контракт можно рассматривать как способ заключения договора. При

этом содержание такого договора может быть самым разнообразным. В правовой науке «способ заключения договора» трактуется как набор действий или подход, используемый сторонами для достижения соглашения [87]. Существуют такие традиционные способы заключения договоров, как обмен документов между сторонами, составление единого документа с последующим его подписанием сторонами, акцент оферты конклюдентными действиями [155, с. 150]. Если рассматривать смарт-контракт с указанной позиции, можно сделать вывод, что он помогает: 1) определить согласованные сторонами условия; 2) автоматизировано исполнять их при наступлении определенных событий. Применение смарт-контрактов влечет за собой совершение сделки в письменной форме, поскольку она может быть оформлена в виде электронного документа. Это подтверждается статьей 2 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [15], пунктом 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 49 [45], а также пунктом 2 статьи 434 Гражданского кодекса Российской Федерации. Дополнительно можно отметить, что смарт-контракты обеспечивают высокий уровень безопасности и прозрачности, так как все транзакции регистрируются в распределенном реестре блокчейна. Это исключает возможность фальсификации данных и обеспечивает надежную проверку условий выполнения договора. Более того, смарт-контракты сокращают необходимость в посредниках, так как все действия выполняются автоматически по заложенному алгоритму, что значительно снижает финансовые и временные затраты на исполнение сделки, что важно для специфики деятельности кредитных организаций. С точки зрения правового контекста, включение смарт-контрактов в юридическую практику требует адаптации правового регулирования для учета специфики данных технологий.

Стоит отметить, что согласно Определению Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации

от 05.12.2023 года № 19-КГ23-27-К5, «для обеспечения документа, подписанного простой электронной подписью, юридической силой необходимо идентифицировать лицо, которое использует простую электронную подпись, понятие которой в законе определено не только через наличие присущих ей технических признаков – использование кодов, паролей или иных средств, но и через ее функциональные характеристики – необходимость подтверждения факта формирования электронной подписи определенным лицом» [37]. Указанное подтверждает позицию в отношении того, что смарт-контракт является способом заключения договора.

При этом договоры, заключаемые с помощью смарт-контракта, можно относить к категории договоров присоединения. В действующем законодательстве договором присоединения признается договор, условия которого определены одной из сторон в формулярах или иных стандартных формах и могли быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору (пункт 1 статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации). Соответственно, суть договора присоединения в том, что контрагент, присоединяясь к договору, принимает определенные условия и порядок, в определении которых не участвует. Более сильная сторона самостоятельно определяет условия договора, но в некоторых случаях предоставляет другой стороне возможность выбрать конкретные условия из числа допустимых. Учитывая это, можно отметить, что указание судебных органов на то, что к предлагаемому одной стороной договору со стандартными условиями другая сторона просто присоединяется без возможности влияния на условия, подразумевает ограничение свободы действия присоединяющейся стороны при согласовании договорных условий.

Предоставление присоединяющейся стороне возможности выбрать разные вариации условий договора продиктовано волей более сильной стороны. Характерный признак, присущий договорам присоединения, заключается в наличии в таких договорах стандартного блока условий,

сформулированных более сильной стороной, предназначенных для неоднократного применения в отношениях с неопределенным кругом лиц. Поскольку договор, заключаемый с использованием смарт-контракта, фактически создается в виде программного кода разработчиком, представляющим одну из сторон, это означает, что другой участник соглашения не имеет возможности изменить этот код. Исключением могут быть случаи, когда обе стороны являются контрагентами, имеющими право и возможность совместно вносить изменения в код смарт-контракта.

Дополнительно стоит отметить, что данный процесс требует высокого уровня доверия между сторонами. При создании смарт-контракта важно учесть все возможные риски и предусмотреть механизм для исправления ошибок или дополнений, что может включать установку специальных прав доступа для обеих сторон. В случае, если одна из сторон не имеет технической возможности или навыков для изменения кода, важно заранее согласовать все условия и проверки, чтобы исключить любые потенциальные споры.

Также, учитывая характер и назначение смарт-контрактов, важно обеспечить информационную безопасность и защиту от несанкционированного доступа. Это может включать использование шифрования, многофакторной аутентификации и других технологий защиты данных. Следовательно, если говорить с учетом особенностей отношений, складывающихся в сфере деятельности кредитных организаций, то необходимо отметить, что договоры, заключаемые с использованием смарт-контракта, являются фактически договорами присоединения, как и указывалось выше.

Кроме того, с точки зрения добросовестного подхода при заключении договоров со стороны «сильной стороны», такой подход отражает ключевые принципы смарт-контракта, вытекающие из его природы: надежность (выполнение контракта гарантировано математическими принципами и программными алгоритмами, что исключает влияние человеческого фактора);

безопасность (невозможность манипуляций информацией, хранимой в блокчейне); автоматизация (автоматическая реализация обязательств).

Итак, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что указанное явление достаточно многогранно и сложно. Смарт-контракт характеризуют как программный код или программу, договор или его форму, а также механизм реализации обязательств. Однако с учетом правовых и технологических особенностей можно сделать вывод, что смарт-контракт по своей сути представляет собой способ заключения договора. Согласованные сторонами договора условия закрепляются в виде кода, который позволяет автоматически выполнять те или иные обязательства при их наступлении. Указанное позволяет квалифицировать договор, заключаемый с помощью смарт-контракта, как договор присоединения, имеющий формуляр или форму, разрабатываемую кредитной организацией (статья 428 Гражданского кодекса Российской Федерации).

1.2 Договоры, заключаемые кредитными организациями с использованием смарт-контракта

Известно, что именно в деятельность кредитных организаций в наибольшей степени внедряются услуги, ставшие возможными благодаря цифровизации. Сегодня благодаря развитию компьютерных и информационных технологий появилось немало новых возможностей в части заключения договоров и совершения разного рода сделок. Это порождает вопросы относительно того, каким должно быть содержание таких договоров, порядок их заключения, форма и условия действительности. Также актуальными на современном этапе являются вопросы, касающиеся способов заключения кредитными организациями договоров в условиях цифровизации (одним из таких способов является смарт-контракт). Актуальность исследований в данном направлении обуславливается тем, что многие аспекты до сих пор не проработаны в достаточной степени, хотя практика применения

смарт-контракта при заключении договоров кредитными организациями уже формируется [129, с. 25].

Стоит отметить, что без заключения договоров не обходится деятельность ни одной кредитной организации. Считается, что правовое регулирование договоров, заключаемых кредитными организациями, должно осуществляться на основе положений гражданского права и учитывать особенности деятельности данного субъекта. При этом есть некоторые особенности применения смарт-контрактов кредитными организациями, и для их выявления требуется определить, какие договоры могут заключаться с применением данной технологии. Для этого необходимо рассмотреть два важных аспекта:

1) определить, какие кредитные организации с юридической и экономической точки зрения могут заключать договоры с помощью смарт-контрактов и для кого это является целесообразным;

2) установить место таких договоров в общей системе гражданско-правовых договоров.

Для ответа на вопрос о том, какие кредитные организации с правовой и экономической точки зрения могут заключать договоры с использованием технологии смарт-контракта, важно учитывать, что понятием «кредитная организация» охватывается широкий спектр субъектов – не только банки, но и небанковские кредитные организации. Соответствующий вывод можно сделать из анализа статьи 1 Федерального закона от 02.12.1990 № 395–1 «О банках и банковской деятельности». Банк выделяется среди числа остальных кредитных организаций тем, что может заниматься привлечением и размещением средств граждан и организаций, открывать для них банковские счета, а также оказывать услуги по ведению и обслуживанию этих счетов. Основным видом деятельности кредитной организации выступает совершение банковских операций, но без возможности осуществлять производственную, страховую и торговую деятельность.

В соответствии с действующим законодательством банки бывают двух типов в зависимости от вида полученной лицензии. Так, лицензия может быть базовой или универсальной. По утверждению И.С. Шиткиной, «в отдельных случаях создание банковской структуры может быть нерациональным из-за финансовых ограничений, таких как неспособность поддерживать минимальный размер собственных средств, а также из-за организационных и кадровых трудностей, включающих дополнительную надзорную нагрузку на банки, чья деятельность связана с высокими рисками» [89]. В таких условиях целесообразным решением может быть создание небанковской кредитной организации. Такая организация сможет выполнять определенные банковские операции. Законодательно допустимые сочетания видов деятельности для небанковских кредитных организаций установлены в соответствующем Федеральном законе [89]. Также отдельные аспекты определяются Банком России. Учитывая сказанное, можно выделить, какие виды небанковских кредитных организаций (НКО) могут быть созданы в Российской Федерации: платежная НКО; депозитно-кредитная НКО; расчетная НКО. Таким образом, основное различие между банками и небанковскими кредитными организациями заключается исключительно в объеме банковских операций, которые они имеют право выполнять в рамках лицензии. Соответственно, договоры, заключаемые в соответствии с лицензией, выданной Банком России, будут одинаковы как для банков, так и для небанковских кредитных организаций. Указанное имеет важное значение в контексте настоящего исследования.

Отдельно надо отметить, что законодательство Российской Федерации предусматривает возможность создания небанковских кредитных организаций в случае, если организация занимается профессиональной деятельностью по предоставлению потребительских займов в соответствии с Федеральным законом от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» [9]. В частности, например, речь идет о ломбардах [7], а также, в соответствии со статьей 23.6 Федерального закона от 02.07.2010 №151-ФЗ

«О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» [8], при получении соответствующей лицензии – о микрофинансовых организациях.

Однако нельзя говорить о том, что все кредитные организации в случае внедрения смарт-контракта в свою договорную работу могут оптимизировать свои издержки. Как отмечалось выше в параграфе 1.1, существенным преимуществом смарт-контракта является оптимизация расходов на использование человеческих ресурсов. Как указывает в своем отчете Банк России, «смарт-контракты позволяют сократить расходы кредитных организаций за счет автоматизации процедуры заключения и исполнения банковских договоров». Кроме того, регулятор указывает, что смарт-контракты автоматизируют платежи сторон договора и сокращают использование человеческих ресурсов за счет автоматизации документооборота, что, в свою очередь, сократит издержки [215]. В связи с этим находит свое отражение также тезис, указанный в параграфе 1.1 настоящего исследования, что в ситуациях, когда физическое участие человека необходимо при заключении смарт-контракта (например, в ломбарде требуется физическая передача вещи для залога), использование смарт-контракта утрачивает свою экономическую целесообразность. Поэтому область применения смарт-контракта в договорных отношениях должна быть ограничена этим фактором.

Далее установим место и роль договора, заключаемого кредитными организациями, в системе гражданско-правовых договоров. Дело в том, что от вида и типа такого договора во многом будут зависеть и возможности использования смарт-контракта.

Формальное юридическое основание для включения договоров, заключаемых кредитными организациями, в систему гражданско-правовых договоров составляют нормы части второй Гражданского кодекса Российской Федерации. Данными нормами определены такие виды договоров, используемых кредитными организациями: договор банковского вклада;

кредитный договор; договор банковского счета; договор номинального счета; договор счета эскроу; договор публичного депозитного счета; договоры, связанные с проведением расчетов; договор условного депонирования (эскроу). Кроме того, определенные виды договоров закреплены в отраслевом законодательстве, например: договор займа под залог имущества (например, заключаемые ломбардами) или без такового (например, такие договоры заключаются микрофинансовыми организациями, получившими лицензию Банка России на осуществление деятельности в качестве небанковской кредитной организации).

Действующее гражданское законодательство не содержит легального определения термина «договор, заключаемый кредитными организациями», что является главной причиной дискуссий относительно понятия и сущности договоров этого вида. В научной литературе высказываются разные мнения по поводу сущности договора, заключаемого кредитными организациями, и даются разные его определения.

Н.Е. Егорова рассматривает договор, подписанный кредитной организацией, как действие, направленное на достижение определенных экономических и правовых результатов. Это связано со специальной правоспособностью кредитной организации, занимающейся банковскими операциями и предоставляющей определенные услуги своим клиентам. Термин «банковские договоры» означает общую категорию, объединяющую группу договоров, которые могут быть заключены с участием банка или небанковской кредитной организации, а также связаны с их деятельностью по предоставлению услуг, связанных с выполнением банковских операций [128, с. 175].

По мнению О. В. Сафоновой, в качестве главных классификационных признаков рассматриваемых договоров выступают: экономическая сфера применения и субъектный состав, то есть состав участников [105, с. 177].

А.В. Демьянова, описывая договоры, заключаемые кредитными организациями, отмечает, что их содержание составляют определенные

экономические интересы [123, с. 193]. Цель, на достижение которой ориентирована кредитная организация в своей деятельности, заключается в получении определенных экономических результатов, которые после уплаты дивидендов и вычета расходов будут направлены на расширение объема капитала кредитной организации.

Итак, несмотря на родственность правовой природы некоторых договоров, заключаемых кредитными организациями, с традиционными гражданско-правовыми договорами, можно сделать вывод, что договоры с участием кредитных организаций составляют самостоятельную группу [114, с. 147]. В подтверждение этого вывода можно привести признаки, присущие таким договорам:

- Во-первых, в деятельности кредитных организаций используются инструменты, предусматриваемые гражданским законодательством.

- Во-вторых, каждый из таких договоров направлен на достижение конкретного правового результата от возмездного оказания услуг, связанных с банковскими операциями.

- В-третьих, на основании данного договора кредитная организация обязуется предоставить клиенту определенные услуги по его поручению, а клиент, в свою очередь, обязуется своевременно и полностью оплатить предоставленные услуги (если иное не предусмотрено самим договором).

Учитывая представленные три признака, договоры с участием кредитных организаций можно отнести к категории частного права, занимающей немаловажное место в системе гражданских договоров. Также приведенные признаки позволяют отнести договоры с участием кредитных организаций к числу обязательств, связанных с оказанием услуг. По словам Г.Ф. Ручкиной, такие договоры могут включать довольно широкий спектр услуг возмездного характера, которые клиенты могут получить от кредитной организации. Практически все эти услуги связаны с денежными средствами, ценными бумагами и валютными ценностями [83].

По мнению О.С. Смолиной, банковская операция касается расчетов, платежей, кредитования, вкладов и других подобных аспектов [184, с. 184].

В рамках настоящего исследования, говоря о договорах с участием кредитных организаций, будем учитывать, что речь идет именно о договорах, обладающих вышеуказанными признаками. При этом следует отметить, что группа «договоры, заключаемые кредитными организациями» является общей. По способу заключения в сети Интернет такие договоры дифференцируются на три вида. Первый вид – договоры, заключаемые путем составления одного электронного документа. Ко второму виду относятся договоры, заключаемые путем обмена сторонами электронными документами. Третий вид – договоры, заключаемые путем присоединения к типовым условиям или «browse-wrap/ click-wrap» (статья 428, пункт 2 статьи 434 Гражданского кодекса Российской Федерации) [100]. Последний способ идентичен по своему механизму технологии смарт-контракт. Встает вопрос, почему первые два способа заключения договоров с участием кредитных организаций не тождественны заключению договора с помощью «умного» контракта?

Следует отметить, что один только факт совершения сделки с использованием информационных технологий еще не дает оснований определять ее в качестве электронной. Например, договор не будет считаться заключенным в электронной форме, если стороны вели переговоры по поводу его заключения, используя информационные технологии, но сам договор решили заключить в бумажном виде.

Договор с участием кредитной организации признается заключенным в электронной форме, если имеет место его материальное воплощение в виде соответствующего информационного файла. При этом такой файл должен обладать признаками традиционного бумажного документа. Основные понятия, касающиеся договоров, заключаемых в электронной форме, закреплены законодательно. Поэтому на практике, как правило, не возникает проблем с определением тех или иных понятий. В соответствии со статьей 2

Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», электронный документ представляет собой информацию в цифровом виде, которая воспринимается с помощью компьютеров, может передаваться через сети связи и обрабатываться в информационных системах [15]. Следует подчеркнуть, что под документированной информацией понимается не только информация, которая изложена в распечатанном документе. Этим понятием охватывается также информация, зафиксированная на любом из материальных носителей, содержащая реквизиты, с помощью которых можно определить ее материальный носитель.

В одном из своих исследований Л.Г. Ефимова обращает особое внимание на то, что электронный документ – это определенная совокупность реквизитов, фиксируемых на каком-либо материальном носителе в электронном формате, читаемом для человека [130, с. 30]. Важно отметить, что соглашение, которое кредитная организация оформляет с использованием смарт-контрактов, не следует путать с электронным договором. Это различие обусловлено тем, что условия стандартного электронного договора формулируются текстом, как и в бумажной версии, в то время как смарт-контракт представляет собой программный код, выполняющий согласованные действия автоматически. Например, платежное обязательство кредитной организации, обычно реализуемое через третий способ заключения договора, включает особую форму безналичных расчетов – с помощью аккредитива. Благодаря этому обеспечивается возможность проверки того, соблюдены ли все необходимые условия для автоматизированного денежного перевода с использованием программного кода в цифровой среде. Фактически механизм полностью совпадает с работой технологии смарт-контракта [207, с. 305].

Для определения возможности использования технологии смарт-контракта при заключении договоров с участием кредитных организаций важно учитывать, как саму сущность таких договоров, так и уже

сложившуюся практику применения указанной технологии в деятельности кредитной организации.

Впервые в практике кредитных организаций была использована сделка с применением смарт-контракта для аккредитива. Как указывают эксперты, «внедрение этой технологии позволило уменьшить временные затраты на проведение операции с 5–7 дней до четырех часов. Первым, кто воспользовался смарт-контрактом в деятельности кредитной организации, стал британский банк Barclays. Сама сделка была проведена в 2016 году» [226]. В конце этого же года реальную сделку-аккредитив с использованием смарт-контракта провели S7 Airlines и Альфа-банк. Применение смарт-контрактов позволило увеличить скорость расчетов. Так, если ранее она могла достигать двух недель, то благодаря смарт-контрактам расчеты проводятся всего за 23 секунды [213]. Также в России разработана специализированная платформа «Мастерчейн», на которой осуществляются операции по аккредитивам с использованием смарт-контракта. Активно пользуются смарт-контрактами Bank of America, HSBC и другие.

Активно используются смарт-контракты и в сфере кредитования. Исследователь Д.З. Сафаревич в качестве примера приводит сделку на сумму 75 миллионов евро, совершенную Banco Bilbao Vizcaya Argentaria. Благодаря использованию смарт-контракта на сделку ушло всего несколько часов (раньше это занимало бы дни) [166, с. 129].

На цифровой платформе могут быть реализованы и сделки с ценными бумагами. Для примера можно привести транзакцию, проведенную Национальным расчетным депозитарием в 2017 году (было выполнено поручение Райффайзенбанка на приобретение облигаций компании Мегафон). Подобная сделка стала первой в стране. В 2018 году Национальный расчетный депозитарий, Sberbank CIB и «МТС» разместили рублевые коммерческие облигации по технологии блокчейн [227]. Еще одна сфера применения смарт-контракта – факторинг (смарт-контракты в этой сфере используют М.Видео и Сбербанк Факторинг) [225].

Кроме того, существенную роль смарт-контрактов в деятельности кредитных организаций отмечает Организация Объединенных Наций в своем докладе «Инвестиционная деятельность и развитие предприятий в интересах устойчивого развития» [228] от 18 августа 2017 г. ООН указывает, что Интернет во многом стимулировал развитие современных цифровых технологий в финансовой сфере (включая «финтех»). Масштабные нововведения в области «финтех», такие как проведение электронных платежей через мобильные приложения, онлайн мобилизация ресурсов, управление оборотными средствами, а также электронное ведение бухгалтерского учета, помогли субъектам малого бизнеса улучшить финансовое управление и обеспечили предпринимателям доступ к ресурсам по приемлемой ставке. Благодаря «финтех» устраняется информационная асимметрия и решается проблема с отсутствием у некоторых заемщиков кредитной истории (используется психометрический кредитный скоринг).

Таким образом, с практической точки зрения технология смарт-контракта в деятельности кредитных организаций может использоваться с целью совершения расчетов (например, взамен SWIFT) [176, с. 99]; в рамках обслуживания; при оптимизации процессов выдачи аккредитивов, кредитов, лизинговых операций и так далее [203, с. 22].

Приведенный перечень не охватывает все возможные операции. Согласно статье 5 Федерального закона от 02 декабря 1990 года № 395-1 «О банках и банковской деятельности», банковские операции включают: «привлечение денежных средств от физических и юридических лиц во вклады (срочные и до востребования); открытие и ведение банковских счетов для этих клиентов; осуществление переводов денежных средств по поручению клиентов, включая банки-корреспонденты, а также переводы без открытия счета (включая электронные деньги); инкассацию наличных денежных средств, векселей, платежных и расчетных документов, а также кассовое обслуживание клиентов; операции с иностранной валютой в наличной и безналичной формах; привлечение драгоценных металлов в депозиты от

физических и юридических лиц, кроме монет из них». Надо отметить, что почтовые переводы денежных средств, проводимые без открытия счета, не считаются банковскими операциями.

Небанковские кредитные организации имеют возможность выполнять различные функции, помимо перечисленных выше. Среди них – «покупка прав требований от третьих сторон для выполнения финансовых обязательств; предоставление поручительств за третьих лиц, имеющих денежные обязательства; аренда сейфов и особых помещений для хранения ценностей и документов, предназначенная как для физических, так и юридических лиц. В соответствии с действующим законодательством, такие организации вправе осуществлять сделки с драгоценными металлами и обработанными природными алмазами, заниматься доверительным управлением денежными средствами и другими активами на основании договоров с клиентами, а также предлагать информационные и консультативные услуги» [2]. Помимо этих функций, они могут заниматься лизингом и выдачей банковских гарантий. Некоторые операции могут включать в себя предоставление займов небанковскими кредитными организациями, такими как ломбарды и микрофинансовые организации, при условии наличия соответствующей лицензии от Банка России.

Анализ правовой природы банковских операций не является предметом исследования, поэтому рассмотрим возможность внедрения смарт-контрактов в кредитные организации на основе двух критериев, выделенных в первом параграфе первой главы данного исследования: автоматизация исполнения обязательств и заключение договоров присоединения в соответствии с признанной практикой.

Возможность заключения договоров в формате присоединения будет оценена на основании существующих судебных практик с учетом того, что при внедрении смарт-контракта реализация договора должна происходить с минимальным участием сторон, то есть автоматически. Договоры, которые

могут заключаться кредитными организациями по поводу банковских операций с использованием смарт-контрактов представлены в приложении А.

К банковским операциям, подходящим для применения смарт-контрактов, относятся: привлечение денежных средств от физических и юридических лиц на вклады (например, срочные и до востребования – Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации № 5-В11-46 от 10 мая 2011 года) [50]; открытие и ведение банковских счетов для физических и юридических лиц (например, решение Арбитражного суда Костромской области от 09 октября 2020 года по делу № А31-4526/2020) [41]; переводы денежных средств по поручению клиентов, включая банков-корреспондентов, через банковские счета (например, Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 июля 2017 года № 41-КГ17-12) [38]; переводы денежных средств без открытия банковских счетов, включая электронные деньги (за исключением почтовых переводов – решение Хорошевского районного суда г. Москвы от 13 сентября 2018 года по делу № 2-4400/18) [58]; купля-продажа безналичной иностранной валюты (например, решение Тушинского районного суда г. Москвы от 17 марта 2016 года по делу № 2-327/16) [52]; предоставление банковских гарантий (например, решение Тверского районного суда г. Москвы от 10 декабря 2019 года по делу № 2-1501/2019) [42]; выдача займов под залог имущества и без него (например, решение мирового судьи судебного участка № 316 Алексеевского района г. Москвы от 24 марта 2021 года по делу № 2-132/21) [33]; лизинговые операции (например, решение Пресненского районного суда от 28 ноября 2019 года по делу № 2-3463/19) [35].

К числу банковских операций, для которых целесообразно использование технологий смарт-контрактов, относятся: привлечение вкладов от физических и юридических лиц (например, срочные депозиты и депозиты до востребования – Определение Судебной коллегии по гражданским делам

Верховного Суда Российской Федерации № 5-В11-46 от 10 мая 2011 года) [50]; открытие и обслуживание банковских счетов для различных категорий клиентов, включая физических и юридических лиц (например, решение Арбитражного суда Костромской области от 09 октября 2020 года по делу № А31-4526/2020) [41]; выполнение переводов денежных средств по поручениям клиентов, включающих банков-корреспондентов, посредством банковских счетов (например, Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 июля 2017 года № 41-КГ17-12) [38]; выполнение денежных переводов без необходимости открытия банковских счетов, включая электронные денежные средства (кроме почтовых переводов – решение Хорошевского районного суда г. Москвы от 13 сентября 2018 года по делу № 2-4400/18) [58]; операции по купле-продаже безналичной иностранной валюты (например, решение Тушинского районного суда г. Москвы от 17 марта 2016 года по делу № 2-327/16) [52]; предоставление банковских гарантий (например, решение Тверского районного суда г. Москвы от 10 декабря 2019 года по делу № 2-1501/2019) [42]; выдача кредитов под залоговое обеспечение или без него (например, решение мирового судьи судебного участка № 316 Алексеевского района г. Москвы от 24 марта 2021 года по делу № 2-132/21) [33]; осуществление лизинговых сделок (например, решение Пресненского районного суда от 28 ноября 2019 года по делу № 2-3463/19) [35]. Этот перечень операций не является исчерпывающим, но законодатель выделяет наиболее востребованные и популярные банковские операции, часто встречающиеся в деловой практике [178, с. 455]. Важно отметить, что на данный момент практика использования смарт-контрактов в кредитных организациях остается пока не широко распространенной, но имеет значительный потенциал благодаря уникальным характеристикам этой технологии.

Изучение судебной и деловой практики показывает, что смарт-контракты могут быть использованы для заключения следующих типов

договоров с участием кредитных организаций: договор банковского вклада, договор банковского счета, договор о переводе денежных средств, договор об открытии аккредитива, договор купли-продажи иностранной валюты в безналичной форме, договор банковской гарантии, договор займа без залога имущества и другие договоры, которые позволяют заключение в форме договора присоединения и автоматизированное исполнение обязательств.

В статье 6 Федерального закона от 02 декабря 1990 года № 395–1 «О банках и банковской деятельности» указано, что «кредитные организации имеют право заниматься операциями на рынке ценных бумаг» [2]. Закон также устанавливает условия, при которых возможно использование смарт-контрактов, особенно в контексте заключения соглашений, связанных с эмиссией или покупкой цифровых финансовых активов.

Согласно статье 1 Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», данные активы рассматриваются как «цифровые права». Сделки с такими активами осуществляются в рамках блокчейн-технологии и специальных информационных систем [14]. Широкое трактование технических возможностей было определено еще на стадии разработки закона [219]. Поэтому применения смарт-контрактов в данной сфере выглядит перспективным решением. Практику в этой части можно назвать устоявшейся. В большей степени банки активно используют данный инструмент. Так, с конца 2023 года ПАО «Сбербанк» выпускает цифровые финансовые активы, привязанные к средней стоимости жилой недвижимости в Москве [223]. А в апреле 2023 года ПАО Банк «Союз» (ныне – ПАО Банк «Ингосстрах») приобрел цифровые финансовые активы ПАО «Ростелеком» [220]. В настоящее время в целом совокупное количество выпусков цифровых финансовых активов можно оценить примерно в 350, а объем рынка по находящимся в обращении выпускам на конец 2023 года составил порядка 60 миллиардов рублей [222].

Исходя из проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Смарт-контракты все чаще могут использоваться кредитными организациями для заключения договоров в связи с реализацией банковских операций, а также по поводу выпуска и оборота цифровых финансовых активов и отдельных сделок, предусмотренных отраслевым законодательством (в частности, по поводу выдачи займа). Однако в силу специфики технологии смарт-контракт, как способ заключения договора с участием кредитной организации, используется в случае, если он имеет правовую природу договора присоединения, что объясняется автоматическим исполнением обязательств по нему и исключением человеческого фактора при его реализации. Указанное позволяет сделать вывод, что с использованием технологии смарт-контракта кредитные организации на практике с учетом правовой природы таких договоров могут заключать следующие виды договоров: «договор банковского вклада, договор банковского счета; договор о переводе денежных средств; договор купли-продажи иностранной валюты в безналичной форме; договор банковской гарантии; договор займа без залога имущества; договоры, связанные с выпуском или оборотом цифровых финансовых активов, осуществляемых с учетом особенностей регулирования рынка ценных бумаг» [2]; иные договоры с участием кредитных организаций, подразумевающие возможность заключения договора в форме договора присоединения, а также по которым исполнение обязательств происходит в автоматизированном порядке.

1.3 Зарубежный опыт правового регулирования использования смарт-контракта в деятельности кредитных организаций

Цифровизация — один из главных трендов развития общества в XXI столетии. Особенно активно процессы цифровизации проявляются в последнее десятилетие, которое по праву можно считать десятилетием глобальной цифровизации. Человечество все сильнее включается в цифровое

пространство, чему способствуют разные объективные обстоятельства (такие как пандемия, изменения в геополитике). Цифровизация проникла практически во все сферы: политику, образование, социальный сектор, банковскую систему и другие.

Внедрение цифровых технологий в деятельность кредитных организаций привело к тому, что появились новые продукты, существующие только в одной форме – цифровой (без материального аналога). Также наблюдается достаточно стремительный рост объема цифровых транзакций, совершаемых клиентами кредитных организаций [112, с. 100].

Цифровизация деятельности кредитных организаций обусловила необходимость разработки правового регулирования отношений, возникающих в ходе нее. Слабо урегулированной сферой, как уже было упомянуто, остается использование смарт-контрактов. Смарт-контракты появились достаточно давно, но правовое регулирование их применения в России начало формироваться только в последние пять лет. Первый серьезный шаг в этом направлении был сделан законодателем в 2019 году. Этим шагом стало включение цифровых прав в число самостоятельных объектов гражданского права [5]. Термин «цифровые права», как следует из законодательного определения, используется для обозначения обязательственных и других прав, условия осуществления и содержание которых определяются правилами информационной системы. Законодательное определение цифровых прав закреплено в статье 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. Если говорить коротко, то под цифровыми правами понимаются сведения в электронном виде, которые посредством специального кода удостоверяют имущественные права субъекта на те или иные объекты гражданского права. К числу цифровых прав относятся, например, цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права. При их распоряжении обращение к третьим лицам не требуется, а само распоряжение при этом возможно только в рамках информационной платформы.

Термин «смарт-контракт» не имеет юридического закрепления в действующем законодательстве, а упоминается исключительно в научных трудах. Однако современное законодательство вводит новую разновидность письменной формы для сделок, предусматривающую использование электронных и иных технических средств при их заключении. Более детально сущность смарт-контракта была рассмотрена в параграфе 1 главы 1 настоящей работы.

В 2018 г. Банк России опубликовал аналитический обзор на тему смарт-контрактов, в котором было дано определение данного инструмента. Под смарт-контрактом предлагается понимать договор, устанавливающий, прекращающий или изменяющий юридические обязанности и права сторон, условия которого подлежат записи, обеспечению и исполнению посредством программного кода в программной среде. Любая транзакция в рамках смарт-контракта осуществляется в автоматическом режиме [215]. Данный подход довольно широкий, что ошибочно дает основания относить к смарт-контрактам договор оказания услуг перевозки (такси) с использованием мобильного приложения – клиент и водитель такси заранее видят цену поездки, а при прибытии в пункт назначения денежные средства с клиентского счета списываются автоматически и зачисляются на счет водителя. Указанное, безусловно, особенно в части деятельности кредитных организаций, требует дополнительных разъяснений со стороны регулятора.

Правового регулирования смарт-контрактов в деятельности кредитных организаций на международном уровне в настоящее время не существует. Тем не менее, общеизвестно, что отношения между сторонами, возникающие из-за заключения электронных сделок, включая использование смарт-контрактов, подпадают под гражданское право. Поэтому их регулирование должно охватываться нормами гражданского права. Помимо этого, к таким отношениям применима используемая в гражданском праве общая классификация договорных отношений. Как указывает С.В. Соловьева, распространение существующего регулирования на электронные сделки не

способствуют эффективному регулированию сферы электронной торговли [185, с. 109].

В решении проблем в области правового регулирования электронных сделок первый значимый шаг был сделан еще в 1996 году. Этим шагом является принятие Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронной торговле [22]. Данный документ регулирует особенности электронных сделок, но самый важный вывод в контексте настоящего исследования – это то, что электронная форма приравнена к письменной.

Модельный закон об электронных подписях, урегулировавший трансграничную торговлю, был принят в 2001 году в рамках 34-й сессии ЮНСИТРАЛ. Также регламентации подлежали некоторые аспекты, связанные с поведением субъектов электронной торговли. Изначально основной целью разработки и принятия этого модельного закона выступала необходимость обеспечения технической и правовой согласованности национальных законодательств в выработке положений, на которых в дальнейшем будет основываться развитие правового регулирования в различных правовых порядках.

Значимым нововведением в результате принятия указанных законов стало то, что электронная подпись была наделена юридической силой независимо от того, где именно она создана или используется – в принимающем государстве либо вне его территории (пункт 3 статьи 12 Типового закона) [23]. Среди новых изменений следует отметить введение понятия электронной подписи. Электронная подпись представляет собой электронные данные в виде уникального набора символов, которые служат для подтверждения авторства электронного документа. Используя электронную подпись, лицо выражает согласие с содержанием подписанного им документа. В связи с этим, с учетом российского подхода к регулированию использования смарт-контракта, можно говорить о применимости данных норм в рассматриваемой сфере при соблюдении указанных требований.

На международном уровне смарт-контракт признан юридически, как и возможность его использования. Однако такое признание является косвенным – соответствующий вывод можно сделать из того, что международное право признает электронные сделки. В контексте сказанного целесообразно упомянуть о Принципах международных коммерческих договоров УНИДРУА, разработанных авторитетной межправительственной организацией и представляющих собой свод единообразных правил в сфере международной торговли. Анализ положений указанного правового акта позволяет сделать вывод, что согласие сторон на автоматическое исполнение сделки дает им возможность не принимать непосредственного личного участия при совершении сделки [24]. Любые договоры допускается заключать в автоматизированном режиме (то есть без участия человека и без вмешательства с его стороны). Для этого участники правоотношений должны дать свое согласие на использование автоматизированной системы.

Положения рассмотренного и иных международных актов, в том или ином виде, нашли свое отражение в законодательстве зарубежных стран.

В российских исследованиях вопрос подходов к регулированию использования технологии смарт-контракта в финансовой сфере поднимается достаточно часто. Так, как указывает Г.Ф. Ручкина, смарт-контракты сегодня используются в финансовом секторе 45 стран. В этих странах регулирование базируется на двух подходах. Одним подходом предполагается издание национальным регулятором разъяснений относительно возможностей использования смарт-контракта кредитными организациями (подобный подход, например, воспринят Соединенными Штатами Америки и Германией), а другим – разработка и принятие новых законодательных актов, регулирующих данную сферу (по данному пути пошли Австралия, Мексика, Эстония). Каждый из таких подходов имеет свои особенности. При этом вне зависимости от подхода смарт-контракт во всех странах признается в качестве одной из допустимых форм сделки, при которой соответствующие условия

договора исполняются, как только наступило заранее установленное сторонами событие [24].

Е.В. Зайнутдинова подчеркивает важность исследования не только формального аспекта смарт-контракта, но и его сущности, выделяя несколько правовых концепций: технический, представляющий смарт-контракт как программу, код, алгоритм; договорный, рассматривающий его как тип соглашения; и комбинированный, который объединяет оба вышеназванных подхода [174].

Однако указанный подход несовершенен ввиду отсутствия в нем отражения позиции государства. Особенно явно это прослеживается при анализе использования смарт-контракта в деятельности кредитной организации. Данный подход лишь продолжение полемики о правовой природе рассматриваемой технологии среди ученых-цивилистов [135, с. 129].

Подходы Е.В. Зайнутдиновой, безусловно, важны для понимания многообразия взглядов на смарт-контракты. Но возникает вопрос: каково же мнение государства? Смарт-контракт, безусловно, должен быть рассмотрен не только с позиции того, является ли он договором или программой, но и с точки зрения его нормативного регулирования и возможности применения в сфере деятельности кредитных организаций. Особенно важно учитывать позицию законодателя, когда речь идет о кредитных организациях, которые работают с деньгами граждан и юридических лиц. Для таких организаций важно не только соблюдение правовых норм, но и прозрачность, безопасность и доверие со стороны клиентов. Следовательно, исследователям и практикам необходимо учитывать не только теоретические дискуссии, но и нормативные акты, государственные рекомендации и реальные примеры применения смарт-контрактов в кредитных организациях. Такой подход позволит более эффективно использовать возможности смарт-контрактов, не теряя при этом юридическую и техническую гибкость.

Л.Г. Ефимова, И.Е. Михеева, Д.В. Чуб, в свою очередь, с позиции цивилистического аспекта выделяют два подхода в правовом регулировании

использования «умного» контракта в финансовом секторе. Первым подходом предполагается регулирование соответствующих отношений в соответствии с общими положениями действующего национального договорного права. При таком подходе смарт-контракты могут беспрепятственно использоваться в хозяйственных отношениях, хотя специальное регулирование и отсутствует. В пример авторы приводят Францию. Второй подход включает в себя создание законодательства, касающегося смарт-контрактов и специфических норм, регулирующих контрактные отношения в цифровой среде. В государствах, придерживающихся этого подхода, таких как Соединенные Штаты Америки (далее – США), отсутствует четкое законодательное оформление правовой сущности смарт-контрактов [133, с. 79]. А.А. Волос также отмечает, что существует два основных способа регулирования применения смарт-контрактов в работе финансовых организаций. Первый метод основывается на явном законодательном регулировании применения смарт-контрактов, что обеспечивает ясную и однозначную правовую рамку для их использования. Второй подход опирается на косвенное регулирование, когда к смарт-контрактам применяются нормы других правовых институтов по аналогии.

По нашему мнению, оба подхода имеют свои сильные и слабые стороны. Прямое законодательное закрепление предоставляет ясность и правовую определенность, что особенно важно для кредитных организаций, работающих в условиях строгого регулирования и контроля. Это помогает уменьшить риски и повышает доверие со стороны клиентов и партнеров. Однако такой подход может быть менее гибким и требовать значительных усилий и времени для обновления законодательства в случае появления новых технологий и практик.

Первого подхода придерживаются США, Италия и другие страны, второй подход воспринят Австралией, Новой Зеландией, Индией (например, законодательство об электронных платежах применяется к регулированию использования смарт-контрактов) [116, с. 25]. Хотя предложенная

классификация безусловно имеет свою значимость, надо признать, что в настоящее время существуют новые методы регулирования применения смарт-контрактов в сфере кредитных организаций, которые дополняют существующие подходы.

Стоит отметить, что некоторые учены считают, что разработка регулирования использования смарт-контракта излишне. По их мнению, указанные отношения могут быть урегулированы уже имеющимися нормами Гражданского кодекса Российской Федерации [135, с. 128]. Считаем, что данный подход недостаточно обоснован, так как вопрос применения смарт-контрактов в кредитных организациях остается малоизученным. Пока что делать окончательные выводы о природе этого явления преждевременно. Исследование международного опыта в решении вопросов, связанных с использованием смарт-контрактов кредитными организациями, в свою очередь, может существенно снизить юридические риски при внедрении данной технологии.

В рамках настоящего исследования был проанализирован опыт правового регулирования использования смарт-контрактов в деятельности кредитных организаций 14 стран. Указанный анализ позволил сформировать авторскую классификацию подходов к гражданско-правовому регулированию рассматриваемой сферы в таблице 2. Анализ данных подходов необходим для учета успешных практик при формировании законодательных основ в Российской Федерации.

Таблица 2 – Подходы к гражданско-правовому регулированию использования смарт-контрактов в деятельности кредитных организаций

Подход	Суть	Примеры стран
1	2	3
Запретительный	Закреплен запрет на применения данной технологии в деятельности любых финансовых организаций	Алжир, Бангладеш, Египет, Объединенные Арабские Эмираты
Нейтральный	Отсутствует регулирование рассматриваемой сферы	Конго, Нигерия, Центральноафриканская Республика

Продолжение таблицы 2

1	2	3
Активного вмешательства	Установлено новое регулирование рассматриваемой сферы	Италия, США, Беларусь
Разъяснительный (подход невмешательства)	Использование технологии смарт-контракта в деятельности кредитных организаций регулируется уже действовавшим на момент появления технологии законодательством с учетом разъяснительных документов или точечных изменений в действующие нормативные акты	Австралия, Мексика, Германия, Великобритания

Источник: составлено автором.

Рассмотрим указанные подходы более подробно на примере некоторых стран.

Запретительный подход. Суть данного подхода заключается в установлении запрета на использование смарт-контракта в гражданском обороте, особенно в части транзакционных операций, совершаемых кредитными организациями. Использование данного подхода объясняется законодателями ряда стран возможностью проведения платежей анонимно, что противоречит не только действующему гражданскому и банковскому законодательству данных стран, но также административному и уголовному. Кроме того, законодатели мусульманских стран также указывают, что смарт-контракты могут повлечь за собой реализацию спекулятивной составляющей ряда финансовых инструментов, что противоречит шариату.

Рассмотрим ряд примеров. В 2018 году Центральный банк Объединенных Арабских Эмиратов (далее – ОАЭ) внедрил новую нормативную базу, предназначенную для формирования современной цифровой платежной экосистемы. Эта инициатива была частью более масштабных усилий по модернизации национальной инфраструктуры. Однако, при более подробном анализе правил, стало очевидно, что компаниям запрещено применения смарт-контрактов в финансовых операциях [235]. К

странам-приверженцам данного подхода можно отнести Алжир, Египет, Бангладеш [217].

Следует отметить, что «мотивы» законодателей при установлении такого всеобъемлющего запрета на использование смарт-контракта в сфере гражданских правоотношений не свойственны российской правовой системе. Поэтому в Российской Федерации указанный подход не может быть использован.

Нейтральный подход. Суть данного подхода в том, что законодатель никак не реагирует на появление новых технологий в гражданском обороте, не регулирует их, но и не отрицает. Основной мотив применения указанного подхода – уровень научно-технологического прогресса. Известно, что научно-технический прогресс – важнейший фактор экономического развития, связанный с понятием технологического развития. Это процесс, объединяющий науку, технику, экономику, предпринимательство и управление [148]. В случае, если в стране технологическое развитие не является приоритетом в силу особенностей ее развития, то правовые риски использования новых технологий в данном случае минимальны. Так, в силу научно-технологического развития рассматриваемый подход в отношении регулирования использования смарт-контракта в деятельности кредитных организаций официально был озвучен законодателями таких стран, как Конго, Нигерия, Центральноафриканская Республика [69]. Представляется, что Россия, являясь технологически высокоразвитой страной, не может указанный подход реализовать в своем правовом поле в силу неактуальности мотивов законодателя названных стран.

Подход активного вмешательства. В соответствии с данным подходом страны стремятся установить специальное правовое регулирование использования новых технологий, особенно в деятельности кредитных организаций. При этом законодатели данных стран, по мнению исследователей, исходят из двух позиций: 1) своевременное правовое регулирование позволит снизить значительные правовые риски [173];

2) наличие регулирования является предсказуемым для инвесторов, которые вкладываются в информационные финансовые технологии [180, с. 63].

Рассмотрим несколько примеров. В США использование смарт-контрактов регулируется на уровне штатов. В Аризоне контракты на базе блокчейна получили статус легитимных документов в 2017 году. В Иллинойсе в 2018 году официально разрешили использовать блокчейн для хранения данных. В то же время, в 2018 году, смарт-контракты были признаны законными в штатах Коннектикут и Огайо [194, с. 184].

Наиболее активно развитием правового регулирования в сфере использования смарт-контрактов занимаются власти Италии. Так, после вхождения в Европейское блокчейн-партнерство в 2019 г. в Италии была создана целевая группа, а также принят закон, установивший правовую базу с целью обеспечения применимости и обоснованности смарт-контрактов и технологии распределенного реестра. Также был разработан и принят закон, установивший законодательное определение категорий «смарт-контракт» и «технологии распределенного хранения данных». В Законе от 07.02.2019 г. № 135/2018 впервые представлено формальное определение смарт-контракта как программы, работающей на основе блокчейн-технологии [233]. Принятие этого закона позволило Италии стать одной из первых стран, обеспечивших полноценное правовое регулирование смарт-контрактов и технологий распределенного реестра. Новые правила охватывают широкий спектр возможностей, что делает их применимыми в различных типах сделок и договоров. Это означает, что любой желающий теперь может воспользоваться преимуществами смарт-контрактов и технологий распределенного реестра, опираясь на четко определенную юридическую базу.

Стоит также отметить, что установленные нормы создают правовую определенность и повышают доверие к использованию этих современных технологий. Указанное особенно важно для бизнеса, так как позволяет прозрачнее и безопаснее заключать сделки, минимизируя риск мошенничества и неисполнения обязательств. Кроме того, принятие закона стимулирует

инновации и способствует развитию новых бизнес-моделей, которые активно используют блокчейн и смарт-контракты [237].

Таким образом, Италия стала одним из первых государств, которое установило четкие и всеобъемлющие нормы для работы с блокчейн-технологиями и смарт-контрактами, что позволяет использовать их во многих сферах бизнеса и повседневной деятельности.

Еще одним примером является Республика Беларусь. В силу положений Закона Республики Беларусь от 17.07.2018 г. №135-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь» [27], которым были внесены поправки в Гражданский кодекс Республики Беларусь [26], сделки, заключенные посредством смарт-контрактов, впервые на уровне национального законодательства были приравнены к договорам, заключенным в письменной форме. Тем не менее, стоит отметить, что использование смарт-контрактов для проведения и выполнения банковских операций в настоящее время доступно только для резидентов Парка высоких технологий. Специальные правовые режимы часто применяются для регулирования новых и, как правило, рискованных правовых инструментов [232]. Тем не менее, множество ученых выступает против ограничения числа пользователей смарт-контрактов, поскольку это препятствует быстрому развитию данной технологии в банковском секторе [135, с. 129].

Изучив представленные примеры, можно прийти к выводу, что ряд стран нацелен на внедрение совершенно новых подходов к регулированию использования смарт-контрактов в деятельности кредитных организаций. При этом, как указывают исследователи, наличие детального правового регулирования не всегда способствует быстрому развитию технологий в гражданско-правовых отношениях, а иногда даже замедляет его. В связи с этим такой подход не поддерживается рядом ученых [180, с. 63], с которыми в указанном ключе невозможно не согласиться.

Разъяснительный подход или подход невмешательства. Ключевой характеристикой такого подхода выступает минимальное правовое

регулирование сферы использования цифровых технологий. Вследствие этого имеет место высокий уровень самоорганизации кредитных организаций. В науке распространена такая позиция, что вследствие усиления регулятивной правовой роли государства в управлении использованием технологий развитие таких технологий может существенно замедлиться [121]. Роль государства в данном ключе должна сводиться к предупреждению тех правовых рисков, которые возникают в рамках реализации адекватного гражданского оборота. Управление такой деликатной областью, как технология, не всегда означает необходимость жесткого контроля, особенно когда речь идет о частноправовых отношениях. Управление должно сводиться к созданию соответствующих условий. Государство не должно вмешиваться в принципиальные вопросы самоорганизации и функционирования гражданского оборота с использованием цифровых технологий. Данное мнение является неоднократно подтвержденным на практике регулирования иных инновационных процессов [158, с. 989].

Ярким примером страны, придерживающейся этого подхода, является Австралия. Согласно информации, размещенной на официальных сайтах Австралийской комиссии по ценным бумагам и инвестициям [30] и Австралийского налогового управления [28], можно сделать вывод о допустимости использования смарт-контрактов в транзакционных операциях кредитных организаций. Это связано с применением методов шифрования при регулировании создания дополнительных единиц и проверке транзакций на основе блокчейна. Мексика также придерживается аналогичного подхода. Центральный банк Мексики разрешает кредитным организациям, имеющим соответствующее разрешение, осуществлять транзакционные операции с помощью смарт-контрактов. Отношения, возникающие в рамках таких контрактов, регулируются гражданским и финансовым законодательством [29]. Таким образом, и Австралия, и Мексика демонстрируют стремление внедрить современные технологии в сферу финансовых услуг, предоставляя

легальную основу для использования смарт-контрактов в кредитных организациях.

В Германии сделки с использованием смарт-контрактов в деятельности кредитных организаций также были квалифицированы как электронные сделки. Отдельное регулирование получили транзакции с использованием виртуальных валют [229]. Аналогичный подход сложился и в Великобритании, где уточнение регулирования использования смарт-контрактов осуществлялось на уровне разъяснений регулятора.

Положительными сторонами такого подхода являются: существенный экономический эффект и стремительное технологическое развитие в рассматриваемой сфере. Так, в Австралии при поддержке государства будет создан консорциум, который объединит компанию «Data61», юридическую компанию «Herbert Smith Freehills» и организацию «IBM». Цель состоит в создании первой в Австралии межотраслевой широкомасштабной цифровой платформы, которая будет доступна всем компаниям страны. В рамках данной платформы возможно создание смарт-контрактов, полностью соответствующих гражданскому и банковскому законодательству Австралии. Безусловно, ожидается, что указанный проект позволит существенно снизить издержки кредитных организаций [224].

Лояльный подход к регулированию в Германии позволил реализовать проект, направленный на сокращение временных издержек и трат, связанных с привлечением человеческих ресурсов. Так, в начале декабря 2019 года крупнейшие немецкие кредитные организации «Commerzbank», «Credit Suisse» и «UBS» провели первые операции через блокчейн-платформу безопасного кредитования ценными бумагами от Deutsche Börse и управляющей компании HQLAX. Как отмечают представители кредитных организаций, использование смарт-контрактов в этой сфере стало возможным благодаря отсутствию правовых запретов и детального регулирования данной области [230].

Активное использование смарт-контрактов благодаря указанному подходу к регулированию отмечается и в Великобритании. Примером использования смарт-контрактов в международной торговле является деятельность британского банка «Barclays». Этот финансовый институт ввел в практику использование блокчейна для автоматизации сделок, связанных с аккредитивами, в глобальной торговле продуктами, включая сыр и масло. Документы, подтверждающие выполнение условий сделки, содержали цифровые версии таких документов, как сертификат происхождения товара, страховой полис, счет-фактура и транспортная накладная. Финансовая операция была осуществлена с использованием традиционных валют [215].

Таким образом, указанный подход заключается в том, что государство не принимает новые законы для регулирования рассматриваемой сферы, а лишь уточняет его посредством подзаконных нормативных актов, разъяснений и писем центральных банков или иных финансовых регуляторов.

Считаем, что невмешательство государства в гражданское правовое регулирование использования смарт-контракта в деятельности кредитных организаций видится для России наиболее приоритетным вариантом, так как действующим банковским и гражданским законодательством достаточно детально урегулировано дистанционное обслуживание договоров с участием кредитных организаций. Для минимизации правовых рисков использования смарт-контракта в рассматриваемых отношениях возможна разработка разъяснений на уровне Верховного Суда Российской Федерации или принятие отдельных актов Банка России. В основу практических рекомендаций, сформированных в настоящем диссертационном исследовании, лег именно этот подход.

Таким образом, анализ зарубежной практики позволяет сделать вывод о том, что в правовых системах зарубежных стран постепенно формируется правовое регулирование использования смарт-контракта в деятельности кредитных организаций. Рассмотрены такие подходы к правовому регулированию использования смарт-контракта в деятельности кредитных

организаций: запретительный подход; нейтральный подход; подход активного вмешательства государства в регулирование; разъяснительный подход (невмешательство государства в регулирование). Рецепция запретительного и нейтрального подхода в российскую правовую систему не представляется возможной ввиду высокого технологического развития кредитных организаций, осуществляющих свою деятельность на территории Российской Федерации. При имплементации подхода активного вмешательства государства в регулирование применения смарт-контракта в деятельность кредитных организаций имеются риски замедления развития гражданско-правовых отношений, возникающих в рамках использования рассматриваемой технологии. Считаем, что наибольшая соответствие и эффективность для российской правовой системы будет достигнута при подходе, предусматривающем минимальное вмешательство государства в вопросы гражданско-правового регулирования использования смарт-контрактов в кредитных организациях. Это можно объяснить тем, что текущее законодательство в России, касающееся гражданского и банковского права, довольно детализировано охватывает вопросы договорных отношений, в которых участвуют кредитные организации, а также нюансы дистанционного обслуживания клиентов. Правовые риски использования смарт-контракта могут быть минимизированы разъяснениями со стороны Верховного суда Российской Федерации или путем принятия отдельных актов Банка России.

Глава 2

Правовое регулирование отдельных видов договоров, заключаемых кредитными организациями с использованием смарт-контракта

2.1 Особенности заключения кредитными организациями договоров с использованием смарт-контракта: пруденциальное регулирование

В настоящее время в научной доктрине достаточно популярна теория рисков – ей посвящено множество исследований и тематических мероприятий. Риск – сложное, многоаспектное понятие, включающее неизвестность, неопределенность, опасность, вариативность, угрозу возникновения каких-либо отрицательных событий [153, с. 17]. Главная задача, стоящая перед исследователями, заключается в том, чтобы понять, как принимать решения, которые не будут приводить к возникновению негативных последствий. Иными словами, перед научным сообществом стоит задача по исключению либо минимизации рисков в процессе принятия решений. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации рассматривает риски в качестве составляющей юридического прогнозирования. Исследователями обращается внимание на то, что исследование рисков позволяет прогнозировать возможные и повторяющиеся отклонения от правовых регуляторов и моделей [73]. Благодаря особому виду прогнозирования (юридическому) обеспечивается комплексное и обстоятельное исследование правовых рисков, что, в свою очередь, позволяет достигать вышеуказанной цели [63].

Юридическое прогнозирование играет важную роль в повышении эффективности и качества правового регулирования. При грамотном подходе обеспечивается высокое качество нормативно-правовых актов, что

способствует преодолению бессистемности в планировании законопроектов. Кроме того, юридическое прогнозирование позволяет классифицировать все существующие риски правового характера по таким классификационным критериям, как мера опасности для лица, ответственного за принятие решения, и степень предсказуемости самого риска. О высокой роли юридического прогнозирования в современной практике говорят многие исследователи, в том числе К.В. Агамиров [107, с. 18].

В соответствии с общепринятым определением правовые риски или риски правового характера – это ожидаемые отклонения в правотворческой деятельности, выражающиеся в возможном нарушении системных связей правового регулирования, недостаточном учете социально значимых интересов, некорректном выборе целей, средств и предмета правового регулирования, возникновении юридических коллизий и их обострении. В правоприменительной деятельности риски правового характера возникают в связи с недостаточностью ресурсного обеспечения; неверным принятием нормативно-правовых и подзаконных актов; наличием противоречий с иными социально значимыми нормами [187, с. 57]. Для диагностики потенциальных рисков на практике могут использоваться средства различных отраслей законодательства: финансовой, административной, гражданской, экологической, трудовой и других. Результатом комплексной диагностики потенциальных рисков становится выявление путей недопущения рисков и снижения возможного вреда от их реализации [188, с. 5-16].

Помимо правовых рисков, в отечественной доктрине достаточно активно исследуются банковские риски и риски деятельности кредитных организаций.

Т.Л. Мягкова определяет такие риски в качестве возможности сокращения дохода, уменьшения прибыли, увеличения расходов, а также снижения размера собственного капитала кредитных организаций. Главная особенность таких рисков в том, что они ничем не обусловлены. Иными словами, их возникновение никак не зависит от того, какие действия

совершает или не совершает кредитная организация [79]. В исследованиях некоторых авторов указанные риски определяются в качестве ситуативной характеристики деятельности финансовой организации. С этой точки зрения риск характеризуется неопределенностью исхода и потенциальной возможностью возникновения неблагоприятных результатов. Риски при этом рассматриваются некоторыми исследователями с привязкой к конкретным результатам (потеря прибыли, возникновение убытка), которые можно измерить количественно [167, с. 101]. По мнению исследователей, при работе над снижением рассматриваемых рисков необходимо параллельно вести поиск оптимального соотношения уровня риска и доходности деятельности. Полное понимание сущности рассматриваемых рисков требует строгой формализации, углубленного анализа и применения эффективного методологического инструментария [106].

Широко известно, что Банк России выполняет функции контроля и регулирования работы кредитных организаций. Главной целью этой деятельности является «поддержание устойчивости экономической системы страны и защита прав вкладчиков и заемщиков» [126, с. 74]. В.М. Усоскин подчеркивал «необходимость строгого контроля за кредитными организациями для гарантирования финансовой устойчивости государства». Данный контроль следует сочетать с рыночными механизмами и продуманной экономической стратегией. Одним из основных аспектов контроля является гарантирование стабильности банковских операций, аккумулярование капиталовложений и формирование резервов для эффективного управления рисками [192, с. 91].

Этот вид регулирования именуется пруденциальным надзором. Термин «пруденциальный» имеет происхождение от английского слова «prudent», что означает «осмотрительный» или «разумный». Пруденциальное регулирование подразумевает принятие мер предосторожности и внимательного расчета, что полностью соответствует сути данного подхода. Эта система направлена на

минимизацию рисков, связанных с банковской деятельностью, и обеспечение необходимого уровня ликвидности [126, с. 73].

На сегодняшний день пруденциальный надзор в России включает ряд важнейших задач: создание системы раннего обнаружения проблем, предупреждение банкротства кредитных организаций и усиленный контроль над крупнейшими банковскими структурами.

Центральный банк устанавливает достаточно высокие требования в рамках пруденциального регулирования для банковских организаций, рассматривая их как объекты критической инфраструктуры. Тем не менее, следует отметить, что небанковские кредитные организации также подпадают под данное регулирование, хотя нормы и стандарты могут отличаться. В частности, ряд требований для всех видов кредитных организаций носит общий характер, а часть имеет свою специфику. Например, «в отношении небанковских кредитных организаций в большей степени устанавливаются требования в части экономических нормативов [20], однако ряд инструкций, принятых в отношении банковских кредитных организаций» [18], в определенной части распространяются и на небанковские кредитные организации.

При разработке практических рекомендаций важно учитывать, на усугубление каких рисков деятельности кредитных организаций может повлиять внедрение технологии смарт-контракта в договорную работу.

Рассмотрение стоит начать с операционных рисков. Так, известно, что на мировом уровне в настоящее время самой актуальной проблемой в деятельности кредитных организаций является увеличение операционных рисков. Об этом говорится в том числе в материалах Базельского комитета по банковскому надзору. Именно поэтому данный Комитет активно развивает отраслевые стандарты, соблюдение которых способствует адекватной оценке и покрытию капиталом основных рисков [113, с. 163].

В соответствии с Письмом Банка России от 24 мая 2005 года № 76-Т, рассматривается понятие операционного риска в деятельности кредитных

организаций [21]. Операционный риск понимается как вероятность финансовых потерь, возникающих из-за несоответствия внутренних политик и процедур, характеру и масштабам деятельности банков, а также действующему законодательству. Указанное включает в себя как ошибки и нарушения со стороны сотрудников и третьих лиц, возникающие как по неосторожности, так и умышленные, так и проблемы, связанные с недостаточностью или отказами используемых информационных, технологических и других систем. В дополнение к этому внешние факторы также могут оказывать значительное влияние на данный вид риска. В связи с тем, что настоящее исследование посвящено вопросам использования дистанционной технологии (смарт-контракту), важно рассмотреть указанный риск в преломлении к информационной безопасности: Банк России еще в 2008 году сформировал перечень видов рисков, имеющих отношение именно к ней (риск ликвидности, репутационные риски, риски стратегического характера, правовые риски, операционные риски), и сформулировал некоторые рекомендации по управлению такими рисками [17]. Представляется, что сформулированные рекомендации применимы в том числе в отношении рисков, возникающих из договоров, заключаемых посредством технологии смарт-контракта. Такая позиция поддерживается многими исследователями [189, с. 18].

Банк России, исследовав причинный комплекс возникновения операционных рисков, связанных с использованием системы дистанционного обслуживания при заключении договоров, выделил следующие наиболее существенные причины, которые могут быть свойственны и дистанционному обслуживанию с использованием смарт-контракта:

- 1) Технические причины, такие как, например, сбой в программном обеспечении. Юристы также подчеркивают, что данный вид риска может возникать при использовании смарт-контракта [143, с. 37]. С этой позицией можно согласиться, но при этом не вызывает сомнений тот факт, что любые технические ошибки в коде могут стать причиной того, что смарт-контракт

будет исполнен неправильно. К таким последствиям может привести даже пропуск одной цифры или символа в коде. В особо серьезных случаях возможен даже критический сбой или полная остановка исполнения смарт-контракта.

2) Факты хищения денег со счетов клиентов в связи с неправомерным использованием электронной подписи. Указанный риск может быть характерен и при использовании смарт-контракта в случае, если доступ к нему получит третье не уполномоченное лицо.

3) Неисполнение кредитной организацией обязательств перед клиентами вследствие ненадлежащего качества программно-аппаратного обеспечения дистанционного обслуживания (риски данной группы имеют непосредственную связь с обеспечением защиты информационной экосистемы «умных» контрактов современной кредитной организации).

4) Нарушение режима функционирования информационной системы, используемой для обеспечения систем дистанционного обслуживания (отказы, аварии, сбои программного обеспечения кредитной организации или провайдера). В целом, указанный риск характерен для любых информационных систем, в том числе связанных с применением смарт-контракта.

5) Человеческий фактор – это ошибки, совершаемые сотрудниками кредитной организации, поставщиками услуг, клиентами или разработчиками программного обеспечения для системы дистанционного обслуживания. Указанный риск наиболее опасен при использовании смарт-контракта, так как может повлечь за собой существенные правовые последствия (например, фактическое неисполнение обязанности по переводу денежных средств, возникновение в связи с этим пеней и неустоек) [3].

Следует отметить, что в соответствии с действующим законодательством для успешной деятельности кредитных организаций более важной является оптимизация рисков, а не их минимизация любыми путями (даже в ущерб прибыли) [181, с. 101].

Как мы видим, рискориентированный подход при анализе договорных конструкций, заключаемых кредитными организациями при использовании технологии смарт-контракта, является ключевым в обеспечении качественного исполнения обязательства.

Кроме того, Банк России занимается регулированием системы управления соответствующими рисками. Как показывает практика применения права, возникновение проблем в регулировании отношений при заключении договоров с использованием смарт-контрактов в основном связано с управлением операционными рисками кредитных организаций. В Положении Банка России от 08.04.2020 № 716-П «О требованиях к системе управления операционным риском в кредитной организации и банковской группе» события операционных рисков классифицируются. В качестве одного из таких событий указаны нарушения прав контрагентов и клиентов, допускаемые кредитными организациями при осуществлении операций и предоставлении финансовых услуг, включая причинение ущерба.

Регулирование вопросов, связанных с операционными рисками, находит свое выражение в разработке внутренних процедур и политик, направленных на минимизацию подобных рисков. Например, внедрение систем внутреннего контроля и аудита, а также обучение персонала с целью повышения их компетентности и снижения вероятности ошибок. Стратегии управления рисками включают также использование современных технологий и автоматизированных систем для обеспечения высокой надежности и устойчивости процессов.

Кроме того, Банк России ведет активную работу по созданию нормативных актов, направленных на обеспечение стабильности финансового сектора и защиту интересов всех участников финансового рынка. Важно отметить, что одним из ключевых аспектов управления операционными рисками является постоянный мониторинг и идентификация потенциальных угроз, что позволяет оперативно реагировать на возникающие проблемы и обеспечивать надлежащее функционирование кредитных организаций. К

числу нарушений относятся нарушения правил обращения с конфиденциальными сведениями, а также неисполнение договорных условий [18].

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что операционный риск включает в себя различные группы событий, в том числе связанные с договорными обязательствами. Основные направления цифровизации финансового рынка, которые Банк России планирует реализовать в период с 2022 по 2024 годы, акцентируют внимание на продвижении финансовых услуг нового поколения, основанных на современных технологиях. Приоритетными задачами в этой области являются создание благоприятных условий и стимулов для внедрения новых технологий в практику, что влечет за собой цифровизацию взаимодействия с клиентами. Особое внимание уделяется развитию этичных инструментов, алгоритмизированных смарт-контрактов и высокотехнологичных сервисов, способных эффективно управлять финансами и активами.

В рамках этих инициатив Банк России сосредоточен на интеграции новейших цифровых решений, что включает использование искусственного интеллекта и блокчейн-технологий. Целью таких преобразований является повышение эффективности и прозрачности финансовых операций, а также улучшение качества обслуживания клиентов. Новые технологии позволяют автоматизировать множество процессов, снижая тем самым операционные издержки и минимизируя риски.

Помимо этого, стратегической задачей является стимулирование инновационной активности в финансовом секторе через поддержку стартапов и новых проектов, направленных на разработку и внедрение передовых решений. В конце концов, цифровизация должна способствовать не только ускорению процессов и повышению их надежности, но и созданию более удобных и доступных финансовых услуг для широкого круга потребителей.

Банк России также подчеркивает важность обеспечения кибербезопасности и защиты данных в условиях цифровой трансформации,

что предполагает внедрение комплексных мер по предотвращению киберугроз и обеспечению высокой степени защиты информации. Эти шаги позволят создать устойчивую и безопасную финансовую экосистему, готовую к вызовам современного цифрового мира. В числе основных технологий, применение которых поспособствует достижению указанной цели, выступают: Интернет вещей, машинное обучение, технологии искусственного интеллекта и другие. Поэтому, анализируя перспективы правового регулирования использования технологий смарт-контрактных систем, необходимо обозначить данную сферу в качестве высокорисковой.

В связи с этим представляется целесообразным дополнение пункта 3.6.4. Положения Банка России от 08.04.2020 № 716-П «О требованиях к системе управления операционным риском в кредитной организации и банковской группе» словами *«...условия договоров, в том числе заключенных с использованием технологии смарт-контрактов»*.

Еще одна категория рисков, которые кредитные организации обязаны контролировать, связана с юридическими аспектами их деятельности. В соответствии с Письмом Банка России от 31 марта 2008 года № 36-Т «О Рекомендациях по организации управления рисками, возникающими при проведении кредитными организациями операций с использованием систем Интернет-банкинга», в состав правового риска также входит несоблюдение требований, установленных Банком России. В связи с этим следует отметить, что недостаточный анализ операционных рисков или их немотивированное занижение в связи с не учетом смарт-контрактов может породить правовые риски, не говоря уже об обстоятельствах защиты прав сторон, которые будут рассмотрены в 3 главе.

Результатом несоблюдения правовых рисков является привлечение кредитной организации к ответственности в связи с нарушением требований гражданского, валютного и иного законодательства. В частности, недостатки в программном обеспечении заключения смарт-контракта порождают правовой риск в виде возникновения оснований, при которых могут быть

применены меры ответственности за нарушение правил ведения бухгалтерского (финансового) учета, правил осуществления банковских операций, а также норм действующего законодательства, в том числе с целью противодействия финансированию терроризма и отмыванию (легализации) преступных денег. Еще одна актуальная проблема связана с тем, что кредитными организациями в недостаточной степени проработаны правовые вопросы, связанные с заключением договоров оказания услуг интернет-банкинга посредством смарт-контракта (недостатки проявляются в том числе в части определения ответственности сторон в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения договорных обязательств).

С 1 июля 2022 года все кредитные организации имеют доступ к платформе, созданной Банком России: «Знай своего клиента» (далее – ЗСК). Принятым сравнительно недавно Федеральным законом №423-ФЗ от 21 декабря 2021 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4] были внесены соответствующие изменения в Федеральный закон от 07.08.2001 №115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее – Федеральный закон №115-ФЗ) [11]. Создание данной платформы призвано снизить нагрузку на добросовестных контрагентов и помочь кредитным организациям мониторить сомнительные транзакции. Изначально данный принцип «Знай своего клиента» (KYC – Know Your Customer или Know Your Client) был предложен межправительственной организацией ФАТФ. Платформа «ЗСК» содержит информацию о сомнительных операциях, и данная информация будет систематически обновляться. Согласно Федеральному закону №115-ФЗ, лица будут разделены на группы риска: высокий, средний и низкий. По данным Банка России, к лицам, относящимся к группе высокого риска, можно отнести лишь 0,7% клиентов кредитных организаций, а остальные 99% клиентов – лица с низким уровнем риска. Для целей реализации принципа «знай своего клиента» за кредитными организациями закреплён комплекс

мероприятий по анализу документов клиентов; проверка достоверности представленных документов; поиск дополнительной информации о клиентах из легальных источников информации; мониторинг движения денежных средств по банковским счетам и другое. По нашему мнению, данную процедуру можно также автоматизировать при совершении банковских сделок посредством смарт-контракта, однако необходимо учитывать, что возможность использования смарт-контракта в данной процедуре зависит от доступа смарт-контракта к платформе ЗСК. Предполагаем, что ведение записи аналогичной информации в распределенном реестре может решить вопрос доступа информации смарт-контрактом. В целом из-за специфики распределенного реестра и смарт-контрактов их использование в деятельности кредитных организаций сводит фактор мошенничества и отмывания денег к минимуму.

К другой группе рисков, которые могут возникнуть при недостаточной проработке методологической основы заключения смарт-контрактов, относятся риски стратегического характера. Эти риски обуславливаются некорректными решениями, принимаемыми органами управления относительно внедрения, развития и сопровождения системы дистанционного обслуживания клиентов. В свою очередь, причинами некорректных решений в указанной сфере могут выступать недостатки или отсутствие тщательно продуманного стратегического плана развития с применением системы дистанционного обслуживания клиентов. Иногда стоящие перед кредитной организацией стратегические цели не могут быть достигнуты по причине недостатка финансов или человеческих ресурсов. Немаловажную роль также играют и недостаточно продуманные управленческие решения в сфере оказания услуг с использованием системы дистанционного обслуживания и смарт-контрактных технологий. Указанный риск приобретает особую значимость в контексте указанной в параграфе 1.1 настоящего исследования особенности использования смарт-контракта — экономической целесообразности его внедрения.

Риски потери деловой репутации кредитной организацией напрямую связаны с операционными, правовыми и стратегическими рисками. Согласно уже упомянутому Письму Банка России, к данной группе рисков относятся: риски вовлечения кредитной организации в противоправную деятельность с использованием дистанционного обслуживания в связи с ненадлежащим исполнением обязанности по идентификации клиентов, имеющих право на распоряжение средствами, находящимися на счету; риски уничтожения данных о клиентах, их вкладах и счетах в кредитной организации (банке) в связи с отказом оборудования или ошибками информационной системы [17]. Данные риски должны также рассчитываться при внедрении смарт-контракта в контексте тех мер, которые применяются для снижения других вышеуказанных рисков.

Важнейшим риском при применении смарт-контрактов в деятельности кредитных организаций является риск ликвидности, рост которого, в конечном счете, может приводить к отзыву лицензии. Недостатки в части управления ликвидностью при использовании технологии смарт-контракта приводят к возникновению препятствий для полного и своевременного исполнения кредитными организациями своих обязательств перед контрагентами.

Основная проблема – это наличие пробелов в законодательстве и неоднозначность судебной практики в рассматриваемой сфере. Так, например, законодательством в сфере конкуренции, а именно статьей 28 Федерального закона от 13.03.2006 №38-ФЗ «О рекламе», установлены требования к рекламе финансовых услуг [12]. Арбитражный суд Поволжского округа, рассматривая иск банка к Управлению Федеральной антимонопольной службы, установил, что антимонопольный орган признал размещенную обществом интернет-рекламу несоответствующей требованиям из-за отсутствия важной информации о рекламируемом товаре. Антимонопольная служба указала, что способ описания условий приобретения товаров в рекламе, совместно с изменяющимися кадрами, вводил потребителей в заблуждение. Суд

удовлетворил иск, так как не было доказано, что текст рекламы на интернет-странице был нечитаем и что потребители не могли ознакомиться с необходимой информацией.

Суд подчеркнул, что в соответствии с базовыми принципами использования Интернета и навигации между web-страницами, пользователи должны кликать на гиперссылки, чтобы получить доступ к дополнительной информации, переходя на соответствующие подстраницы. Арбитражный суд Республики Татарстан в своем решении от 26 декабря 2012 года (№ А65-27882/2012) подтвердил данный подход [49].

Формат представления информации, описанный выше, позволяет пользователям многократно просматривать анимационные баннеры без каких-либо ограничений по числу просмотров. Кроме того, при необходимости пользователи могут увеличивать текст на экране своих компьютеров до размера, удобного для чтения. Таким образом, суд пришел к выводу, что размещенная реклама соответствовала стандартам и давала возможность для полноценного ознакомления с рекламируемым продуктом при соблюдении общепринятых правил пользования Интернетом. Причем рассматриваемые правоотношения возникли именно на стадии оформления дополнительных услуг к кредитному продукту. Рассмотренное судебное решение является ярким примером нестыковки законодательства в части согласования условий договорных конструкций смарт-контрактов. Данное обстоятельство существенно увеличивает правовые риски.

Исследование различных типов рисков, возникающих при заключении договоров кредитными организациями с использованием технологий смарт-контрактов, выявило необходимость правовой регламентации и улучшения технологических механизмов их внедрения в практическую деятельность. В связи с этим, исследовав указанные риски, в рамках настоящего исследования была предпринята попытка разработки Методических рекомендаций по управлению рисками использования смарт-контракта в деятельности кредитных организаций, которые могут быть

частью локального акта кредитной организации (положения, инструкции, политики, порядка или другого) по управлению рисками и капиталом. Указанные методические рекомендации представлены в приложении Б.

2.2 Применение смарт-контракта при заключении кредитных договоров

Развитие современного кредитного рынка обусловлено кризисными явлениями последних лет, начиная с периода пандемии COVID-19. Указанный период характеризуется особенным явлением, а именно: расширением каналов дистанционного обслуживания. Естественно, деятельность кредитных организаций не стала исключением. По данным Банка России, в мае 2021 года 75,4% взрослого населения использовали дистанционный доступ к счетам для осуществления переводов денежных средств, тогда как в мае 2019 года этот показатель составлял лишь 55,2%. За два года доля пользователей систем дистанционного обслуживания увеличилась с 38% до 52,6%, что составляет рост на 14,6 процентных пункта. Кроме того, использование мобильного банкинга за тот же период возросло на 21,8 процентных пункта, увеличившись с 48% до 69,8% взрослого населения [216].

Произошло увеличение возможностей для граждан и субъектов предпринимательской деятельности в части получения в дистанционном формате не только услуг по совершению платежей, но и других продуктов (например, кредитование, займы, переводы и другие). При этом совместно с кредитными организациями Банк России развивает свою инфраструктуру для дистанционного обеспечения движения финансовых ресурсов и заключения сделок на подконтрольных рынках. В частности, речь идет об удаленной идентификации, Единой биометрической системе, Системе быстрых платежей (далее – СБП), различных платформенных решениях и так далее.

В связи с этим одной из главных задач, стоящих перед Банком России на современном этапе, выступает задача по разработке и реализации мер с целью обеспечения финансовой стабильности и экономической устойчивости. Реализация этой задачи для большей эффективности должна осуществляться во взаимодействии с Правительством Российской Федерации.

Ключевыми векторами в реализации мер обеспечения финансовой стабильности и экономической устойчивости выступают: сокращение надзорного и регуляторного бремени на финансовые структуры и акционерные общества; поддержание потенциала финансовой отрасли в части ресурсного обеспечения национальной экономики; поддержание сферы кредитования (потребительского, корпоративного, ипотечного, а также кредитования субъектов среднего и малого предпринимательства) [186, с. 11]. По словам Н.В. Фирсовой и И.А. Макаровой, кредитование – один из важнейших драйверов развития национальной экономики. Такая ситуация свойственна всем государствам. Исследователи подчеркивают, что почти каждый субъект предпринимательской деятельности сталкивается с необходимостью в кредите на том или ином этапе развития [154, с. 94].

Кредитные отношения и обязательства по займам регулируются главой 42 Гражданского кодекса Российской Федерации. Одно из ключевых условий для кредитного договора, независимо от его суммы, – это необходимость письменной формы. В отличие от этого, для займов такой строгой необходимости нет. Несоблюдение письменной формы кредитного договора приводит к его недействительности, что подчеркивается в статье 820 Гражданского кодекса Российской Федерации. Зарубежные эксперты предлагают различные решения. К примеру, американские специалисты считают возможным заменить письменную форму специальными законодательными актами. Закон об электронных сделках 1999 года, действующий в 47 штатах США, утверждает, что электронные записи с электронной подписью обладают такой же юридической силой, как и традиционные бумажные документы. Это означает, что электронные

документы могут служить юридическими доказательствами наравне с обычными подписанными бумагами [237].

В то же время, в Германии существует точка зрения, что машиночитаемый код не может в полной мере отражать намерения сторон договора. Дело в том, что такой код непонятен человеку без помощи специальных технологий, что делает его восприятие и интерпретацию более сложными [234].

Эти различия между странами указывают на необходимость более глубокого анализа и обсуждения данного вопроса. Например, есть мнение, что машиночитаемый код – это не сам контракт, а всего лишь программа, подобная смарт-контракту. Этот взгляд был озвучен ранее и нашел поддержку в юридических кругах.

Для понимания договорных отношений важно осознать, что соглашения могут быть различного типа – традиционные письменные, электронные или даже устные – вне зависимости от использования кода смарт-контракта [96].

В международной правовой практике принято выделять два вида смарт-контрактов. Первый вид – это «вспомогательные смарт-контракты», которые описывают условия и детали основных смарт-контрактов [171, с. 63]. Второй вид называется «смарт-контракты лишь в коде», и они фиксируют устные соглашения между сторонами полностью в виде программного кода [179, с. 72].

Эти термины подчеркивают разнообразие подходов к использованию смарт-контрактов и отображают текущие тенденции в правовом регулировании данной технологии. Такое разделение позволяет лучше понимать, как и где можно применять смарт-контракты, а также какие юридические нормы искать для их поддержки и применения.

Таким образом, российское законодательство требует письменной формы для кредитных договоров и подтверждает ее соблюдение при использовании электронных или технических средств. Смарт-контракт,

реализованный в виде автоматизированного кода, соответствует этим правовым нормам, но также следует учитывать дополнительные законодательные требования [172, с. 69], раскрываемые в третьей главе данного диссертационного исследования.

Предмет договора кредита – сумма, выдаваемая кредитором заемщику на условиях возвратности и платности. Соответственно, для кредитора первостепенным значением обладает выяснение того, сможет ли потенциальный заемщик своевременно и в полном размере исполнить свои обязательства, то есть вернуть долг и проценты по нему. Кредитор имеет право без объяснения причин отказать заявителю в выдаче кредита. Как правило, основаниями для отказа служат: плохое финансовое положение потенциального заемщика; его недобросовестность в исполнении ранее взятых обязательств (в том числе перед другими кредиторами); сомнения в том, что средства будут использованы в соответствии с целевым назначением (если речь идет о программе целевого кредитования). Кредитный договор содержит множество нюансов, в том числе обязанности, права и ответственность сторон, условия и основания для его расторжения, а также целевые направления использования предоставленных кредитных средств.

Рассматривая положения Гражданского кодекса Российской Федерации, можно выделить несколько ключевых условий, которые являются существенными для кредитного договора. К ним относятся срок кредитования, порядок уплаты процентов за пользование кредитными средствами, размер процентной ставки, порядок предоставления кредита и его сумма. При этом использование смарт-контрактов для заключения таких договоров должно также учитывать обязательные законодательные требования, чтобы избежать юридических рисков и обеспечить правовую защиту всех участников сделки.

На сегодняшний день анализ существующей судебной практики по разрешению споров, возникающих из кредитных договоров, показывает, что многие споры между заемщиками и кредиторами связаны с тем, насколько

законно включение тех или иных условий в договор. Наиболее частые разногласия возникают по поводу методики взимания дополнительных комиссий за досрочное погашение кредита. Помимо этого, значительное количество споров вызывает запрет на досрочное погашение кредита. Данные вопросы были рассмотрены в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 08 октября 1998 года № 14 [48].

Некоторые актуальные вопросы, которые возникают при разрешении судами споров, связанных с кредитными отношениями, нашли свое отражение в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Например, Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 49 затрагивает несколько ключевых аспектов таких споров [46].

Указанные постановления помогают судам правильно интерпретировать и применять законодательство при рассмотрении дел, связанных с кредитными договорами, и обеспечивают единообразное понимание прав и обязанностей сторон в таких отношениях. Несправедливые условия кредитных договоров также будут оценены с позиции возможности их избежания в рамках главы 3 настоящего исследования.

Еще одна достаточно актуальная и важная проблема касается невозвратности кредитов. Сегодня все кредиты вносятся в специальную базу, формирующую кредитную историю заемщиков [145, с. 151]. Благодаря такой базе кредитор уже на начальном этапе (при получении запроса от клиента на выдачу кредита) может оценить благонадежность потенциального заемщика. Это существенно снижает риски выдачи кредитов недобросовестным и неблагонадежным лицам. Поскольку смарт-контракт, с технической точки зрения, является кодом, его интеграция в существующие системы проверки кредитных историй вполне возможна. Такое внедрение станет дополнительным преимуществом использования смарт-контрактов при

оформлении кредитных договоров и позволит надежно фиксировать дальнейшую кредитную историю пользователя банковской системы.

Подчеркнем, что для суда первостепенным значением обладает наличие в договоре всех его существенных условий. Сказанное относится в том числе к сфере кредитных договоров. Второй важный момент – одинаковое толкование и понимание этих условий сторонами. В современной практике клиенты чаще всего подписывают договоры, предложенные кредитными организациями, что образует собой договор присоединения (статья 428 Гражданского кодекса Российской Федерации). При этом клиент, не имеющий опыт работы на финансовом рынке, зачастую не может в полной мере осознать все условия, прописанные в договоре. Но, если даже клиент и понимает условия договора, считает конкретное условие неприемлемым для себя и желает от него отказаться, соглашаясь при этом со всеми остальными договорными условиями, то сделать это практически невозможно. Сфера заключения кредитными организациями договоров не предполагает возможности индивидуального подхода к каждому клиенту. Использование кредитными организациями заранее утвержденной формы договора объясняется по большей части желанием сэкономить время и сократить издержки. Кредитная организация может пойти на уступки в части изменения отдельных условий договора, но это происходит в особых исключительных случаях. Большинству клиентов подобное недостижимо.

Так, если у заемщика при заключении и подписании договора не было реальной возможности участвовать в формулировании условий, то «суд имеет право на применение к данному договору норм, закрепленных в статье 428 Гражданского кодекса Российской Федерации». В научной литературе отмечается, что «кредитный договор по своей сути является договором присоединения», так как кредитная организация определяет его условия самостоятельно (без участия клиента) [100, с. 189].

Серьезные проблемы, возникающие при интеграции смарт-контрактов в деятельность финансовых организаций, связаны «с различиями между

естественным языком и языком кодирования. Оптимальным подходом в процессе составления смарт-контракта будет предоставление программисту конкретного списка условий, подлежащих автоматическому выполнению. Это упростит процесс описания договора при создании программного кода» [171, с. 65]. Указанное говорит об актуальности использования типовых договоров в практике кредитных организаций.

Как было сказано ранее, под смарт-контрактом следует понимать способ заключения кредитной организацией договора. Поэтому, говоря об использовании технологий смарт-контракта в регулировании отдельных видов кредитования, стоит отметить их общую особенность, связанную с правовой природой, а именно: договором присоединения. Такая концепция по своей сути сводит технологии смарт-контрактов исключительно к ускоренной процедуре заключения кредитных договоров. Необходимость жесткого пруденциального регулирования рассматриваемой сферы порождает ограниченные возможности к широкому распространению инноваций в кредитной сфере.

Одним из видов инновационной формы кредитования, где полностью возможно применение технологий смарт-контрактов – это краудлендинг. По замечанию Банка России, в 2023 году в стране функционировало 53 краудлендинговых платформ [217]. На конец 2022 года объем привлеченных средств составлял 12,8 млрд руб., что равняется 62,7% от общего объема краудфандингового рынка за период январь-декабрь 2022 г. На краудлендинговом рынке сформирована олигополия. Так, на тройку крупнейших игроков приходится около 75,3% всего рынка. Наряду с этим, наблюдается также рост объема привлеченных средств и на других платформах, не входящих в тройку лидеров (по итогам 2022 года зафиксирован рост в три раза) [217].

В начале 2022 года стоимость заемного капитала для лиц, привлекающих инвестиции, варьировалась в диапазоне от 16% до 28% при среднем значении в 22%. Весной в связи с изменением экономической и

политической ситуации произошел рост ставок по инвестиционным предложениям – от 18% до 36% при среднем значении в 28%. Подобное изменение процентной ставки позволило сохранить интерес инвесторов. Стабилизация рыночной ситуации произошла только в середине лета 2022 г. Со второго полугодия стоимость привлечения средств составляла от 11% до 31% при среднем значении 24% [217].

Как отмечают некоторые авторы, российское законодательство не в полной мере регулирует обозначенную форму кредитования. Федеральный закон от 02 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [10] не установил, на наш взгляд, фундаментальных основ данного вида кредитования, хотя мог бы стать сферой широкого распространения смарт-контрактов. Поскольку деятельность кредитных организаций является особым видом предпринимательской деятельности и представляет большой публичный интерес, то введение в правовое поле кредитных организаций высокорисковых форм заключения сделок не целесообразно. Как отметила К.И. Тархова, развитие и распространение в практической плоскости новых форм кредитования обуславливает необходимость в создании нового правового регулирования, которое должно учитывать современные реалии, в том числе возможные угрозы и риски информационной безопасности, информационные и технические проблемы [186, с. 11].

Значимой областью применения смарт-контрактов в кредитной сфере является синдицированное кредитование. Федеральный закон от 31.12.2017 № 486-ФЗ «О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» гласит, что «по договору синдицированного кредита несколько кредиторов (синдикат кредиторов) обязуются согласованно предоставлять заемщику денежные средства в определенном размере и сроки. Заемщик, в свою очередь,

обязуется возратить полученные средства, уплатить проценты и прочие платежи, если это предусмотрено договором» [13].

В указанных правоотношениях наиболее обосновано применение смарт-контракта, так как реестры, в которых осуществляет их учет, могут использоваться с целью организации взаимодействия между несколькими участниками отношений, не всегда строящихся на принципе доверия [201, с. 56].

Трудности при выполнении синдицированного кредита заключаются в аккумулировании кредитных средств от инвесторов и высоких расходах на обслуживание самого синдиката. Синдикат организуется на двух уровнях: на первом уровне в него входят заемщик, кредиторы и кредитный управляющий. Второй уровень включает: 1) участников синдиката, передающих свои требования по договору синдицированного кредита третьим лицам; 2) инвесторов, приобретающих права требования у участников синдиката; 3) кредитного управляющего; 4) заемщика [201, с. 58].

Согласно законодательству, договор синдицированного кредита должен содержать положения о статусе кредитного управляющего. Этим управляющим может быть один из участников синдиката кредиторов или стороннее лицо, которое ответственно за:

1) предъявление требований заемщику о возврате заемных средств, уплате процентов и иных платежей, а также отправку юридически значимых уведомлений заемщику и третьим лицам, действуя в рамках Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [201, с. 57], в роли конкурсного кредитора;

2) получение исполнений по договору от заемщика или третьих лиц, включая проценты и другие платежи, учет полученных средств и их распределение между участниками синдиката кредиторов;

3) предоставление кредиторам, управляющему залогом и иным предусмотренным договором лицам документов и информации, полученных от заемщика и третьих лиц;

4) подачу от имени участников синдиката кредиторов заявлений в арбитражный суд о признании заемщика или лица, предоставившего обеспечение по обязательствам заемщика, банкротом.

Перечень обязанностей кредитного управляющего не является исчерпывающим и может быть дополнен по мере необходимости, так как он несет ответственность за ведение всех реестров синдиката и за актуальность и достоверность информации в них.

Правовая значимость этой функции велика. Согласно пункту 3 статьи 6 Закона о синдицированном кредите, заемщик вправе обратиться к кредитному управляющему за сведениями о членах синдиката и их требованиях. Это означает, что исключительно кредитный управляющий способен обеспечить точность предоставленной информации. Так же, как и заемщик, любой член синдиката имеет право запросить подобные данные.

В случае, если ответственность за ведение реестра ложится на кредитного управляющего, то информация, полученная заемщиком от любого другого члена синдиката, не будет считаться юридически значимой. В случае нарушения полномочий кредитного управляющего участник синдиката кредиторов имеет право требовать возмещения убытков в течение трех месяцев с момента обнаружения нарушения. Также предусмотрена выплата неустойки, величина которой определяется договором.

Оплата услуг кредитного управляющего осуществляется всеми участниками синдиката пропорционально предоставленным кредитам, если договор не оговаривает иное. Кроме того, договор может предусматривать обязанность заемщика по выплате вознаграждения кредитному управляющему и компенсации его расходов, а также вознаграждение и компенсацию затрат управляющему залогом.

Рассуждая о вышеописанном, можно заметить, что кредитный управляющий играет ключевую роль в управлении синдицированным кредитом. Во-первых, на плечи кредитного управляющего ложится ответственность за поддержание актуальности всех данных, связанных с

кредитом. Это включает в себя регулярное обновление финансовой информации, контроль платежей и прочие важные аспекты, которые необходимы для правильного функционирования кредитного соглашения. Во-вторых, он отвечает за обеспечение юридической силы всех документов и данных, связанных с кредитом. Это означает, что кредитный управляющий должен следить за соответствием всех действий и документов требованиям законодательства, что защищает права всех сторон, участвующих в синдицированном кредите. Благодаря этим обязанностям фигура кредитного управляющего становится центральной в процессе выполнения договорных обязательств по синдицированному кредиту. Его роль и действия непосредственно влияют на успешную реализацию кредитного соглашения и соблюдение правовых норм. Это также подчеркивает важность четких и прозрачных условий договора, чтобы все стороны понимали свои права и обязанности, а также могли рассчитывать на справедливое выполнение всех условий соглашения. Для повышения инвестиционной привлекательности и распространения синдицированного кредитования, а также для сокращения издержек на оплату услуг кредитного управляющего, возможно введение данной функции в формат смарт-контракта.

Это позволит синдикату и заемщикам постоянно получать всю необходимую информацию реестра. Соответственно, информация, полученная каждым из участников, будет иметь равную юридическую силу. Что же касается статуса кредитного управляющего, то его функционал может быть сведен к банкротным процедурам и другим функциям, которые не связаны с реестром. В Отчете о синдикатах, подготовленном и представленном Европейской комиссией, говорится о том, что технология смарт-контракта позволит синдикатам стать разновидностью цифровых активов (англ. «digital asset») [236].

Подводя краткий итог, следует отметить, что договоры, заключаемые в Российской Федерации на рынке кредитных услуг, не всегда позволяют применять в полном объеме смарт-контрактные технологии в связи с

повышением правовых рисков, связанных как с соблюдением требований законодательства, так и правовым положением сторон. При этом смарт-контракт может стать важной процедурой, завязанной на реализации принципа ответственного кредитования, предшествующей заключению кредитного договора. Также смарт-контракт вполне применим в правоотношениях в сфере синдицированного кредитования, что существенно может снизить стоимость данного вида кредита и повысить инвестиционную привлекательность. Согласно законам Российской Федерации, кредитные договоры должны быть оформлены в письменной форме. Это требование считается выполненным, если договор составлен с использованием электронных или технических средств. Одним из таких средств является смарт-контракт – автоматизированный программный код, который отвечает всем необходимым правовым требованиям. Также, поскольку смарт-контракт по своей сути представляет собой код, его можно интегрировать в системы проверки кредитных историй. Это приведет к дополнительным преимуществам при внедрении смарт-контрактов в процесс заключения кредитных договоров, поскольку позволит фиксировать и отслеживать кредитные истории контрагентов кредитной организации.

2.3 Безналичные расчеты с применением смарт-контракта

Исследователями отмечается, что помимо кредитного договора одна из наиболее распространенных сфер, где может использоваться смарт-контракт при заключении кредитной организацией договора, является сфера безналичных расчетов [131, с. 68]. Ключевой признак «умного» контракта, как указывалось в главе 1 настоящего исследования, – его автоматизированное исполнение.

В отечественной цивилистике до сих пор не сложилось единообразного понимания сущности безналичных расчетов. Отсутствует легальное определение данной категории и в законодательстве. Обзор законодательных

источников позволил выявить, что законодатель ограничился лишь указанием на то, что безналичные расчеты могут совершаться в форме расчетов по аккредитиву, платежными поручениями, чеками, по инкассо и в других формах, предусмотримых правилами кредитной организации и законодательством. При этом сказанное не относится к расчетам в цифровых рублях, что также вытекает из законодательных норм (статья 862 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Л.Г. Ефимова рассматривает безналичные расчеты следующим образом. По ее мнению, безналичные расчеты – это действия, совершаемые кредитными организациями, выраженные в перечислении денег с клиентских счетов по распоряжению клиентов, а также способы надлежащего исполнения денежных обязательств, установленные законом и сложившиеся в деловой практике. С точки зрения контрагентов, выбор формы безналичных расчетов выражается в определении ими порядка, в соответствии с которым будут исполнены денежные обязательства, а также в определении их способов [75].

В.А. Белов рассматривает категорию «безналичные расчеты» в качестве способов документального оформления и фиксации волеизъявления владельца счета на перевод определенной суммы денег по тем или иным реквизитам. Говоря о способах документального оформления и фиксации волеизъявления клиента, исследователь подчеркивает, что речь идет о способах, предусмотримых законодательством, установленных правилами кредитной организации и сложившимися обычаями делового оборота [66]. Аналогичная точка зрения приводится в исследовании Г.Н. Белоглазова. При этом исследователь отмечает, что способы оформления и фиксации волеизъявления владельца счета отличаются между собой в зависимости от порядка документооборота, вида расчетных документов и условий, в соответствии с которыми в распоряжение получателей должны поступить средства [67].

Д.А. Медведев по поводу безналичных расчетов отмечает следующее. Он говорит о таких расчетах, как о разновидности обязательств клиента и

кредитной организации, в котором он обслуживается, по исполнению безналичных платежей и их получению. Каждым из участников расчетных обязательств совершаются сделки по получению/перечислению средств. Так, плательщик дает обслуживающей кредитной организации поручение на проведение платежа в форме, которая предусматривается договором; кредитная организация плательщика переводит соответствующую сумму с его счета на счет плательщика либо выставляет аккредитив; кредитная организация получателя проводит операцию зачисления поступивших средств либо исполняет аккредитив; получатель передает обслуживающей кредитной организации документы для зачисления средств с аккредитива [85].

А.В. Шамраев утверждает, что форма безналичных расчетов представляет собой комплекс обязательственных правоотношений, опосредующих расчет, возникающих непосредственно при исполнении платежа, обуславливающих начало и процедуру денежного перевода. В специальной учебной литературе по финансам и экономике делаются несколько иные акценты. Так, форма безналичных расчетов определяется в качестве комплекса связанных между собой элементов, к которым можно отнести способы платежа и вид документооборота.

В арбитражной практике термин "форма безналичных расчетов" применяется для описания порядка и методов выполнения денежных обязательств с использованием средств, находящихся на счетах физических или юридических лиц в кредитных организациях. Например, это отражено в постановлении Федерального арбитражного суда Уральского округа от 09 июня 2004 года № Ф09-1705/04-ГК [44].

Представляется, что наиболее полным и емким является определение, которое сформулировала Л.А. Новоселова. Так, по мнению исследователя, безналичные расчеты – это предусматриваемые законом условия исполнения денежных обязательств через кредитную организацию, характеризующиеся особым порядком зачисления денег на счет кредитора, особым порядком документооборота и видом расчетных документов [104].

Говоря о безналичных расчетах, стоит отметить, что в исследуемой сфере заключаются самые разные договоры. Они могут классифицироваться по ряду классификационных критериев. В частности, классификационным значением обладают: способ покрытия по безналичным операциям, способ расчетов, направленность обязательств на достижение конкретного результата, а также вид безналичного имущества, которое используется при расчетах.

Л.Г. Ефимова выделяет два типа договоров в области безналичных расчетов, основываясь на их направленности на достижение конкретного правового результата:

Первый тип – это договоры, направленные на осуществление или получение безналичных платежей. В таких соглашениях участвуют профессиональный участник рынка и клиент, который может быть как физическим, так и юридическим лицом. Эти договоры могут быть связаны с различными формами безналичных расчетов, такими как аккредитивы, инкассо или платежные поручения.

Второй тип – это договоры, которые предшествуют будущим безналичным расчетам. Проще говоря, это организационные соглашения, или договоры по организации безналичных расчетов. В данных договорах стороны согласуют условия будущих расчетных операций [132, с. 85]. Большинство из таких договоров практически не регулируются законодательно. В Гражданском кодексе Российской Федерации упоминается всего одна типовая юридическая конструкция подобного договора – договор банковского счета (глава 45 Гражданского кодекса Российской Федерации). Но, помимо такого договора, существуют и другие, в которых может закрепляться обязанность одной из сторон по организации и исполнению в будущем безналичных расчетов для другой стороны. В рамках проведенного исследования данные договоры именованы не только как договор банковского счета, но и как договоры о переводе денежных средств, договор об открытии аккредитива и другие. Указанное обобщает виды договоров по поводу безналичных

расчетов, совершаемых как банковскими, так и небанковскими кредитными организациями.

Стоит отметить, что смарт-контракты напрямую взаимосвязаны с реализацией концепции цифрового рубля. Цифровой рубль, безусловно, инновация для российской финансовой системы. Так, А.В. Турбанов отмечает, что следует относить цифровой рубль к цифровому имуществу, как наиболее широкой категории. Автор предлагает рассматривать его как безналичные деньги с продолжающимся развитием обязательственной составляющей и усилением публично-правового компонента в регулировании их выпуска и обращения [191, с. 91].

Речь, конечно, идет не о конце эпохи наличных и безналичных денег, а о создании новой формы валюты. Цифровой рубль от другой криптовалюты отличается тем, что его эмитентом выступает Банк России, который стал также и держателем электронного кошелька. Введение цифрового рубля позволяет уменьшить количество посредников при осуществлении расчетов в бизнесе, а, значит, это приведет к уменьшению комиссий. Данный проект Банка России является классическим примером внедрения смарт-контракта в сферу безналичных расчетов. В нем участвуют в основном банковские кредитные организации, однако в рамках эксперимента участие принимает одна расчетная небанковская кредитная организация – «Деньги.Мэйл.Ру».

Введение цифрового рубля сопровождается рядом рисков, среди которых стоит отметить вероятность возникновения «скрытых» комиссий и уменьшение доходов кредитных организаций от комиссионных сборов. В то же время, значительным преимуществом для бизнеса является снижение зависимости от кредитных организаций, особенно в случаях отзыва у них лицензии. Переход на цифровой рубль обеспечит непрерывность платежных операций между бизнес-структурами, что является важным фактором для устойчивости экономических процессов.

Таким образом, цифровой рубль предоставляет важные выгоды при определенных условиях, снижая необходимость в опоре на традиционные

кредитные организации и обеспечивая безопасность платежных транзакций. В условиях отзыва лицензий у кредитных организаций цифровой рубль может оказаться критически важным инструментом для поддержания стабильности бизнеса. Его использование, однако, сопряжено с потенциальными сложностями, такими как внедрение новых типов комиссий и изменение источников прибыли банков. Такие изменения требуют тщательного анализа и планирования, чтобы избежать негативных последствий для финансового сектора.

Кроме этого, цифровой рубль позволит бизнесу активизировать и внедрять инновационные формы предпринимательской деятельности. Например, при применении технологий смарт-контрактов – при заключении таких договоров цифровой рубль обеспечит исполнение платежей при заранее определенных условиях.

Цифровой рубль существенно изменит функционирование субъектов малого и среднего предпринимательства. Использование цифрового рубля обеспечит полную прозрачность бизнеса, поскольку отслеживание операций в цифре автоматизировано, в отличие от наличных и безналичных расчетов. С точки зрения государства, цифровой рубль обеспечит увеличение налоговых доходов от предпринимательских структур. Так, в сфере малого предпринимательства распространены наличные расчеты, которые позволяют избежать налоговой отчетности и снизить налоговый учет.

Поэтому цифровой рубль существенно изменит формат работы бизнеса, будет способствовать формированию инноваций и преобразованию конкурентной среды современного рынка, особенно в условиях, когда мировые внешние факторы диктуют всеобщую цифровизацию.

Законодатель, определяя цифровой рубль как элемент безналичных расчетов, принял обоснованное решение. Признавая цифровой рубль безналичными деньгами, а счет цифрового рубля – особым типом банковского счета, было избегнуто множество практических сложностей. Если бы цифровой рубль был выделен в качестве самостоятельного объекта

гражданских прав, это бы потребовало изменения множества нормативных актов, касающихся безналичных расчетов [182, с. 29].

Некоторые исследователи отмечают противоречия в законодательном подходе к цифровому рублю. Например, И.Г. Морозова считает, и ее мнение заслуживает внимания, что действующее российское законодательство не позволяет квалифицировать цифровой рубль как цифровое право. В результате его нельзя определить и как цифровую валюту, что неизбежно создаст трудности в правоприменительной практике [162, с. 8].

Таким образом, признание цифрового рубля как безналичных средств и специального вида банковского счета позволило избежать необходимости внесения масштабных изменений в законодательство. Тем не менее, существующие правовые рамки предъявляют вызовы, связанные с невозможностью квалификации цифрового рубля в контексте цифровых прав и валют, что может осложнить его применение на практике.

И.Ю. Карлявин при анализе правовой природы цифрового рубля обращает внимание на то, что «цифровой рубль является видом криптовалюты» [146, с. 35]. Но с этим мнением не соглашаются ряд правоведов. Так, например, А.А. Ситник считает, что «цифровой рубль не является криптовалютой, так как не обладает ее ключевым признаком, таким как децентрализованность» [182, с. 22]. Представляется, что обе позиции частично верные. Хотя цифровой рубль будет находиться под централизованным государственным контролем, его разработка ведется с использованием технологии распределенного реестра. Постепенное введение цифрового рубля способствует распространению данной технологии и использованию «умных» контрактов в обычной деловой деятельности. Концепция цифрового рубля включает в себя этапный процесс его создания. Первоначально запуск платформы планировался на 2024 год, но благодаря стремительным темпам работы, проект был частично реализован раньше. В феврале 2023 года ВТБ и ПСБ первыми успешно провели обмен цифровыми рублями среди своих клиентов. Стремление ускорить запуск платформы

связано, в том числе, с усилением санкций против России. Если регулятор создаст протоколы совместимости цифрового рубля с другими национальными цифровыми валютами, это может стать дополнительным инструментом для международных расчетов.

Изучение данного проекта имеет практическое значение в контексте настоящего исследования, так как платформа цифрового рубля может использовать «умные» контракты. Ольга Скоробогатова, первый заместитель председателя Банка России, отметила, что «цифровой рубль может значительно облегчить задачу автоматизации платежей» [221]. Учитывая, что одна из причин, по которой введен цифровой рубль, заключается в снижении размера комиссий за переводы, необходимо понимать, что это приведет одновременно и к снижению доходов кредитных организаций, изменению показателей ликвидности кредитных организаций и, соответственно, вновь к снижению их числа и повышению концентрации на рынке финансовых услуг.

Как отмечено в аналитической записке Банка России, если значительная часть депозитов будет переведена в формат цифрового рубля, то ставки на депозиты могут измениться. Также в числе последствий – рост стоимости услуг и комиссий кредитных организаций. Причина, по которой может произойти такой рост, заключается в том, что при переводе части депозитов в иной формат кредитные организации столкнутся с потерей дохода, который ранее поступал от уплаты комиссии, в том числе за обслуживание счетов. Это повышает актуальность поддержания конкуренции в деятельности кредитных организаций. Благодаря своевременным мерам удастся обеспечить стимулирование повышения кредитными организациями эффективности своей деятельности при сдерживании затрат. По мнению некоторых исследователей, обозначенная проблема встала бы перед российскими кредитными организациями и без внедрения цифрового рубля, так как с каждым годом усиливается конкуренция с финтех-компаниями [214].

Говоря о применении в расчетах форм цифрового рубля, необходимо обозначить, что такой расчет возможен только с применением технологий

смарт-контракта. При этом безналичные расчеты в Положении Банка России определяются следующим образом – это перевод денежных средств в безналичной форме, то есть с использованием аккредитива, платежного поручения, чеков, инкассо, электронных денег и так далее, однако статья 182 Гражданского кодекса Российской Федерации делает исключение в отношении цифрового рубля [16].

Соответственно, в целях эффективного регулирования отношений в сфере смарт-контрактов и цифрового рубля необходимо говорить о требованиях к содержанию кода смарт-контракта, причем закрепленных на уровне Банка России. В концепции по цифровому рублю Банка России содержится описание процесса эмиссии цифрового рубля, который завязан на формировании запроса от кредитной организации.

Отмечая особенности функционирования платформы цифрового рубля Банка России, Хоменко Е.Г. обозначила, что с помощью платформы цифрового рубля обеспечивается возможность совершения целого спектра операций и расчетов в цифровых рублях (переводы между клиентскими счетами, расчеты и другие). Иначе говоря, имеется в виду не столько предоставление контрагентам возможности поиска друг друга для вступления в договорные отношения, сколько возможность исполнения обязанности по оплате [195, с. 95].

Банком России осенью 2023 г. была утверждена форма договора, в соответствии с которой будет происходить зачисление цифровых рублей, поступающих на счета пользователей. Исследовательский интерес представляет анализ данного типового договора.

Так, стоит отметить, что рассматриваемый договор является договором присоединения, что является также еще одним подтверждением того, что заключение кредитными организациями ряда договоров с использованием смарт-контракта необходимо по своей правовой природе относить к таковым. Указанный договор имеет бессрочный характер, соответственно, его действие будет продлеваться до тех пор, пока он не будет расторгнут.

Одна из особенностей договора – возможность его изменения в одностороннем порядке Банком России. При этом в случае таких изменений пользователи должны быть оповещены как минимум за 30 дней. Уведомление пользователей производится путем публикации соответствующего объявления на официальном ресурсе регулятора вместе с новой редакцией договора. При несогласии с изменениями пользователь вправе расторгнуть договор, в ином случае будет считаться, что новые условия согласованы. В связи с этим Банк России в указанном случае можно относить к «сильной стороне» договора. Соответственно, возникает вопрос, требуется ли дополнительная защита слабой стороны данного договора? Представляется, что нет, ввиду наличия в открытом доступе типового договора в электронной форме, что позволяет ознакомиться с содержанием смарт-контракта. Кроме того, законодательство Российской Федерации предусматривает ответственность за несоблюдение правил деятельности кредитной организации.

Предмет данного соглашения - определение обязанностей регулирующего органа по выполнению действий с цифровыми рублями пользователей, включающих зачисление, списание и управление средствами. Все эти действия должны проводиться в строгом соответствии с установленными нормами платформы цифрового рубля (далее – платформа). Еще одно обязательное условие – отчисление комиссии в пользу Банка России.

Открытие счета в цифровых рублях возможно исключительно при участии посредника – кредитной организации-партнера, являющегося участником платформы. Кредитная организация-партнер обязуется при открытии счета оказывать клиентам необходимую поддержку, в том числе техническую; предоставить необходимое программное обеспечение для доступа к платформе, чтобы обеспечить клиенту возможность самостоятельного формирования распоряжений о совершении транзакций в цифровых рублях, подписания этих распоряжений цифровой подписью, а

также их отправки. Соответствующее программное обеспечение может иметь вид самостоятельного мобильного приложения или особого функционала на сайте кредитной организации-партнера. Использование счета требует от клиента наличия усиленной неквалифицированной электронной подписи, а также действующего сертификата ключа проверки подписи. Признаться, указанное уменьшает преимущества смарт-контракта [177], доступ к которым в целом предусматривает создание токена, записываемого в специальную программу. В связи с этим использование усиленной квалифицированной подписи в безналичных расчетах с использованием цифрового рубля, а также формирование распоряжений в виде электронного документа, фактически приравнивает технологию, которая направлена на оптимизацию данных процессов, к обычному обмену электронными документами, в связи с этим неясно, каков с технической и правовой точки зрения, смысл использования данной технологии в указанных операциях.

Договор устанавливает правило возмездного оказания услуг Банком России. По каждой операции установлен определенный тариф – комиссия списывается непосредственно со счета пользователя. Тарифы утверждены Советом директоров Банка России. Любой желающий может изучить тарифы, так как они находятся в открытом доступе (на официальном ресурсе Банка России). Пользователь не может отказаться от уплаты комиссии. Согласие на ее взимание он подписывает при открытии счета. И такое согласие не может быть отозвано впоследствии.

Банк России также обязан, помимо совершения транзакций по счету пользователя, исключать неправомерный доступ к счетам пользователей со стороны третьих лиц; учитывать и хранить информацию о совершаемых операциях и остатках по счетам; расторгать договоры при наличии соответствующих оснований; переводить остатки со счетов на электронные кошельки и банковские счета (вклады) пользователей в предусматриваемых законодательством случаях.

Среди прав Банка России выделяются: право на приостановку выполнения операции по законным основаниям; право на определение максимальной суммы для операций с цифровым рублем; право на ограничение максимальной суммы на счету; право на ограничение доступа пользователя к платформе при нарушении им действующих правил.

Обязанности пользователя платформы следующие. Так, пользователь обязан не разглашать конфиденциальную информацию (в частности, коды доступа к платформе); не копировать ключи для входа; не вносить в программу изменений; не допускать посторонних лиц к своему счету. Также по запросу Банка России пользователи обязаны в течение семидневного срока предоставить запрошенные сведения. Если у клиента изменились персональные данные, то он обязан уведомить об этом Банк России в установленные сроки.

Указанное содержание типового договора может быть в полной мере реализовано и при совершении других форм безналичных расчетов с использованием смарт-контракта. Схожая судебная практика была в отношении электронных денег на стадии их становления, что подтверждается судебной практикой (например, Определение Верховного Суда Российской Федерации от 01 июня 2021 года № 48-КГ21-3-К7) [55]. В спорах о сроках расчетов цифровой рубль приравнивается к электронным деньгам (например, Решение Арбитражного суда Красноярского края от 14 сентября 2023 г. по делу № А33-6538/2023) [32]. Таким образом, в целом заключение гражданско-правового договора о проведении безналичного расчета, в том числе с использованием цифрового рубля, не противоречит гражданско-правовому регулированию. Стоит отметить, что суды уже начали упоминать в своих решениях цифровой рубль. Так, например, в Постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 23.10.2023 № Ф06-9131/2023 по делу № А57-26900/2022 [31] отмечено, что безналичные расчеты, за исключением расчетов в цифровых рублях, осуществляются путем перевода денежных средств кредитными организациями с открытием или без

открытия банковских счетов в порядке, установленном законом, принимаемыми в соответствии с ним правилами и договором.

Подводя итог, обозначим, что цифровой рубль неизбежно станет частью системы расчетов в гражданском обороте. При этом следует обратить внимание на возможность увеличения стоимости услуг кредитных организаций, не связанных с комиссионными переводами и снижением количества кредитных организаций.

Глава 3

Гражданско-правовая охрана и защита сторон договоров, заключаемых кредитными организациями с использованием смарт-контракта

Гражданское законодательство включает множество положений, направленных на охрану и защиту гражданских прав, однако официальных законодательных определений терминов «охрана прав» и «защита прав» в Гражданском кодексе Российской Федерации не предусмотрено. При этом сам факт того, что субъективное гражданское право существует, обусловлено наличием указанных правовых категорий. Субъективное право – это предусматриваемая законом и обеспечиваемая государством мера дозволенного (возможного) поведения человека по удовлетворению законных интересов. Учитывая сказанное, можно отметить, что обязательное условие существования субъективного права – это возможность защиты с помощью государства своих прав, которые были нарушены. Также подобная защита возможна в отношении оспариваемых прав. А.И. Базилевич поддерживает мнение, высказанное иностранным ученым-цивилистом Е. Месснером [92]. Так, «под охраной прав и законных интересов подразумевается только такая деятельность государственных и общественных органов, которая включает в себя предупредительные меры. Если же нарушение прав уже случилось, тогда вступает в силу защита». Таким образом, согласно А.И. Базилевичу, к охране относятся меры, «направленные на предотвращение нарушений прав, тогда как защитой считается восстановление уже нарушенных прав или тех, которым угрожает нарушение» [97, с. 205]. Защита рассматривается ученым в качестве деятельности, предполагающей применение уполномоченными органами санкций, предусматриваемых законом, для того, чтобы восстановить субъективные права в случае их оспаривания либо нарушения.

Такая же позиция изложена в трудах и другого ученого – Д.Н. Латыпова. Исследователь пишет: «охрана каждого права существует постоянно и имеет целью обеспечить его осуществление, не допустить его нарушения, а к защите прав появляется необходимость прибегнуть лишь при нарушении или угрозе их нарушения» [151, с. 19]. Интересной также видится точка зрения, высказанная А.П. Вершининым. Автор, не ограничиваясь понятием охраны, рассматривает защиту прав следующим образом. Автор рассматривает защиту прав как «правовые действия, направленные на устранение препятствий в реализации субъектами своих прав и прекращение правонарушений, а также на восстановление положения, предшествующего нарушению» [70]. Избегая углубления в научные дискуссии по разграничению этих категорий [151, с. 20], отметим, что охрана носит превентивный характер (то есть меры охраны направлены на предотвращение нарушений прав), тогда как защита направлена на устранение последствий нарушения. Этот подход также отражен в законодательстве – термин «защита» используется российским законодателем исключительно в контексте оспаривания или нарушения гражданских прав (статья 12 Гражданского кодекса Российской Федерации). В связи с этим в рамках настоящей главы будут рассмотрены отдельные вопросы охраны и защиты сторон договоров, заключаемых кредитными организациями с использованием смарт-контракта.

3.1 Вопросы охраны прав сторон договоров, заключаемых кредитными организациями с использованием смарт-контракта

Как было указано выше, технология смарт-контрактов достаточно активно осваивается и используется российскими кредитными организациями. С помощью данной технологии заключаются многие виды договоров с участием кредитных организаций [208, с. 188]. В.М. Камалян отмечает, что главной фундаментальной задачей в этой сфере должна стать выработка

правовых условий и возможностей, позволяющих использовать смарт-контракт в сфере государственного управления и экономике для введения в имущественный оборот результатов их использования. С точки зрения права, по мнению исследователя, необходимо обеспечить защиту законных интересов и прав субъектов, пользующихся технологиями распределенного реестра и смарт-контрактами [143, с. 34]. При этом использование смарт-контрактов в деятельности кредитных организаций, по мнению ряда исследователей [109, с. 159], снижает гражданско-правовые риски именно кредитных организаций при заключении договоров, но не их контрагентов [190, с. 135].

Поэтому достаточно актуальным и значимым представляется вопрос минимизации правовых рисков использования смарт-контракта в деятельности кредитных организаций путем совершенствования превентивных мер охраны сторон договора. В преломлении к договорам, заключаемым кредитными организациями, указанная концепция объясняет приоритет защиты слабой стороны в договоре.

В соответствии с позицией упраздненного Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, сформулированной в пункте 9 Постановления № 16 от 14.03.2014 г. [57], слабая сторона договора – сторона, которая находится в положении, затрудняющем возможность согласования другого содержания договорных условий, чем те, что предложены контрагентом.

Рассматриваемое понятие неоднократно упоминалось Конституционным Судом Российской Федерации. Так, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 23.02.1999 года указано, что граждане не имеют реальной возможности влиять на содержание договора, заключаемого с кредитной организацией. Это обстоятельство расценивается высшей судебной инстанцией в качестве ограничения свободы договора [2]. Данный факт обуславливает необходимость усиленной охраны граждан, как слабой стороны рассматриваемого договора. Кроме того, обращено внимание

и на необходимость ограничения свободы договора для профессионального участника отношений (кредитной организации) [54].

О необходимости охраны слабой стороны договорных отношений говорят многие исследователи. Причина, по которой требуется такая охрана, заключается в экономическом неравенстве субъектов и в непрофессионализме слабой стороны [82]. По мнению некоторых исследователей, неравенство сторон обуславливается недостаточным развитием конкурентной среды – даже при наличии достаточной компетенции и финансовых ресурсов субъекты гражданского оборота часто не имеют реального выбора, поскольку все компании, предоставляющие определенный вид услуг (например, кредитные организации), предлагают практически идентичные условия, в равной степени невыгодные клиентам. О необходимости изменения ситуации в этой сфере говорят многие исследователи, в том числе С.А. Деменков, Е.В. Протас [169, с. 114] и В.А. Кузьмина [150, с. 125].

Определить, какая сторона договорных отношений является слабой, можно по ряду признаков. Например, А.Ю. Лисицкая предлагает исходить из следующих признаков:

- отсутствие полной осведомленности о предмете договора, контрагенте, предлагаемых услугах и продуктах;
- высокий уровень заинтересованности субъекта в заключении договора (в отличие от другой стороны);
- отсутствие достаточных сведений об ответственности, обязанностях и правах сторон договора;
- необдуманность решения о вступлении в договорные отношения (само решение о заключении договора принимается в условиях, которые явно способствуют принятию необдуманных решений, давая основания говорить о том, что воля субъекта не соответствует его волеизъявлению) [152, с. 67].

Перечисленные признаки не обязательно будут присутствовать одновременно, достаточно даже одного из них.

М.А. Церковников предложил понятие «фактическое неравенство сторон». Из данного понятия можно вывести определение слабой и сильной стороны договорных отношений. Так, под фактическим неравенством сторон, по мнению исследователя, понимается ситуация, когда одна сторона пользуется юридически и формально имеющимися у нее преимуществами и правами во вред контрагенту, получая при этом выгоду, а другая сторона не получает того, на что рассчитывала, вступая в договорные отношения. Соответственно, вторая сторона в рассмотренной ситуации является слабой [196, с. 45].

В.А. Шумкин предлагает всего три признака, по которым можно определить слабую сторону договорных отношений. Это такие признаки:

- слабая сторона не обладает равными переговорными возможностями в сравнении с другой стороной;
- слабая сторона не обладает профессионализмом в сфере, в которой вступает в договорные отношения, в отличие от контрагента;
- слабая сторона проявляет повышенную заинтересованность в том, чтобы заключить договор [204, с. 64].

Приведенные признаки тесно связаны между собой, так как наличие одного часто вытекает из другого.

К.И. Баскаков называет слабой стороной договора сторону, которая объективно имеет меньшие в сравнении с контрагентом информационные, профессиональные, материальные, организационные и иные возможности, обладающие значением в контексте формирования, реализации и защиты субъективных прав [110, с. 19]. Такое определение представляется вполне корректным и позволяет четко определить слабую сторону договора.

Понятие слабой стороны договора определено и Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации. При этом данное понятие тесно связано с неравенством переговорных возможностей, выделяемым некоторыми исследователями в качестве одного из признаков,

присущих слабой стороне. Соответственно, подход высшей судебной инстанции можно признать верным.

Проблема в том, что понятие слабой стороны не детализировано в достаточной степени. Нет и примерного перечня факторов, которые определяли бы неравенство сторон в плане переговорных возможностей. Отсутствие такого примерного перечня в условиях только формирующейся практики является большим недостатком, хотя и позволяет судам не концентрироваться только на конкретных факторах, поскольку составить исчерпывающий их перечень в принципе невозможно.

Учитывая вышесказанное, представляется, что в роли слабой стороны договора может выступать любой из субъектов гражданских правоотношений, как юридическое лицо, так и физическое (в том числе индивидуальный предприниматель). При этом «слабой» сторона может быть только в рамках конкретных отношений, а не в целом.

Следует обратить внимание еще на одну значимую проблему в сфере договоров, заключаемых кредитной организацией, – несправедливый характер условий, устанавливаемых таким договором для клиента. Эта проблема достаточно актуальна и привлекает внимание многих исследователей. Клиенты, обычно, не имеют абсолютно никакой возможности повлиять на условия, предлагаемые кредитной организацией, и хоть как-то их скорректировать. Клиент либо подписывает тот вариант договора, который предлагается кредитной организацией, либо вовсе не вступает в договорные отношения. Альтернатива, как правило, отсутствует, и только в редких случаях кредитная организация может пойти навстречу клиенту и изменить в индивидуальном порядке некоторые условия. Как отмечалось в параграфе 1.2 данного исследования, договор, заключаемый с кредитной организацией, классифицируется как договор присоединения. Это означает, что одна сторона устанавливает условия договора, а вторая сторона может лишь принять эти условия путем подписания договора [161, с. 205]. Определение такого вида договора содержится в пункте 1 статьи 428 Гражданского кодекса

Российской Федерации. Указанные признаки, как следует из проведенного в параграфе 1 главы 1 настоящего исследования, присущи и смарт-контрактам.

Расширение практики использования смарт-контракта усугубляет указанную проблему. Е.В. Зайнутдинова отмечает, что уникальная черта смарт-контракта заключается в невозможности изменения или удаления данных, уже записанных в блокчейн. Это означает, что слабая сторона не сможет прибегнуть к юрисдикционным методам для корректировки несправедливых условий договора. Даже если суд признает условия смарт-контракта несправедливыми, ошибки останутся неустраненными [99]. Аналогичной позиции придерживается А.В. Чирков. Он указывает, что во многих странах в законодательстве имеются специальные нормы, которыми предусматривается возможность исправления несправедливых условий договора (часто через суд). Такой подход связан с признанием договора с потребителем недействительным либо с изменением некоторых его условий. Также важным аспектом использования блокчейн при заключении смарт-контрактов является обеспечение неизменности кода и автоматического исполнения обязательств через децентрализованную структуру. Данная характеристика делает изменение условий, закрепленных в смарт-контракте, технически невозможным [200, с. 181]. С указанной позицией сложно не согласиться.

Не вдаваясь в дискуссию относительно несправедливости условий конкретных договоров, так как это не является предметом настоящего исследования, в приложении В были обобщены такие условия по отдельным видам договоров.

Как указанные условия включаются в договор кредитными организациями? Кредитные организации используют на практике типовые формы договоров. Внести какие-либо корректировки в такие типовые формы довольно проблематично. При этом встречаются случаи, когда кредитной организации приходится принимать во внимание позицию контрагента и идти на уступки в виде изменения некоторых условий договора. Однако выявить

несправедливые условия в письменной форме договора представляется более реальным, чем в коде, которым по сути и является смарт-контракт. Может возникнуть ситуация, когда кредитная организация, являясь фактическим «разработчиком» смарт-контракта, будет включать такие условия без ведома клиента.

Как уже указывалось выше, клиенты не имеют реальной возможности менять условия договора, поэтому фактически имеет место присоединение к договору. При этом перед подписанием договора клиент должен оценить условия, закрепленные в договоре. Оценка должна проводиться с позиции допустимости правовых последствий договорных условий, а не по предпосылкам их появления в тексте. В настоящее время отсутствие в законодательстве примерного перечня подобных условий обуславливает возникновение определенных сложностей у другой стороны в части доказательства их субъективности. Представляется, что указанная проблема в связи с распространением в деятельности кредитных организаций смарт-контрактов будет только усугубляться.

Целесообразно выделить некоторые риски, с которыми сталкиваются контрагенты при заключении и исполнении смарт-контракта. Так, основными рисками выступают: «операционные риски; регуляторные риски; риски непонимания условий, закрепленных в смарт-контракте; риски включения в смарт-контракт условий, которые ущемляют права потребителя; риски несоответствия условий смарт-контракта условиям основного договора» [200, с. 182]. Часть таких рисков присутствует и при заключении обычного договора. При выборе способов решения актуальных вопросов, связанных с применением смарт-контрактов, важно учитывать особенности механизма реальной защиты прав сторон, взаимодействующих с кредитной организацией. В научных источниках предлагается, чтобы использование смарт-контракта сопровождалось традиционным договором, что может обеспечить дополнительную степень защиты и ясности. Это позволит более эффективно решать возможные правовые споры и недоразумения, которые

могут возникнуть в процессе исполнения обязательств. Таким образом, интеграция классических соглашений с новой технологией может не только улучшить правовую устойчивость сделок, но и повысить уровень доверия к смарт-контрактам в целом. Важно также отметить, что подобный подход может способствовать более широкому внедрению данной технологии в финансовые и деловые процессы, что в итоге приведет к оптимизации операций и снижению рисков для всех участников [100].

Некоторые авторы также указывают, что проблема информирования контрагентов при использовании смарт-контракта в деятельности кредитных организаций связана с работой оракула, выступающего источником информации для «умного» контракта [210]. В данном случае актуализируется проблема возможных манипуляций данными оракула в недобросовестных целях. Слабая сторона в данном случае та, которая не имеет возможности повлиять на данные оракула [211]. Представляется, что должен быть разработан механизм, который вообще исключит возможность влияния на данные оракула. Например, таким механизмом может стать гарантия предоставления всем субъектам договора полных сведений об оракулах и тех, кто имеет к ним доступ [200, с. 183]. Однако, считаем, что указанная ситуация – слишком частный случай, а проблема более верхнеуровневая. Дело в том, что смарт-контракты не только связаны с технологией блокчейн, а сам блокчейн уже подразумевает не только использование оракула [100].

Некоторые исследователи считают, что обеспечить эффективную охрану прав субъектов, пользующихся смарт-контрактами, можно только путем развития правового регулирования. Предлагается разработать специальные нормативные акты в области цифровых технологий [118]. Так, В.А. Белов, анализируя предложения Банка России, отмечает, что данный орган в связи с необходимостью усиления защиты прав потребителей планирует сформировать комплексную систему информирования потребителей и обеспечения защиты их прав [111, с. 38].

Представляется, что данная проблема может быть решена Банком России. Следует отметить, что Банк России уполномочен на выражение воли государства в сфере денежно-кредитной политики и реализацию ряда функций публично-правовой природы. В указанном случае речь идет об отношениях, обладающих частноправовым характером. Имеется в виду превентивная гражданско-правовая охрана слабой стороны договора, заключенного посредством смарт-контракта. Данные отношения подпадают под сферу полномочий Банка России. В рассматриваемой ситуации применению подлежат правила, предусматриваемые Гражданским кодексом Российской Федерации для договора присоединения, а также правила о свободе договора, заключенного между кредитной организацией и клиентом, как слабой стороной (статья 428 Гражданского кодекса Российской Федерации). В связи с этим необходимой видится разработка типовых смарт-контрактов (типового кода) по основным видам договоров, при заключении которых возможно применение данной технологии. При этом схожая практика существует в части использования цифрового рубля. Банком России разработан типовой договор счета цифрового рубля между оператором платформы цифрового рубля и пользователем платформы цифрового рубля, являющийся приложением к Письму Банка России от 07 августа 2023 года [25], который включен в систему в виде типового кода.

Таким образом, несмотря на особую правовую и техническую природу смарт-контракта, в отношении договоров, заключенных кредитной организацией с помощью них, возможно применение превентивных мер охраны слабой стороны договора. В частности, с целью предотвращения злоупотреблений со стороны кредитной организации в части установления несправедливых условий банковского договора видится необходимой разработка типовых смарт-контрактов по основным видам договоров с участием кредитной организации, при заключении которых возможно применение данной технологии.

3.2 Вопросы защиты прав сторон договоров, заключаемых кредитными организациями с использованием смарт-контракта

Продолжая анализ проблемы несправедливых условий, возникает новый вопрос в контексте защиты прав участников договора: как поступить, если в договоре, заключенном с помощью смарт-контракта кредитной организацией, уже содержатся несправедливые условия? Можно ли считать такой договор автоматически незаключенным или недействительным?

В цивилистике установлено: чтобы договор можно было признать полностью недействительным (презумпция недействительности), должны присутствовать либо отсутствовать определенные обстоятельства [137, с. 59]. Так, главным требованием является соблюдение письменной формы. Если это требование сторонами не исполнено, то договор будет признан недействительным (статьи 780 и 820 Гражданского кодекса Российской Федерации). Недействительным договор признается и в других случаях, которые предусматриваются законодательством, а именно:

- заключение кабальной сделки, условия которой заведомо неподъемны для клиента либо противоречат актам Банка России;
- ввод клиента в заблуждение при заключении сделки, применение насилия, угрозы насилия;
- заключение договора с недееспособным лицом, малолетним (младше 14-ти лет) или лицом, имеющим расстройство психики;
- нарушение императивной нормы или законодательного акта.

В любом из вышеуказанных случаев договор будет признан недействительным [110, с. 19]. Установление недействительности договоров происходит путем доказывания заинтересованной стороной наличия соответствующего основания.

Для доказывания ничтожности сделки в судебной процедуре нет необходимости, поскольку по закону договор изначально является недействительным. Стороне правоотношений достаточно обратиться в суд

или органы контроля, инициировав процедуру признания договора недействительным [199, с. 45].

В судебной практике в большей степени встречаются ситуации, когда несправедливые условия влияют на признание недействительным договора только частично (то есть в части несправедливых условий, а не всего договора в целом) [62]. Данные условия были представлены в приложении В. Однако, как указывалось выше, использование технологии смарт-контракта усугубляет указанную проблему и напрямую может говорить о недобросовестности кредитной организации. Как указывает К.В. Нам, при заключении и исполнении смарт-контрактов обязательно должен соблюдаться принцип справедливости, выражающийся в учете участниками правоотношений прав и интересов друг друга [165, с. 95]. Сказанное применимо также к отношениям в финансовой сфере. Проблематика соблюдения принципа справедливости при заключении смарт-контрактов неоднократно выступала предметом исследования отечественных правоведов [117, с. 28]. Принцип, упомянутый в контексте смарт-контрактов, как представляется, должен обеспечиваться нормами гражданского права (и даже в еще большей мере, чем при заключении обычных договоров).

Принцип справедливости при заключении смарт-контракта в деятельности кредитных организаций направлен на то, чтобы исключить включение в договор условий, несправедливых для одной из сторон (как правило, для клиента кредитной организации). Несправедливыми признаются условия, которые нарушают требования добросовестности, приводят к ущербу одной из сторон, а также обуславливают существенное несоответствие обязанностей и прав участников отношений [175, с. 55]. Как отмечает С.Л. Будылин, условия автоматически заключенной сделки могут быть признаны недействительными судом [115, с. 49]. С нашей точки зрения, если договор, заключенный с помощью смарт-контракта, содержит условия, которые можно считать несправедливыми, и уже начал действовать, тогда сторона, находящаяся в более слабом положении, имеет единственный способ

защититься от недобросовестных действий кредитора. Этот способ заключается в полном признании такого договора недействительным. В данном случае только полное аннулирование договора может обеспечить защиту прав слабой стороны.

Во-первых, следует отметить, что смарт-контракт, будучи неизменяемым кодом, не позволяет внесение частичных исправлений по техническим причинам. Эта особенность делает бесполезными попытки корректировки отдельных частей контракта после его активации. Во-вторых, в случае, если суд признает смарт-контракт полностью недействительным, все участвующие стороны обязаны будут выполнить реституционные обязательства. Это означает возврат всего, что было получено по такому договору, обратно в исходное состояние, как если бы соглашения никогда не существовало. Таким образом, полное признание недействительности смарт-контракта остается единственным действенным способом защиты интересов более слабой стороны, обеспечивая справедливость и правовую определенность в ситуациях, когда невозможно внести изменения в уже действующий код договора. Это означает, что они должны вернуть друг другу все, что было получено в рамках договора, признанного недействительным.

Мое собственное рассуждение заключается в следующем: смарт-контракты представляют собой инновационный инструмент для автоматизации договорных обязательств, но их неизменяемость может служить как преимуществом, так и недостатком. С одной стороны, прозрачность и невозможность внесения изменений без согласия всех сторон обеспечивают высокий уровень доверия. С другой стороны, несправедливые условия, заложенные в коде, могут привести к серьезным правовым последствиям, особенно если одна из сторон оказывается в уязвимом положении. Поэтому важным шагом перед заключением смарт-контракта является тщательная юридическая проверка всех условий, что требует участия профессиональных юристов и специалистов по блокчейну. Введение процедуры судебного признания таких контрактов недействительными

добавляет уверенности в защите прав участников, но также подчеркивает необходимость осторожного подхода к использованию данной технологии.

Злоупотребление кредитной организации в части включения несправедливых условий в смарт-контракт без ведома другой стороны может в данном ключе быть квалифицировано по статье 178 Гражданского кодекса Российской Федерации (сделка, совершенная под воздействием заблуждения). Такая сделка признается недействительной в судебном порядке, но для этого суд должен убедиться в серьезности заблуждения. Заблуждение считается серьезным, если добросовестная сторона отношений, которая является и пострадавшей стороной, при совершении сделки не имела представления относительно ее реальных условий и последствий, а если бы имела, то не согласилась бы на ее совершение. В гражданско-правовой науке заблуждение трактуется как неправильное представление о тех или иных обстоятельствах, обладающих значением для совершения сделки, в связи с чем последствия и результаты такой сделки не соответствуют реальным намерениям и воле стороны [159, с. 905]. К числу существенных заблуждений при совершении сделки относятся: опечатки, описки, оговорки, заблуждение о природе и предмете совершаемой сделки, заблуждение о том, кто выступает контрагентом по сделке [168, с. 65].

Оценить существенность заблуждения можно с учетом нормы, закрепленной в пункте 1 статьи 178 Гражданского кодекса Российской Федерации. Здесь названы случаи, при которых может иметь место существенное заблуждение. Так, заблуждение считается существенным, если оно касается природы сделки, тождества и качества ее предмета (например, сделка совершена в отношении предмета, который, как оказалось впоследствии, не обладает нужными качествами, что не позволяет его использовать по прямому назначению). Все остальные заблуждения (в том числе касающиеся мотивов сделки) не признаются законодателем существенными. Соответственно, если имело место заблуждение подобного рода, то признать сделку недействительной именно по данному основанию

невозможно. Этот момент не вызывает сомнений, поэтому в дальнейшем возвращаться к нему нет необходимости [102]. К примеру, вряд ли кто-то будет возражать по поводу судебного решения, которым сделка признана недействительной только по тому основанию, что, беря кредит и подписывая кредитный договор, клиент рассчитывал быстро раскрутить бизнес и расплатиться с долгами.

Любая сделка имеет свои существенные условия, которые характеризуют ее природу и определяют ее вид. При отсутствии даже одного существенного условия сделка или отсутствует, или относится к другому виду (не к тому, о котором думал клиент, вступая в договорные отношения) [156, с. 72]. В связи с этим статья 178 Гражданского кодекса Российской Федерации может быть применена к договорам, заключенным кредитной организацией с помощью смарт-контракта и содержащим несправедливые условия.

Необходимо также подчеркнуть, что одним из ключевых вопросов, который требует внимательного рассмотрения для защиты прав всех участников, является возможность использования мер гражданско-правовой ответственности, предусмотренных гражданским законодательством, в случае ненадлежащего выполнения условий договора, заключенного кредитной организацией посредством смарт-контракта.

Когда стороны заключают договор с помощью смарт-контракта, важно обеспечить, чтобы механизмы гражданско-правовой ответственности были применимы к этой форме соглашения. Это означает, что, если кредитор или заемщик не исполняет свои обязательства должным образом, должны быть предусмотрены меры, позволяющие другой стороне требовать возмещения убытков или исполнения условий договора.

Такой подход необходим для того, чтобы все участники имели уверенность в том, что их права будут защищены даже в случае использования новых технологий для заключения договоров. Во-первых, необходимо учитывать, что смарт-контракты, будучи программными кодами,

автоматически исполняют заложенные в них условия. Однако это не исключает вероятности ситуаций, когда одна из сторон может не выполнить свои обязательства надлежащим образом. Во-вторых, здесь возникает важный вопрос: могут ли применяться стандартные меры гражданско-правовой ответственности, такие как штрафы, ущерб и реституция, в случае нарушений условий договора, заключенного через смарт-контракт?

Так, гражданское право, как известно, регулирует личные неимущественные и имущественные отношения, принципами гражданско-правового регулирования таких правоотношений выступают: принцип свободы волеизъявления; принцип юридического равенства; принцип свободы участников отношений в определении своих прав. Соблюдение гражданского законодательства и вышеуказанных основополагающих принципов обладает особым значением. В случае недобросовестности участников гражданских правоотношений к ним применяются предусматриваемые гражданским законодательством меры ответственности и санкции. По словам Е.Ф. Цокур и Д.С. Юркиной, гражданское законодательство предусматривает довольно широкий спектр методов и мер правового воздействия на сферу имущественных интересов недобросовестных субъектов гражданских правоотношений [205, с. 255].

Несмотря на широкое применение на практике, методы и меры гражданско-правовой ответственности теоретически исследованы в недостаточной степени, как и само понятие гражданско-правовой ответственности в целом. Обзор научной литературы показывает, что среди отечественных исследователей не сложилось единого мнения относительно сущности понятия гражданско-правовой ответственности. Целесообразно рассмотреть некоторые наиболее распространенные подходы к пониманию этой категории.

Так, О.О. Потолокова и Е.Б. Казакова под гражданско-правовой ответственностью предлагают понимать обязанность субъекта, регулируемую правом, давать отчет относительно своих действий. Такая обязанность

применяется в том числе и тогда, когда факт правонарушения отсутствует. Методы и меры гражданско-правовой ответственности не ограничиваются только лишь необходимостью давать отчет относительно своих действий. Они охватывают в том числе сферу имущественных интересов (например, такие меры, как уплата неустойки, возмещение убытка и прочие). Ученые считают, что обязательства по гражданскому праву выступают как форма государственного давления, так как включены в систему имущественных наказаний, направленных на восстановление нарушенных прав [139, с. 139]. Однако С.С. Алексеев несколько иначе интерпретирует это, подчеркивая позитивный аспект гражданско-правовой ответственности, который предполагает точное выполнение всех обязанностей, установленных гражданским правом.

Присмотревшись к данному вопросу, становится очевидно, что гражданско-правовая ответственность действительно играет ключевую роль в поддержании правового порядка. Она не только наказывает нарушителя, но и компенсирует ущерб пострадавшей стороне, тем самым восстанавливая справедливость. Позитивный аспект, на который указывает С.С. Алексеев, также значим. Он подчеркивает важность добросовестного исполнения обязательств всеми участниками гражданского оборота. Это создает надежную базу для стабильных и предсказуемых правовых отношений, что особенно важно в экономических взаимодействиях. Такой подход к ответственности помогает укрепить доверие между сторонами и способствует более эффективному урегулированию споров. Если говорить об ответственности в части исполнения гражданско-правовых обязанностей, то такая ответственность может быть отождествлена с понятием надлежащего исполнения обязательств [65].

Если придерживаться альтернативной точки зрения, где гражданско-правовая ответственность рассматривается не как позитивное явление, а как мера санкций, то ее можно определить как наложение неблагоприятных правовых последствий на недобросовестного участника

гражданско-правовых отношений. Эти последствия могут проявляться либо в замене неисполненных обязательств на новые, либо в лишении некоторых прав.

Обратимся к рассуждению на эту тему. Если рассматривать гражданско-правовую ответственность именно как санкцию, становится очевидным, что ее главная цель – наказание и предупреждение повторных нарушений. Такой подход подчеркивает карательный характер ответственности, что может стимулировать участников гражданско-правовых отношений к более осторожному и добросовестному поведению. Введение ограничений и дополнительных обязательств для нарушителей служит не только восстановлением справедливости, но и предупреждением будущих правонарушений. Именно поэтому важно сбалансировано использовать как позитивные аспекты ответственности, акцентирующие исполнение обязательств, так и санкционные элементы, предотвращающие нарушения. Также на недобросовестного участника гражданских правоотношений могут быть возложены дополнительные или новые обязанности (к примеру, если предъявлено требование об уплате неустойки или о возмещении убытка) [197, с. 289].

В.П. Грибанов подчеркивает, что гражданско-правовая ответственность представляет собой форму государственного принуждения. Он также выделяет основные принципы этой ответственности. Одним из таких принципов является принцип вины. Согласно этому принципу, меры гражданско-правовой ответственности могут быть применены к субъекту лишь в случае, если был причинен вред по его вине [74]. Термин «вина» имеет общепринятое определение – это внутреннее субъективное отношение субъекта к совершенным действиям противоправного характера. Вина выражается в том, что субъект предвидит (может спрогнозировать) возникновение неблагоприятного результата вследствие своих действий, а также осознает, что может предотвратить такой результат [86]. В гражданском праве (как и в уголовном) вина имеет две формы – неосторожность и прямой

умысел. Помимо вины, гражданско-правовая ответственность имеет и такие принципы: принцип полного возмещения причиненного вреда; принцип индивидуализации мер ответственности; принцип неотвратимости [103].

Одна из форм гражданско-правовой ответственности – дополнительные обременения и обязанности, которые могут быть возложены на недобросовестного участника гражданских правоотношений. Действующим гражданским законодательством предусмотрено несколько форм ответственности (например, потеря задатка, возмещение убытка и другие). Возмещение убытка – особая форма гражданско-правовой ответственности. Она же является для правонарушителей одной из наиболее ощутимых, так как затрагивает имущественную сферу. Также данная форма наиболее распространена в современной практике. Соответственно, возмещение убытка обладает общим значением и подлежит применению во всех фактах нарушения прав, если законодательство или договор не предусматривает иного (статья 15 Гражданского кодекса Российской Федерации). Иные формы ответственности подлежат применению в случаях, напрямую указанных в законе либо в договоре применительно к конкретному виду правонарушения.

Гражданское право предусматривает и иные формы ответственности. Так, выделяется запретительная и компенсационная ответственность. Первая форма ответственности предполагает определенные ограничения прав нарушителя, а вторая предусматривает возмещение убытка и компенсацию морального вреда. Пример запретительной формы ответственности – понуждение лица к совершению какого-либо действия, к примеру, к заключению договора (статья 445 Гражданского кодекса Российской Федерации). Примерами компенсационной формы ответственности выступают потеря задатка и уплата неустойки (статьи 330, 381 Гражданского кодекса Российской Федерации) [98]. Не вдаваясь в дискуссию относительно видов ответственности за классические договоры, в

приложении Г представлены основные виды ответственности, которые могут наступить в связи с нарушением обязательств, предусмотренных ими.

В результате обобщения мер гражданско-правовой ответственности, применимых к сторонам, заключившим договор при помощи смарт-контракта, выявлено, что в целом они могут быть установлены в коде заранее (особенно в случае, если будут утверждены типовые смарт-контракты). При этом есть мнение, согласно которому понятие ненадлежащего исполнения обязательств по договору, который был заключен с использованием смарт-контракта неприменимо. Такой позиции придерживается Е.В. Зайнутдинова. Она считает, что реализация такого договора – надлежащая по определению. Следовательно, фраза «ненадлежащее исполнение обязательств» в контексте договора, заключенного с помощью смарт-контракта, лишена смысла. Рассматриваемый автоматизированный способ исполнения обязательств, по мнению автора, практически устраняет риски недобросовестности сторон по договору [99]. С такой позицией согласны и многие другие исследователи.

По нашему мнению, указанная точка зрения не лишена недостатков. В отношении договоров с участием кредитной организации могут возникать ситуации, когда применение мер гражданско-правовой ответственности неизбежно даже в случае, если договор заключен с помощью смарт-контракта.

Например, согласно общим правилам, в случае ненадлежащего исполнения или неисполнения обязательств стороной договора, связанного с кредитной организацией, к ней могут быть применены меры ответственности, такие как компенсация причиненных убытков и оплата процентов за использование чужих денежных средств (как указано в приложении Г). Также может быть применено взыскание неустойки. Нельзя согласиться с тем мнением, что данные меры не применимы по обязательствам заключенного кредитной организацией договора, так как они могут заранее быть предусмотрены, например, на случай, когда у контрагента кредитной организации недостаточно средств на счету для автоматизированного списания. В таком случае взыскание процентов за пользование чужими

средствами и неустойка будут списаны со счета клиента автоматически, как только счет будет пополнен.

Сложнее обстоит вопрос с убытками, взыскание которых может происходить в судебном или внесудебном порядке, но в любом случае требует мотивированного расчета и доказывания. Убытки в общепринятом понимании – это расходы, понесенные пострадавшей стороной (или только предстоящие) в связи с восстановлением нарушенных прав, повреждением либо утратой имущества. Помимо реального ущерба, существует также упущенная выгода – недополученный доход, который пострадавшая сторона могла бы получить, если бы ее права не были нарушены. Такое понимание убытков соответствует законодательному определению (пункт 1 статьи 15 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Целесообразно выделить основания, при наличии которых требование о взыскании убытка может быть удовлетворено. Такими основаниями выступают: наличие факта нарушения прав; наличие убытка и подтверждающих документов; вина нарушителя; причинно-следственная связь между деяниями нарушителя и образовавшимся убытком [160, с. 15]. Указанные обстоятельства неоднократно подтверждены судебной практикой (например, Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 октября 2020 года № 302-ЭС20-6718 по делу А69-303/2018) [61]. Так, например, признанная судебными органами недобросовестная практика в виде истребования уплаты комиссии за открытие ссудного счета и его ведение (частями либо единовременно), является основанием для взыскания клиентами с кредитной организации убытка в размере списанной комиссии. Основанием для возмещения убытка в рассматриваемом случае выступает недобросовестное поведение кредитных организаций (например, Постановление Арбитражного суда Самарской области от 14.02.2019 года по делу № А55-33134/2018) [43]. Следует отметить, что по договорам, заключенным кредитными организациями с использованием смарт-контрактов, автоматическое взыскание убытков не представляется

возможным. Важно также рассмотреть иные случаи, когда возникает ответственность за невыполнение обязательств по договорам, заключенным кредитными организациями посредством смарт-контрактов. Как указано в предыдущих разделах исследования, непосредственным разработчиком смарт-контракта является сама кредитная организация или же ответственное лицо, будь то сотрудник или третье лицо, оказывающее услуги по соглашениям, не связанным с трудовым договором. Возникает вопрос: можно ли применить санкции, такие как штрафы или возмещение убытков, к разработчику смарт-контракта, если в коде обнаружена ошибка или действия разработчика можно рассматривать как ненадлежащее выполнение своих обязанностей, что привело к неправильному или неполному исполнению смарт-контракта?

Рассмотрим этот вопрос подробнее. В контексте данной ситуации можно предположить, что лицо, которое подготовило программный код и составило смарт-контракт, несет риски неясности формулировок соглашения на основании принципа «*contra proferentem*» [124, с. 192]. Это означает, что, если условия смарт-контракта являются неоднозначными, ответственность за эти неясности может ложиться на разработчика.

Считаем, что разработка смарт-контрактов требует высокой квалификации и строгого следования принципам добросовестности. Ошибки в коде или двусмысленность условий могут привести к значительным убыткам для сторон, участвующих в договоре. Поэтому аргумент о применении ответственности к разработчикам кажется вполне оправданным. Такое положение дел должно стимулировать более тщательную проработку контрактов и проверку их кода, что в конечном итоге приведет к повышению качества и надежности смарт-контрактов. Суть указанного принципа в следующем. Если выдвинутые одной стороной условия договора неясны, то они должны истолковываться в пользу другой стороны. Представляется, что применительно к вопросу заключения договоров при помощи смарт-контракта применение данного принципа вполне оправдано, так как кредитная

организация является профессиональным субъектом, а клиент выступает в роли слабой стороны договора. Российские суды при принятии решений по спорам, вытекающим из гражданско-правовых (в том числе заключенных кредитными организациями) договоров, должны учитывать этот принцип, о чем говорится в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах». Аналогичное указание содержится и в одном из постановлений Верховного Суда Российской Федерации [45].

Принцип «*contra proferentem*» получил достаточно широкое применение во многих иностранных правовых порядках и довольно успешно используется в качестве превентивной (предупредительной) меры ответственности [24], в нашей же стране он стал использоваться фактически только с 2014 года [57]. Сказанное свидетельствует о том, что отечественная доктрина и правоприменительная практика несколько отстают от мировых тенденций.

При назначении мер ответственности по договорам с участием кредитной организации суды также применяют указанный принцип. В постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 02 октября 2012 года № 6040/12 отмечается, что условия, прописанные в банковской гарантии, должны толковаться в пользу бенефициара для того, чтобы сохранить обеспечение обязательства [59].

Однако в современных реалиях значительное число смарт-контрактов публикуется в открытых источниках, так как они создаются с использованием открытых лицензий. Поэтому сложно предположить, что программист-разработчик будет нести какую-то ответственность, если в смарт-контракте будет выявлена ошибка.

Размышляя над этим вопросом, можно отметить, что открытые лицензии действительно усложняют прямое привлечение разработчиков к ответственности за ошибки. Публикация кода в открытом доступе подразумевает возможность его проверки и доработки сообществом, что

должно повысить его качество и надежность. Тем не менее, если ошибки возникают из-за явной халатности или недобросовестности, разработчики могут подвергнуться критике или потерять доверие пользователей. В таком случае репутационные риски могут оказаться наиболее ощутимым последствием для программистов.

Сказанное еще раз подтверждает гипотезу автора настоящего исследования о необходимости разработки типовых смарт-контрактов.

Следует отметить, что вопрос касательно возможности привлечения к ответственности программистов-разработчиков смарт-контрактов за допущенные ими ошибки в программном коде начал рассматриваться в правовой и юридической доктрине сравнительно недавно [206, с. 165]. В частности, В.М. Камалян отмечает, что в Китае предлагаются идеи о привлечении разработчиков к ответственности за неполадки или уязвимости в программном обеспечении [100]. А.А. Волос указывает на вероятность появления таких нежелательных ситуаций, как невнимательность программистов к юридически значимым аспектам, либо их недооценка, а также преднамеренное укрытие информации в личных целях (например, сокрытие данными от третьих лиц того, что они обязаны раскрыть в соответствии с договорными обязательствами или профессиональными стандартами) [117, с. 28]. В научной литературе встречаются предложения о рассмотрении возможности введения ответственности для разработчиков смарт-контрактов.

В.М. Камалян правильно замечает, что согласие сторон на использование смарт-контракта подразумевает принятие на себя рисков, связанных с возможными техническими проблемами и сбоями [100, с. 189]. Е.В. Зайнутдинова акцентирует внимание на том, что при оценке ответственности важно учитывать, как именно был создан смарт-контракт: привлекался ли сторонний разработчик или контракт создавался силами самих участников. Если для разработки смарт-контракта привлекался сторонний специалист, то он может нести ответственность за недостатки в своей работе.

Это означает, что если в коде оказались ошибки или услуги были предоставлены некачественно, ответственность за это может лечь на разработчика. Очевидно, что разработчик обязан выполнять свою работу профессионально и тщательно, и несоблюдение этих обязательств может привести к его ответственности за любые возникшие проблемы. Если же смарт-контракт создавался только силами самих участников, то ответственность за любые ошибки или недочеты будет лежать на них. Таким образом, важно ясно определить, кто несет ответственность за создание и функционирование смарт-контракта, чтобы впоследствии точно установить, кто должен отвечать за возможные проблемы и нарушения. Следовательно, привлечение разработчика или самостоятельная разработка смарт-контракта значительно влияет на определение ответственности за его качество и правильность исполнения [99, с. 209]. Однако с таким мнением нельзя согласиться. Представляется, что в отношении договора, заключенного кредитной организацией посредством смарт-контракта, кредитная организация имеет преимущества в отличие от клиента, так как фактически является разработчиком смарт-контракта. С учетом принципа «*contra proferentem*» («против предложившего») кредитная организация должна нести гражданско-правовую ответственность за ненадлежащую разработку программного кода, составляющего смарт-контракт, в соответствии с теми последствиями, которые наступили вследствие нарушения права другой стороны. Хотя и не в отношении электронных сделок, но в судебной практике имеются примеры привлечения сотрудников кредитной организации к ответственности за ненадлежащее выполнение своих обязанностей перед контрагентом с применением гражданско-правовых мер ответственности. Так, например, в Определении № 21-КГ22-8-К5 от 14 февраля Верховный Суд обратил внимание на то, что суды не могут квалифицировать, руководствуясь статьей 166 и пунктом 2 статьи 836 Гражданского кодекса Российской Федерации, незаключенный или ничтожный договор банковского вклада только на том основании, что такой

договор был заключен неуполномоченным сотрудником кредитной организации, а в самой кредитной организации нет информации о вкладе, если добросовестность и разумность действий клиента при заключении договора и передаче денежных средств неуполномоченному сотруднику не опровергнуты [60].

Таким образом, из проведенного исследования были сделаны следующие выводы. После заключения смарт-контракта с несправедливыми условиями, представляется, что защита слабой стороны от недобросовестности кредитной организации может заключаться лишь в признании договора недействительным полностью. Кроме того, стоит отметить, что гражданское законодательство устанавливает общие меры гражданско-правовой ответственности в случае нарушения договора, заключенного кредитной организацией. При этом такие меры, как неустойка, штрафы, начисление процентов за пользования чужими деньгами, могут заранее предусматриваться в рамках смарт-контракта. Однако, по нашему мнению, по договорам, заключенным кредитными организациями с использованием смарт-контрактов, убытки не могут взыскиваться автоматически: эта мера гражданско-правовой ответственности в случае смарт-контрактов должна применяться через традиционные досудебные или судебные процедуры, а не в автоматическом режиме. Кроме того, стоит рассмотреть вопрос гражданско-правовой ответственности разработчика смарт-контракта. Считаем, что при заключении кредитного договора посредством смарт-контракта кредитная организация обладает преимуществами по сравнению с контрагентом, так как фактически является разработчиком смарт-контракта. С учетом принципа «*contra proferentem*» («против предложившего») кредитная организация должна нести отдельную гражданско-правовую ответственность за ненадлежащую разработку программного кода, составляющего смарт-контракт, в соответствии с теми последствиями, которые наступили вследствие нарушения права другой стороны.

Заключение

Данное диссертационное исследование посвящено изучению правовой базы, касающейся использования смарт-контрактов в работе кредитных организаций, и определению возможных направлений ее улучшения. Основная задача данного исследования заключается в разработке практических рекомендаций для улучшения и усовершенствования законодательных актов, касающихся внедрения смарт-контрактов в деятельность финансовых организаций. По результатам исследования сделаны некоторые выводы и сформулированы следующие предложения:

В данном диссертационном исследовании проанализированы различные подходы к определению смарт-контракта. Этот анализ позволил обосновать целесообразность использования смарт-контракта для заключения договоров. В современной юридической науке пока не существует единого взгляда на природу смарт-контракта. Сформировалось несколько подходов, каждый из которых имеет своих приверженцев. При рассмотрении смарт-контрактов существует несколько подходов, которые трактуют их с разных точек зрения.

Первый подход предполагает, что смарт-контракт – это соглашение, заключаемое между двумя или более сторонами, которое автоматически исполняется. В этом случае основной акцент делается на самодействии процесса: после заключения контракта все условия выполняются автоматически, без необходимости вмешательства человека, что снижает риски, связанные с человеческим фактором, и ускоряет процесс выполнения обязательств. Вторым подходом описывается смарт-контракт как «программный код, который проводит и записывает транзакции между участниками с помощью специализированного реестра, такого как блокчейн». Третий подход трактует смарт-контракт как форму договора, выраженную программным кодом. Здесь ключевым моментом является то, что сам контракт, несмотря на

его программную реализацию, остается по сути юридическим договором. Он представляет собой легальную форму соглашения, только перенесенную в цифровую среду, что делает его более гибким и приспособленным к современным требованиям цифровой экономики. В некоторых источниках «умный» контракт рассматривается как метод выполнения обязательств, при котором компьютерная программа не только содержит условия соглашения, но и обеспечивает их проверку и исполнение. Этот подход акцентирует внимание на функциональности смарт-контракта: он выполняет роль арбитра, который контролирует соблюдение условий всеми участниками и автоматически применяет соответствующие меры в случае их нарушения. Каждый из этих подходов подчеркивает различные аспекты и преимущества смарт-контрактов, но все они имеют общее – использование современных технологий для упрощения, ускорения и автоматизации процесса заключения и выполнения договоров. Важно учитывать эти подходы при разработке правовых норм и регуляций, чтобы эффективно интегрировать смарт-контракты в существующую правовую систему и обеспечить защиту прав всех участников. Этот подход позволяет утверждать, что смарт-контракт можно считать одной из форм оформления соглашений, хотя пока данная точка зрения не получила широкого признания в российской юриспруденции.

Смарт-контракт является уникальным способом оформления договорных отношений, где выполнение обязательств происходит в автоматическом режиме, без необходимости вмешательства сторон после заключения соглашения. Это обеспечивает более высокую степень надежности и точности в выполнении условий договора. Соответственно, договоры, заключаемые посредством смарт-контракта, могут быть отнесены к категории договоров присоединения, поскольку фактически стандартная форма или формуляр представляется субъектом-разработчиком смарт-контракта. Перечисленные особенности присущи и ряду договоров, заключаемых кредитными организациями (статья 428 Гражданского кодекса Российской Федерации).

В исследовании был определен перечень договоров, которые могут заключаться кредитными организациями посредством технологии смарт-контракта. Это позволило проанализировать их особенности с учетом использования указанной технологии. С учетом специфики технологии смарт-контрактов их использование для заключения договоров является целесообразным, когда они обладают правовой природой договора присоединения. Это объясняется автоматизированным исполнением обязательств и исключением человеческого фактора при их реализации.

Анализ показал, что кредитные организации могут использовать смарт-контракты для заключения следующих видов договоров: договоры банковского вклада и счета; соглашения о переводе денежных средств; договоры купли-продажи иностранной валюты в безналичной форме; банковские гарантии; займы без залога имущества; договоры, связанные с выпуском или оборотом цифровых финансовых активов, регулируемых правилами рынка ценных бумаг; а также другие договоры, участниками которых являются кредитные организации, предусматривающие заключение договора присоединения с автоматизированным исполнением обязательств.

В данной диссертации был проведен анализ зарубежного опыта правового регулирования применения технологии смарт-контрактов в сфере деятельности кредитных организаций с целью определения наиболее эффективных методов. Исследование показало, что в иностранных правовых системах постепенно формируются правила, регулирующие использование смарт-контрактов в кредитных организациях. Были выявлены следующие подходы к их правовому регулированию: нейтральный, запретительный, разъяснительный и подход активного вмешательства со стороны государства. Разъяснительным подходом предполагается полное невмешательство государства в правовое регулирование применения технологии смарт-контракта. Проведенное исследование позволило сделать вывод, что рецепция нейтрального и запретительного подходов в отечественную правовую систему не представляется возможной в связи с высоким уровнем

технологического развития российской финансовой системы. При имплементации подхода активного вмешательства государства в правовое регулирование использования технологии смарт-контракта в деятельности кредитных организаций могут возникнуть риски замедления развития гражданско-правовых отношений, связанные с применением указанной технологии. Подход полного невмешательства государства в правовое регулирование применения технологии смарт-контракта в деятельности кредитных организаций (разъяснительный подход) видится наиболее эффективным и приемлемым для отечественной правовой системы, так как банковское и гражданское законодательство Российской Федерации достаточно подробно регламентирует дистанционное обслуживание и договоры, заключаемые кредитными организациями. Правовые риски, связанные с использованием смарт-контрактов, могут быть снижены посредством разъяснений, предоставленных соответствующими органами, такими как Верховный Суд Российской Федерации и Банк России.

По результатам исследования было определено, что основным при заключении договоров с использованием технологий смарт-контракта является комплексный учет требований Банка России по рискориентированному подходу при пруденциальном регулировании. Анализ показал, что технологии смарт-контракт потенциально могут порождать четыре группы рисков: операционные, правовые, стратегические и риски потери деловой репутации. Наиболее существенными являются операционные риски, поскольку их выявление возможно при неисполнении или при ненадлежащем исполнении контрагентами своих обязательств. В дальнейшем при осуществлении предпринимательской деятельности накопленные операционные риски кредитных организаций приводят к снижению показателя нормативов текущей ликвидности, что является основанием для отзыва лицензии. Исходя из этого, можно сделать вывод, что с учетом особенностей заключения смарт-контрактов наиболее безопасным на сегодняшний день является использование данных технологий на стадиях,

предшествующих реализации основного договорного обязательства в деятельности кредитных организаций.

В данной диссертационной работе были исследованы особенности использования смарт-контрактов при заключении кредитных договоров, которые являются наиболее распространенным видом договора в практике кредитных организаций. Анализ показал, что смарт-контракты могут быть использованы кредитными организациями для проведения предварительных процедур оценки платежеспособности заемщика, что способствует ответственному кредитованию. Кроме того, применение смарт-контрактов может значительно снизить расходы на синдицированные кредиты за счет экономии на оплате услуг кредитных управляющих.

Важно отметить, что российское законодательство требует письменной формы для кредитных договоров и допускает соблюдение этой формы при использовании электронных или технических средств. Смарт-контракт в виде автоматизированного кода соответствует этим правовым требованиям. Также, благодаря своей технической природе, смарт-контракт может быть интегрирован в существующие системы проверки кредитных историй, что является дополнительным преимуществом. Это позволит кредитной организации более эффективно отслеживать и фиксировать кредитную историю своих контрагентов при заключении кредитных договоров.

Проведенное исследование позволило выявить особенности осуществления безналичных расчетов с применением технологии смарт-контракта, связанные с возможностью снижения затрат бизнеса на банковские операции. В ходе исследования были проанализированы положения типовой формы договора, согласно которой в обязанности Банка России входит зачисление цифровых рублей, поступающих на счета пользователей. Было установлено, что рассматриваемый договор является договором присоединения. Указанное является также еще одним подтверждением того, что заключение кредитными организациями ряда договоров с использованием смарт-контракта необходимо по своей правовой

природе относить к таковым. Указанный договор имеет бессрочный характер. Соответственно, его действие будет продлеваться до тех пор, пока он не будет расторгнут. Ввиду наличия в открытом доступе типового договора в электронной форме у пользователя имеется возможность ознакомиться с содержанием смарт-контракта. В результате это снижает преимущества смарт-контрактов, поскольку для их использования требуется создание токена, который записывается в специальное программное обеспечение. Таким образом, применение усиленной квалифицированной электронной подписи в безналичных расчетах с использованием цифрового рубля, а также формирование приказов в виде электронного документа фактически сводит технологию, предназначенную для оптимизации этих процессов, к стандартному обмену электронными документами. В связи с этим не до конца ясен смысл использования данной технологии в указанных операциях как с технической, так и с правовой точки зрения. При этом основные условия типового договора могут быть полностью реализованы при использовании других форм безналичных расчетов, основанных на смарт-контрактах. Поэтому заключение гражданско-правового договора для проведения безналичного расчета, включая использование цифрового рубля, в целом соответствует нормам гражданско-правового регулирования.

В диссертационном исследовании были проанализированы возможные способы охраны слабой стороны договора, заключаемого кредитной организацией с применением смарт-контракта. Исследование позволило установить, что, несмотря на особую техническую и правовую природу смарт-контракта, в отношении заключенных с их помощью договоров могут применяться превентивные меры охраны слабой стороны. Для предотвращения возможных злоупотреблений со стороны кредитной организации в части установления в договоре несправедливых условий необходимой видится разработка типовых смарт-контрактов по основным видам договоров, при заключении которых допускается использование указанной технологии.

В диссертационном исследовании проанализированы вопросы, связанные с защитой сторон договора, заключаемого посредством технологии смарт-контракта. Установлено, что если смарт-контракт с несправедливыми условиями все же заключен, то единственным способом защиты слабой стороны договора может выступать только признание такого договора полностью недействительным. Кроме того, определено, что действующим гражданским законодательством предусмотрен ряд общих мер гражданско-правовой ответственности за нарушение договора с участием кредитной организации. В этом контексте некоторые меры ответственности могут быть прописаны непосредственно в смарт-контракте, например, начисление процентов за использование чужих денежных средств, штрафы или взыскание неустойки. Однако взыскание убытков по договору, заключенному с использованием смарт-контракта, не может осуществляться автоматически. Эта мера ответственности должна реализоваться через стандартную процедуру разрешения споров в досудебном или судебном порядке, а не автоматически. Особое внимание следует уделить гражданско-правовой ответственности разработчиков смарт-контрактов. Поскольку кредитная организация зачастую выступает в роли разработчика смарт-контракта, она может иметь преимущества по сравнению с клиентом. Согласно принципу «*contra proferentem*», кредитная организация несет отдельную гражданско-правовую ответственность за ненадлежащее написание кода смарт-контракта. Если из-за ошибки в коде возникают неблагоприятные последствия в виде нарушения прав другой стороны, ответственность лежит на кредитной организации.

Список литературы

Нормативные правовые акты

1. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федеральный закон [принят Государственной Думой 30 ноября 1994 года : по состоянию на 08 декабря 2020 года]. – Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. – Текст : электронный. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239> (дата обращения: 20.12.2023).

2. Российская Федерация. Законы. О банках и банковской деятельности : федеральный закон [принят Государственной Думой 02 декабря 1990 года : по состоянию на 04 августа 2023 года]. – Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. – Текст : электронный. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102010268> (дата обращения: 07.12.2023).

3. Российская Федерация. Законы. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации : федеральный закон [принят Государственной Думой 12 июля 2017 года : по состоянию на 10 июля 2023 года]. – Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. – Текст : электронный. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102439340> (дата обращения: 07.12.2023).

4. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон [принят Государственной Думой 09 декабря 2021 года]. – Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. – Текст : электронный. – URL:

<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112210028>

(дата обращения: 07.12.2023).

5. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : федеральный закон [принят Государственной Думой 12 марта 2019 года]. – Справочно-правовая система «Консультант-Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/ (дата обращения: 20.12.2023).

6. Российская Федерация. Законы. О защите прав потребителей : федеральный закон [принят Государственной Думой 07 февраля 1992 года : по состоянию на 05 декабря 2022 года]. – Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. – Текст : электронный. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102014512> (дата обращения: 10.12.2023).

7. Российская Федерация. Законы. О ломбардах : федеральный закон [принят Государственной Думой 19 июля 2007 года]. – Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. – Текст : электронный. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102115923> (дата обращения: 20.12.2023).

8. Российская Федерация. Законы. О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях : федеральный закон [принят Государственной Думой 02 июля 2010 года]. – Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. – Текст : электронный. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102139631> (дата обращения: 20.12.2023).

9. Российская Федерация. Законы. О потребительском кредите (займе) : федеральный закон [принят Государственной Думой 21 декабря 2013 года]. – Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. – Текст : электронный. – URL:

<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102170297> (дата обращения: 20.12.2023).

10. Российская Федерация. Законы. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон [принят Государственной Думой 24 июля 2019 года : по состоянию на 24 июля 2023 года]. – Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. – Текст : электронный. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102579815> (дата обращения: 03.12.2023).

11. Российская Федерация. Законы. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : федеральный закон [принят Государственной Думой 13 июля 2001 года : по состоянию на 10 июля 2023 года]. – Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. – Текст : электронный. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102072376&intelsearch=%EE%F2+07.08.2001+%B9+115-%D4%C7> (дата обращения: 07.12.2023).

12. Российская Федерация. Законы. О рекламе : федеральный закон [принят Государственной Думой 22 февраля 2006 года : по состоянию на 24 июля 2023 года]. – Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. – Текст : электронный. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&infostr=xO7q8+zl7flg7vLu4fDg5uDl8vH/IO3lIOIg7+7x6+Xk7eXpIPDl5ODq9ujo&backlink=1&nd=102105292&page=1&rdk=63#I (дата обращения: 03.12.2023).

13. Российская Федерация. Законы. О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон [принят Государственной Думой 20 декабря 2017 года : по состоянию на 22 декабря 2023 года]. – Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. – Текст :

электронный.

—

URL:

http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=102456509&page=1&rdk=3#I0 (дата обращения: 09.12.2023).

14. Российская Федерация. Законы. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон [принят Государственной Думой 31 июля 2020 года : по состоянию на 04 августа 2023 года]. – Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. – Текст : электронный.

—

URL:

<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102126657&backlink=1&nd=102801500> (дата обращения: 07.12.2023).

15. Российская Федерация. Законы. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федеральный закон [принят Государственной Думой 08 июля 2006 года]. – Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. – Текст : электронный. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108264> (дата обращения: 20.12.2023).

16. О правилах осуществления перевода денежных средств. [Положение Банка России от 29.06.2021 № 762-П]. – Справочно-правовая система «Консультант-Плюс». – Текст: электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_394047/ (дата обращения: 01.12.2023).

17. О Рекомендациях по организации управления рисками, возникающими при осуществлении кредитными организациями операций с применением систем Интернет-банкинга. [Письмо Банка России от 31.03.2008 № 36-Т]. – Справочно-правовая система «Консультант-Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76122/ (дата обращения: 01.12.2023).

18. О требованиях к системе управления операционным риском в кредитной организации и банковской группе. [Положение Банка России от 08.04.2020 № 716-П]. – Справочно-правовая система «Консультант-Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355380/ (дата обращения: 01.12.2023).

19. О допустимых сочетаниях банковских операций расчетных небанковских кредитных организаций, об обязательных нормативах расчетных небанковских кредитных организаций и об осуществлении Банком России надзора за их соблюдением. [Инструкция Банка России от 08.11.2021 № 207-И]. – Справочно-правовая система «Консультант-Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_419638/ (дата обращения: 01.12.2023).

20. О порядке принятия Банком России решения о государственной регистрации кредитных организаций и выдаче лицензий на осуществление банковских операций. [Инструкция Банка России от 02.04.2010 № 135-И]. – Справочно-правовая система «Консультант-Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99865/ (дата обращения: 01.12.2023).

21. Об организации управления операционным риском в кредитных организациях. [Письмо Банка России от 24.05.2005 № 76-Т]. – Справочно-правовая система «Консультант-Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53623/dd41b3f2a34e6820d09e428f7eafb7bb471668b4/ (дата обращения: 01.12.2023).

22. Организация Объединенных Наций. Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле (1996 год) с дополнительной статьей 5 bis, принятой в 1998 году. – Информационно-правовой

портал «Гарант.ру». – Текст : электронный. – URL: <https://base.garant.ru/2555780/> (дата обращения: 20.12.2023).

23. Организация Объединенных Наций. Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных подписях (2001 год). – Информационно-правовой портал «Гарант.ру». – Текст : электронный. – URL: <https://base.garant.ru/2567278/> (дата обращения: 20.12.2023).

24. Организация Объединенных Наций. Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010. – Справочно-правовая система «Консультант-Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/principy_mezhdunarodnyh_kommercheskih_dogovorov_unidrua_2010/ (дата обращения: 20.12.2023).

25. О форме договора счета цифрового рубля между оператором платформы цифрового рубля и пользователем платформы цифрового рубля. [Письмо Банка России от 07.08.2023]. – Информационно-правовой портал «Гарант.ру». – Текст : электронный. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407435105/> (дата обращения: 01.12.2023).

Нормативные правовые акты зарубежных стран

26. Республика Беларусь. Законы. Гражданский кодекс Республики Беларусь : [принят Палатой представителей 28 октября 1998 года]. – Официальный интернет-портал Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Текст : электронный. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=НК9800218> (дата обращения: 20.12.2023).

27. Республика Беларусь. Законы. О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь : [принят Палатой представителей 27 июня 2018 года]. – Официальный интернет-портал Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Текст : электронный. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H11800135> (дата обращения: 20.12.2023).

28. Australian Government. Crypto asset investments. How to treat investments in crypto assets (also called crypto or cryptocurrency) for tax purposes in Australia. – Официальный интернет-портал Australian Government. – Текст : электронный. – URL: https://www.ato.gov.au/individuals-and-families/investments-and-assets/crypto-asset-investments?=Redirected_URL (дата обращения: 20.12.2023).

29. Economía. Ir a portal de anteproyectos. – Официальный интернет-портал Conamer. – Текст : электронный. – URL: <https://www.cofemersimir.gob.mx/portales/resumen/43471> (дата обращения: 20.12.2023).

30. Moneysmart. Cryptocurrencies. The risks of investing in crypto. – Официальный интернет-портал Moneysmart. – Текст : электронный. – URL: <https://www.moneysmart.gov.au/investing/investment-warnings/virtual-currencies> (дата обращения: 20.12.2023).

Судебные постановления и решения

31. О взыскании задолженности [Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 23.10.2023 № Ф06-9131/2023 по делу № А57-26900/2022]. – Информационно-правовой портал «Гарант.ру». – Текст : электронный. – URL: <https://base.garant.ru/39394077/> (дата обращения: 20.12.2023).

32. О взыскании задолженности [Решение Арбитражного суда Красноярского края от 14 сентября 2023 г. по делу № А33-6538/2023].

– Справочно-правовая система «Консультант-Плюс». – Текст : электронный.
– URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVS&n=126820&ysclid=lun4j5jsj8891553462#K2xY69UcfWhlKEs5> (дата обращения: 20.12.2023).

33. О взыскании задолженности по договору займа [Решение мирового судьи судебного участка № 316 Алексеевского района г. Москвы от 24 марта 2021 года по делу № 2-132/21]. – Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – Текст : электронный. – URL: <https://mos-sud.ru/316/cases/docs/content/03578f8f-866b-44a4-a058-d1f0a2c5f2c7> (дата обращения: 20.12.2023).

34. О взыскании задолженности по договору займа [Решение Тушинского районного суда г. Москвы от 28 сентября 2020 года по делу № 2-2462/20]. – Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – Текст : электронный. – URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/tushinskij/services/cases/civil/details/cbe818a9-e3b9-4d40-9a5b-6b699ff6789a> (дата обращения: 20.12.2023).

35. О взыскании задолженности по Договору о предоставлении банковской гарантии [Решение Пресненского районного суда от 28 ноября 2019 года по делу № 2-3463/19]. – Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – Текст : электронный. – URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/presnenskiy/services/cases/civil/details/0b0d66d1-c7b0-43a9-acc6-b38f5ff31093> (дата обращения: 20.12.2023).

36. О взыскании задолженности по кредитному договору [Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 июля 2023 года № 18-КГ23-58-К4]. – Информационно-правовой портал «Гарант.ру». – Текст : электронный. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407421039/> (дата обращения: 20.12.2023).

37. О взыскании задолженности по кредитному договору [Определение Верховного Суда Российской Федерации от 05 декабря 2023 года № 19-КГ23-27-К5]. – Информационно-правовой

портал «Гарант.ру». – Текст : электронный. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408304267/> (дата обращения: 20.12.2023).

38. О взыскании задолженности по кредитному договору, расторжении кредитного договора [Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 июля 2017 года № 41-КГ17-12]. – Информационно-правовой портал «Гарант.ру». – Текст : электронный. – URL: <https://base.garant.ru/71736372/> (дата обращения: 20.12.2023).

39. О взыскании неосновательного обогащения [Определение Верховного суда Российской Федерации от 10 октября 2023 года № 305-ЭС23-12470 по делу № А40-65321/2022]. – Информационно-правовой портал «Гарант.ру». – Текст : электронный. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407716143/> (дата обращения: 20.12.2023).

40. О взыскании неосновательного обогащения в размере 1 167 450 руб. 09 коп., процентов за пользование чужими денежными средствами [Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 января 2022 года № 305-ЭС21-26192 по делу № А40-14015/2021]. – Информационно-правовой портал «Гарант.ру». – Текст : электронный. – URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/403397577/paragraph/1/doclist/23390> (дата обращения: 20.12.2023).

41. О взыскании неосновательного обогащения по договору комплексного обслуживания юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [Решение Арбитражного суда Костромской области от 09 октября 2020 года по делу № А31-4526/2020]. – Информационно-правовой портал «Гарант.ру». – Текст : электронный. – URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/98968137/paragraph/1/doclist/23417> (дата обращения: 20.12.2023).

42. О взыскании солидарной задолженности по независимой банковской гарантии [Решение Тверского районного суда г. Москвы от 10 декабря 2019 года по делу №2-1501/2019]. – Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – Текст : электронный. – URL: <https://mosgorsud.ru/rs/tverskoj/services/cases/civil/details/2dcfc1c9-9110-4604-b457-07264a6963c0> (дата обращения: 20.12.2023).

43. О взыскании убытков [Постановление Арбитражного суда Самарской области от 14 февраля 2019 года по делу № А55-33134/2018]. – Информационно-правовой портал «Гарант.ру». – Текст : электронный. – URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/94589391/paragraph/1/doclist/23440/3/0/0/%25E2%2584%2596%2520%25D0%259055-33134%7C2018> (дата обращения: 20.12.2023).

44. О недействительности расчетных сделок [Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 09 июня 2004 года № Ф09-1705/04-ГК]. – Справочно-правовая система «Консультант-Плюс». – Текст : электронный. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=33092&ysclid=lqjdsm6138410458825#CKAzLzTJXumWNdO5> (дата обращения: 20.12.2023).

45. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора [Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 49]. – Справочно-правовая система «Консультант-Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314779/ (дата обращения: 20.12.2023).

46. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора [Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 49]. – Справочно-правовая система

«Консультант-Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314779/ (дата обращения: 20.12.2023).

47. О понуждении к исполнению договора [Постановлении Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 02 февраля 2023 года по делу № А55-7445/2022]. – Справочно-правовая система «Консультант-Плюс». – Текст : электронный. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS011&n=214896&cacheid=4A8F4A3C0F674969DFD8ED8FD0C94FC8&mode=splus&rnd=czwY69UXYwcCs4h5#ufYb69UyYEAR27tb1> (дата обращения: 20.12.2023).

48. О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами [Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 08 октября 1998 года № 14]. – Справочно-правовая система «Консультант-Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20647/ (дата обращения: 20.12.2023).

49. О признании недействительным решения антимонопольного органа [Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 29 декабря 2012 года № А65-27882/2012]. – Информационно-правовой портал «Гарант.ру». – Текст : электронный. – URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/85045197/paragraph/1/doclist/23488/2/0/0/%25E2%2584%2596%2520%25D0%259065-27882%7C2012> (дата обращения: 20.12.2023).

50. О признании недействительным условия договора банковского вклада, взыскании убытков, компенсации морального вреда [Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 мая 2011 года № 5-В11-46].

- Информационно-правовой портал «Гарант.ру». – Текст : электронный.
- URL: <https://base.garant.ru/58202206/> (дата обращения: 20.12.2023).

51. О признании незаконным решения Управления Федеральной антимонопольной службы по городу Москве [Определение Верховного суда Российской Федерации от 18 января 2022 года № 305-ЭС21-18234 по делу № А41-95103/2019]. – Информационно-правовой портал «Гарант.ру». – Текст : электронный. – URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/403390959/paragraph/1/doclist/23551/1/0/0/%25E2%2584%2596%2520%25D0%259041-95103%7C2019> (дата обращения: 20.12.2023).

52. О признании ничтожными, недействительными кредитного договора, закладной, применении последствий ничтожности и недействительности сделки [Решение Тушинского районного суда г. Москвы от 17 марта 2016 года по делу № 2-327/16]. – Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – Текст : электронный. – URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/tushinskij/services/cases/civil/details/bd2920d8-3083-41ec-9719-13c6ce772be9> (дата обращения: 20.12.2023).

53. О признании частично недействительными условий кредитного договора, взыскании денежных средств, уплаченных за снижение процентной ставки, неустойки, компенсации морального вреда, штрафа за несоблюдение в добровольном порядке требований потребителя и расходов на оплату услуг представителя [Определение Московского городского суда от 08 ноября 2017 года по делу № 33-45954]. – Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – Текст : электронный. – URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/186eb4c7-61bf-41e2-9191-d9b465209883> (дата обращения: 20.12.2023).

54. О проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 03 февраля 1996 года «О банках и банковской деятельности» в связи с жалобами граждан О.Ю. Веселяшкиной, А.Ю. Веселяшкина и Н.П. Лазаренко [Постановление Конституционного Суда

Российской Федерации]. – Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».
 – Текст : электронный. – URL:
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22135/ (дата обращения:
 20.12.2023).

55. О расторжении договора и взыскание убытков [Определение Верховного Суда Российской Федерации от 01 июня 2021 года № 48-КГ21-3-К7]. – Информационно-правовой портал «Гарант.ру». – Текст : электронный. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401320634/> (дата обращения: 20.12.2023).

56. О расторжении кредитного договора, снижении размера неустойки, прекращении начисления штрафных санкций [Решение Измайловского районного суда от 29 апреля 2015 года по делу № 2-1498/15]. – Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – Текст : электронный. – URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/izmajlovskij/services/cases/civil/details/9b9070d3-eaec-4f75-b035-c400d925a10c> (дата обращения: 20.12.2023).

57. О свободе договора и ее пределах [Постановление Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 года № 16]. – Справочно-правовая система «Консультант-Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161322/ (дата обращения: 20.12.2023).

58. Об обязанности инициировать процедуру отмен транзакций [Решение Хорошевского районного суда г. Москвы от 13 сентября 2018 года по делу № 2-4400/18]. – Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – Текст : электронный. – URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/horoshevskij/services/cases/civil/details/d386443c-e601-4d27-9dc0-492f46a54fa0> (дата обращения: 20.12.2023).

59. Об оставлении вынесенных по делу актов без изменения [Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 02 октября 2012 года № 6040/12].

- Информационно-правовой портал «Гарант.ру». – Текст : электронный.
- URL: <https://base.garant.ru/70289906/> (дата обращения: 20.12.2023).

60. Об отмене вынесенных ранее судебных решений и о направлении дела о взыскании суммы банковского вклада на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции [Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2023 года № 21-КГ22-8-К5]. – Информационно-правовой портал «Гарант.ру». – Текст : электронный. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406377039/> (дата обращения: 20.12.2023).

61. Об участии в заседании Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации по рассмотрению дела № А69-303/2018 Арбитражного суда Республики Тыва путем использования системы видеоконференц-связи [Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 октября 2020 года № 302-ЭС20-6718 по делу А69-303/2018]. – Информационно-правовой портал «Гарант.ру». – Текст : электронный. – URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/74794196/paragraph/1/doclist/23570/6/0/0/%25E2%2584%2596%2520%25D0%259069-303%7C2018> (дата обращения: 20.12.2023).

62. Обзор судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств [Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 22 мая 2013 года]. – Справочно-правовая система «Консультант-Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146628/ (дата обращения: 20.12.2023).

Книги

63. Агамиров, К.В. Прогнозирование правового поведения / К.В. Агамиров. – Москва : Библио-Глобус, 2017. – 400 с. – ISBN 978-5-9909278-2-7.

64. Алексеев, С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения / С.С. Алексеев. – Москва : Норма, 2001. – 752 с. – ISBN 5-89123-536-6.
65. Алексеев, С.С. Проблемы теории права : курс лекций / С.С. Алексеев ; под редакцией Р.К. Русинова : в 2-х томах. Том 1. – Свердловск, 1973. – 401 с. – ISBN отсутствует.
66. Белов, В.А. Банковское право России: теория, законодательство, практика : юридические очерки / В.А. Белов. – Москва : ЮРИНФОР, 2000. – 396 с. – ISBN 5-89158-028-4.
67. Белоглазова, Г.Н. Банковское дело / Г.Н. Безоглазова, Л.П. Кроливецкая. – Москва : ЮРИНФОР, 2016. – 545 с. – ISBN 978-5-9916-8390-6.
68. Богданов, Д.Е. Эволюция гражданско-правовой ответственности с позиции справедливости: сравнительно-правовой аспект : монография / Д.Е. Богданов. – Москва : Проспект, 2016. – 304 с. – 10 экз. – ISBN 978-5-392-28838-0.
69. Варнавский, А.В. Нормативно-правовое регулирование применения технологии блокчейн на финансовом рынке России. (Аспирантура, Бакалавриат, Магистратура, Специалитет) : монография / А.В. Варнавский, В.К. Шайдуллина, С.Т. Салтанова [и др.]. – Москва : Кнорус, 2024. – 624 с. – 1000 экз. – ISBN 978-5-466-04303-7.
70. Вершинин, А.П. Способы защиты гражданских прав в суде / А.П. Вершинин. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1997. – 164 с. – ISBN 5-288-02030-2.
71. Витрянский, В.В. Общие положения о договоре: кодификация Российского частного права / В.В. Витрянский ; под редакцией П.В. Крашенинникова. – Москва, 2005. – С. 173. – ISBN отсутствует.
72. Гонгало, Б.М. Общеизвестное о договоре: развитие основных идей гражданского кодекса России в современном законодательстве и судебной практике : сборник статей, посвященный 70-летию С.А. Хохлова /

Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников. – Москва : Статут, 2011. – 232 с. – ISBN отсутствует.

73. Грачева, С.А. Правовые модели и реальность / С.А. Грачева ; под редакцией Ю.А. Тихоирова, Е.Е. Рафалюка, Н.И. Хлуднева. – Москва : Инфра-М, 2005. – 280 с. – ISBN 978-5-16-010542-0.

74. Грибанов, В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. – Москва : Статут, 2015. – 414 с. – ISBN 978-5-8354-1636-3.

75. Ефимова, Л.Г. Банковские сделки: право и практика / Л.Г. Ефимова. – Москва : НИМП, 2001. – 654 с. – ISBN 5-88720-030-8.

76. Иоффе, О.С. Обязательственное право / О.С. Иоффе. – Москва : Юридическая литература, 1975. – 880 с. – ISBN отсутствует.

77. Красавчиков, О.А. Избранные труды: юридические факты в советском гражданском праве. Категории науки и гражданского права / О.А. Красавчиков : в 2-х томах. Том 2. – Москва : Статут, 2005. – 173 с. – ISBN 978-5-8354-1355-3.

78. Мейер, Д.И. Русское гражданское право / Д.И. Мейер. – 5-е издание. – Москва, 2012. – 784 с. – ISBN 978-5-518-10161-6.

79. Мягкова, Т.Л. Банковское дело : учебно-методическое пособие / Т.Л. Мягкова. – Саратов : Ай Пи Эр Медиа, 2015. – 212 с. – ISBN 978-5-394-03046-8.

80. Новицкий, И.Б. Общее учение об обязательстве / И.Б. Новицкий, Л.А. Лунц. – Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1950. – 416 с. – ISBN отсутствует.

81. Радищев, А.Н. Опыт о законодательстве. Полное собрание сочинений / А.Н. Радищев : в 3 томах. Том 3. – Москва ; Ленинград, 1952. – 27 с. – ISBN отсутствует.

82. Рожкова, М.А. Защита гражданских прав: избранные аспекты : сборник статей / М.А. Рожкова // Московской государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина. – Москва : Издательство Статут, 2017. – 432 с. – ISBN 978-5-8354-1316-4.

83. Ручкина, Г.Ф. Избранное / Г.Ф. Ручкина. – Москва : Инфра-М, 2022. – 491 с. – ISBN 978-5-16-017222-4.
84. Саликов, М.С. Права человека в сети Интернет : коллективная монография / М.С. Саликов, С.Э. Несмеянова, А.Н. Мочалов [и др.]. – Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2019. – 148 с. – 10 экз. – ISBN отсутствует.
85. Сергеев, А.П. Гражданское право / А.П. Сергеева ; под редакцией Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, К.М. Арсланова. – Москва : ЮРИНФОР, 2016. – 880 с. – ISBN 978-5-392-30496-7.
86. Суханов, Е.А. Российское гражданское право. Обязательственное право : учебник / В.В. Витрянский, В.С. Ем, Н.В. Козлова [и др.]. – Москва : Статут, 2015. – 1216 с. – ISBN 978-5-8354-1001-9.
87. Татаркина, К.П. Форма сделок в гражданском праве России : монография / К.П. Татаркина. – Томск : Издательство Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, 2012. – 266 с. – 10 экз. – ISBN 978-5-86889-591-3.
88. Шершеневич, Г.Ф. Избранное : учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. – Москва : Статут, 2017. – 461 с. – ISBN отсутствует.
89. Шиткина, И.С. Об обществах с ограниченной ответственностью : научно-практический комментарий к Федеральному закону / И.С. Шиткина : в 2-х томах. Том 2. – Москва : Статут, 2016. – 748 с. – ISBN 978-5-8354-1759-9.
90. Alabi, F. Taking Contracting Digital: Examination of the Smart Contracts Experiment / F. Alabi. – New York : Elsevier, 2017. – P. 8-9. – ISBN отсутствует.
91. Kerikmae, T. The Future of Law and eTechnologies / T. Kerikmae, A. Rull. – Switzerland : Springer, 2016. – 112 p. – ISBN 978-3-319-268-941.
92. Messner, E. Formpflicht und Konsumentenschutz / E. Messner. – Muenster, 1990. – P. 27-29. – ISBN отсутствует.
93. Narayanan, A. Bitcoin and cryptocurrency technologies: a comprehensive introduction / A. Narayanan, J. Bonneau, E. Felten // Princeton University Press. – 2016. – ISSN 1070-521X. – Текст : электронный. – URL:

https://www.lopp.net/pdf/princeton_bitcoin_book.pdf (дата обращения: 20.12.2023).

94. Szabo, N. Smart Contracts: Building Blocks for Digital Markets / N. Szabo // Extropy Journal of Transhuman Thought. – 2018. – Текст : электронный. – URL: http://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart_contracts_2.html (дата обращения: 20.12.2023).

95. Szczerbowski, J.J. Place of Smart Contracts in Civil Law. A Few Comments on Form and Interpretation / J.J. Szczerbowski. – Warszawa, 2017. – 333 p. – ISBN 978-80-87314-90-6.

96. Zolynski, C. Blockchain et smart contracts: premiers regards sur une technologie disruptive / C. Zolynski // Revue de droit bancaire et financier. – 2017. – P. 3-6. – ISSN 1620-9435.

Диссертации

97. Базилевич, А.И. Формы защиты субъективных гражданских прав : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Базилевич Андрей Иванович ; Ульяновский государственный университет. – Ульяновск, 2001. – 205 с. – Библиогр.: с. 198-205.

98. Бутенко, Е.В. Вина в нарушении договорных обязательств : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Бутенко Евгений Викторович ; Кубанский государственный аграрный университет. – Краснодар, 2002. – 198 с. – Библиогр.: с. 183-198.

99. Зайнутдинова, Е.В. Смарт-контракт в гражданском праве : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Зайнутдинова Елизавета Владимировна ; Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет). – Красноярск, 2022. – 238 с. – Библиогр.: с. 206-238.

100. Камалян, В.М. Правовые особенности заключения и исполнения банковских договоров в цифровой экономике : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Камалян Владислав Михайлович ; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. – Москва, 2021. – 211 с. – Библиогр.: с. 188-211.

101. Карцхия, А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Карцхия Александр Амиранович ; Российская государственная академия интеллектуальной собственности. – Москва, 2019. – 394 с. – Библиогр.: с. 350-394.

102. Коломиец, Е.А. Заблуждение и обман как условия недействительности сделок : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Коломиец Евгений Александрович ; Кубанский государственный аграрный университет. – Краснодар, 2005. – 179 с. – Библиогр.: с. 167-179.

103. Лукьянчикова, Е.Н. Вина как условие привлечения к гражданско-правовой ответственности за нарушения интеллектуальных прав :

специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Лукьянчикова Елена Николаевна ; Санкт-Петербургский государственный экономический университет. – Санкт-Петербург, 2014. – 204 с. – Библиогр.: с. 173-204.

104. Новоселова, Л.А. Проблемы гражданско-правового регулирования расчетных отношений : специальность 12.00.03 «Гражданское право; семейное право; гражданский процесс; международное частное права» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Новоселова Людмила Александровна ; Московский государственный университет. – Москва, 1997. – 199 с. – Библиогр.: с. 184-199.

105. Сафонова, О.В. Банковские сделки как основание возникновения банковских правоотношений : специальность 12.00.14 «Административное право; административный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Сафонова Ольга Владимировна ; Институт государства и права Российской академии наук. – Самара, 2011. – 184 с. – Библиогр.: с. 169-184.

106. Швецов, А.М. Управление рисками коммерческого банка на микро- и макроуровне : специальность 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит» : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Швецов Алексей Михайлович ; Волгоградский государственный университет. – Волгоград, 2010. – 169 с. – Библиогр.: с. 153-166.

Статьи в журналах

107. Агамиров, К.В. Прогнозирование правовых рисков / К.В. Агамиров // Социально-политические науки. – 2014. – № 3. – С. 15-20. – ISSN 2223-0099.

108. Агарков, М.М. Юридическая природа железнодорожной перевозки / М.М. Агарков // Право и жизнь. – 1922. – № 3. – С. 29-40. – ISSN отсутствует.

109. Аграновская, М.А. Юридические аспекты применения смарт-контрактов в цифровой экономике: российский и мировой опыт / М.А. Аграновская, Д.Э. Кицмаришвили // Ученые записки Международного банковского института. – 2019. – № 4 (30). – С. 156-180. – ISSN 2413-3345.

110. Баскаков, К.И. Проблемы недействительности отдельных условий договора в контексте защиты слабой стороны гражданского правоотношения / К.И. Баскаков // Отечественная юриспруденция. – 2021. – № 1 (45). – С. 18-21. – ISSN 2412-8228.

111. Белов, В.А. Смарт-контракт: понятие, правовое регулирование, правоприменительная практика, потребительские отношения / В.А. Белов // Право и экономика. – 2021. – № 9. – С. 35-41. – ISSN 0869-7671.

112. Березина, Е.А. Использование смарт-контракта как правовая технология: отечественная и зарубежная законодательная практика / Е.А. Березина // Правовое государство: теория и практика. – 2021. – № 1 (63). – С. 97-118. – ISSN 2500-0217.

113. Болгов, С.А. Банковские риски и их классификация / С.А. Болгов, В.Е. Павлович, Л.В. Торопова // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – № 8. – С. 160-164. – ISSN 2411-0450.

114. Бочкова, С.С. К вопросу о влиянии технологий на развитие правового регулирования банковской деятельности / С.С. Бочкова // Новое в развитии предпринимательства: инновации, технологии, инвестиции : материалы VII Международного научного конгресса, Москва, 23-24 мая 2019 года / Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. – Москва : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2019. – С. 145-150. – ISBN 978-5-394-03652-1.

115. Будылин, С.Л. Дело о битве роботов, или может ли смарт-контракт быть недействительным? / С.Л. Будылин // Вестник экономического

правосудия Российской Федерации. – 2022. – № 3. – С. 46-70. – ISSN 0869-7426.

116. Волос, А.А. Коллизионно-правовое регулирование отношений, связанных со смарт-контрактами / А.А. Волос // Международное публичное и частное право. – 2020. – № 3. – С. 24-27. – ISSN 1812-3910.

117. Волос, А.А. Реализация принципа добросовестности применительно к отношениям сторон смарт-контракта / А.А. Волос // Право и цифровая экономика. – 2020. – № 2. – С. 26-31. – ISSN 2782-6155.

118. Волос, Е.П. Защита слабой стороны банковского договора в условиях использования сторонами смарт-контракта / Е.П. Волос // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2022. – № 2. – С. 70-74.

119. Генкин, А.С. Блокчейн плюс «умные» контракты: преимущества применения и возникающие проблемы / А.С. Генкин, Л.А. Маврина // Экономика. Бизнес. Банки. – 2017. – № 2 (19). – С. 136-149. – ISSN 2304-9596.

120. Гонгало, Б.М. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права / Б.М. Гонгало, Л.А. Новоселова // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 179-192. – ISSN 2618-8260.

121. Гретченко, А.А. Роль государства в инновационном развитии России / А.А. Гретченко // Промышленность: экономика, управление, технологии. – 2010. – № 1. – С. 16. – ISSN 2782-5426.

122. Гринь, О.С. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения / О.С. Гринь, Е.С. Гринь, А.В. Соловьев // Lex Russica. – 2019. – № 7. – С. 51-62. – ISSN 2686-7869.

123. Демьянова, А.В. Соотношение понятий банковская сделка и банковская операция / А.В. Демьянова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 4-3 (55). – С. 192-194. – ISSN 2500-1086.

124. Десяткин, В.В. Принцип толкования договора «CONTRA PROFERENTEM» / В.В. Десяткин // Проблемы экономики и юридической практики. – 2019. – № 2. – С. 191-193. – ISSN 2541-8025.

125. Душаева, А.А. Проблемы применения смарт-контрактов в деятельности компании / А.А. Душаева // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2019. – № 10 (217). – С. 58-64. – ISSN 2072-4098.
126. Дьяченко, Е.М. Пруденциальное регулирование банковской деятельности / Е.М. Дьяченко // Общество и право. – 2011. – № 3 (35). – С. 70-75. – ISSN 1727-4125.
127. Дюдикова, Е.И. Распределенные реестры в цифровой экономике: база данных, технология или протокол? / Е.И. Дюдикова, Н.Н. Куницына // Инновации. – 2019. – № 9 (251). – С. 100-104. – ISSN 2071-3010.
128. Егорова, Н.Е. К вопросу о соотношении категорий «банковская операция», «кредитная операция», «банковская сделка» / Н.Е. Егорова // Актуальные проблемы российского права. – 2010. – № 2 (15). – С. 170-177. – ISSN 1994-1471.
129. Ержанова, М.К. Особенности банковских договоров в системе гражданско-правовых договоров / М.К. Ержанова // Евразийский Союз Ученых. – 2020. – № 4-10 (73). – С. 23-27. – ISSN 2413-9335.
130. Ефимова, Л.Г. Правовые особенности электронной формы банковских сделок / Л.Г. Ефимова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 1 (29). – С. 22-41. – ISSN 2782-6163.
131. Ефимова, Л.Г. Применение технологии распределенного реестра для расчетов аккредитивами / Л.Г. Ефимова // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 6 (115). – С. 65-70. – ISSN 1994-1471.
132. Ефимова, Л.Г. Совершенствование договорных конструкций в безналичных расчетах / Л.Г. Ефимова // Журнал российского права. – 2011. – № 1 (169). – С. 80-90. – ISSN 1605-6590.
133. Ефимова, Л.Г. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и зарубежных странах / Л.Г. Ефимова, И.Е. Михеева, Д.В. Чуб // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 4. – С. 78-105. – ISSN 2072-8166.

134. Жиленкова, Т.В. Признаки способов обеспечения исполнения обязательств / Т.В. Жиленкова // ГлаголЪ правосудия. – 2020. – № 2 (24). – С. 3-6. – ISSN отсутствует.

135. Зайнутдинова, Е.В. Модели правового регулирования смарт-контракта: общее и особенное / Е.В. Зайнутдинова // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 3. – С. 126-147. – ISSN 2072-8166.

136. Иващенко, Н.П. Смарт-контракты в свете новой институциональной экономической теории / Н.П. Иващенко, А.Е. Шаститко, А.А. Шпакова // Journal of Institutional Studies. – 2017. – № 3. – С. 64-83. – ISSN 2076-6297.

137. Илова, А.В. Проблемы правового применения последствий недействительности ничтожной сделки в части в кредитном договоре / А.В. Илова // Человек. Социум. Общество. – 2021. – № 5. – С. 59-61. – ISSN отсутствует.

138. Каджо, К.Д. Банковские риски и их особенности / К.Д. Каджо, С.А. ХиеБрибо // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики и финансов современной России. – 2015. – С. 51-55. – ISSN отсутствует.

139. Казакова, Е.Б. Гражданско-правовая ответственность / Е.Б. Казакова, О.О. Потолокова // Наука. Общество. Государство. – 2018. – № 2 (22). – С. 138-141. – ISSN 2307-9525.

140. Казанцев, М.Ф. Понимание гражданско-правового договора: традиционные взгляды и новые подходы / М.Ф. Казанцев // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2002. – № 3. – С. 257-282. – ISSN 1818-0566.

141. Казанцев, С.А. Виды и классификация договоров в гражданском праве / С.А. Казанцев // Евразийский научный журнал. – 2016. – № 5. – С. 292. – ISSN 2410-7255.

142. Камалян, В.М. Понятие и правовые особенности смарт-контрактов / В.М. Камалян // Юрист. – 2019. – № 4. – С. 20-27. – ISSN 1812-3929.

143. Камалян, В.М. Правовые риски использования цифровых технологий в банковской деятельности / В.М. Камалян // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 6 (103). – С. 32-39. – ISSN 1812-3945.

144. Камалян, В.М. Технологический и правовой аспекты смарт-контракта / В.М. Камалян // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2020. – № 8 (72). – С. 144-157. – ISSN 2782-6163.

145. Каримов, А.Ф. Договор займа: некоторые проблемы правового регулирования / А.Ф. Каримов, Н.В. Фирсова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 32 (42). – С. 149-152. – ISSN 2500-1000.

146. Карлявин, И.Ю. Конституционный статус Центрального банка Российской Федерации и его роль в эмиссии цифровой национальной валюты / И.Ю. Карлявин // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. – 2021. – № 1. – С. 32-38. – ISSN 2219-5256.

147. Комиссарова, Е.Г. Непоименованные способы обеспечения обязательств в гражданском праве / Е.Г. Комиссарова, Д.А. Торкин. – Москва : Аспект Пресс, 2018. – 142 с. – ISBN 978-5-756-70511-9.

148. Кузнецов, А.В. Принципы и факторы управления технологическим развитием промышленности в условиях экономической интеграции / А.В. Кузнецов // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 55. – С. 100. – ISSN 1992-6464.

149. Кузнецова, О.А. Восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право, как цели и способы защиты гражданских прав / О.А. Кузнецова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2013. – № 3 (25). – С. 36-41. – ISSN 1998-6963.

150. Кузьмина, А.В. Защита слабой стороны от навязывания несправедливых условий договора, заключаемого в сети Интернет / А.В. Кузьмина, Е.А. Ломакина // Российский юридический журнал. – 2022. – № 4 (145). – С. 121-129. – ISSN 2071-3797.

151. Латыпов, Д.Н. Соотношение охраны и защиты гражданских прав / Д.Н. Латыпов // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 1. – С. 18-22. – ISSN 1994-1471.
152. Лисицкая, А.Ю. Ограничение свободы договора в целях защиты интересов слабой стороны договора / А.Ю. Лисицкая // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2016. – № 34. – С. 65-70. – ISSN отсутствует.
153. Магомедова, К.К. Совершенствование методов комплексного анализа финансового состояния коммерческого банка / К.К. Магомедова // Вестник Российской экономической академии имени Г. В. Плеханова. – 2014. – № 3. – С. 15-20. – ISSN отсутствует.
154. Макарова, И.А. Проблемы заключения и исполнения кредитного договора / И.А. Макарова, Н.В. Фирсова // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 62-15. – С. 92-96. – ISSN отсутствует.
155. Макеенков, И.А. Способы заключения договора присоединения и его аналогов: сравнительно-правовой анализ / И.А. Макеенков // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – № 3. – С. 148-153. – ISSN 2542-047X.
156. Малофеев, А.А. Недействительность сделок, совершенных под влиянием заблуждения / А.А. Малофеев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2009. – № 1. – С. 72. – ISSN 2949-1150.
157. Малько, А.В. О подфункциях охранительной функции права / А.В. Малько, Д.А. Липинский // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 2 (38). – С. 34-39. – ISSN 2078-5356.
158. Мелихов, И.В. «Золотое сечение» нанотехнологической науки / И.В. Мелихов // Вестник Российской академии наук. – 2007. – № 11. – С. 987-990. – ISSN 0869-5873.

159. Михеев, Д.С. Проблемы определения правовой природы сделки при признании заблуждения существенным / Д.С. Михеев, А.А. Фролова // Научный аспект. – 2023. – № 5. Том 8. – С. 903-909. – ISSN 2226-5694.

160. Михеева, И.Е. Отдельные правовые проблемы взыскания убытков за недобросовестное поведение кредитных организаций / И.Е. Михеева // Lex Russica. – 2022. – № 9 (190). – С. 10-19. – ISSN 2686-7869.

161. Моисеева, О.В. Договор потребительского кредита / О.В. Моисеева // Вестник КГУ. – 2012. – № 5. – С. 204-206. – ISSN 2073-1426.

162. Морозова И.Г. Правовой режим цифрового рубля / И.Г. Морозова // Юрист. – 2023. – № 9. – С. 6-10. – ISSN 1812-3929.

163. Мосолова, О.В. Реализация инновационных проектов в Австралии / О.В. Мосолова // Восточная аналитика. – 2019. – № 3. – С. 102-106. – ISSN 2227-5568.

164. Нагродская, В.Б. К вопросу о совместимости свободных (открытых) лицензий и возможностей их использования в технологии Blockchain / В.Б. Нагродская // Юридическая наука и практика. – 2017. – № 11. – С. 39-55. – ISSN 0201-7059.

165. Нам, К.В. Принцип добросовестности как правовой принцип / К.В. Нам // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 2. – С. 88-103. – ISSN 2500-2643.

166. Николаевский, В.В. Перспективы использования смарт-контрактов в банковских процессах: зарубежный опыт и его адаптация к условиям Республики Беларусь / В.В. Николаевский, Д.С. Шерстнева // Проблемы развития национальной экономики на современном этапе : материалы Международной научно-практической конференции, Тамбов ; под научной редакцией А.А. Бурмистрова. – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2020. – С. 127-136. – ISBN 978-5-89016-644-9.

167. Новашина, Т.С. Проблемы обеспечения устойчивости финансовых систем: вопросы методологии исследования / Т.С. Новашина //

Вестник Российской экономической академии имени Г. В. Плеханова. – 2011. – № 4 (40). – С. 100-102. – ISSN отсутствует.

168. Попова, В.В. Особенности оспоримой сделки, совершенной под влиянием существенного заблуждения / В.В. Попова // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 8 (200). – С. 65-66. – ISSN 1815-1337.

169. Протас, Е.В. Правовые проблемы защиты слабой стороны договора / Е.В. Протас, С.А. Деменков // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 2. – С. 113-117. – ISSN 2073-0454.

170. Пучков, В.О. Является ли смарт-контракт договором? (к проблеме цифровой трансформации цивилистической доктрины) / В.О. Пучков // Российское право: образование, практика, наука. – 2020. – № 3. – С. 19-31. – ISSN 2410-2709.

171. Рожкова, М.А. Смарт-контракт в договорной практике: программный код и «цифровая надстройка» классического договора / М.А. Рожкова // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2023. – № 1 (39). – С. 60-72. – ISSN 2313-4852.

172. Рузакова, О.А. Дистанционная реформа процессуального законодательства в банковской сфере / О.А. Рузакова // Банковское право. – 2022. – № 2. – С. 64-70. – ISSN 1812-3945.

173. Ручкина, Г.Ф. Современное состояние функционирования государственных информационных систем: некоторые вопросы применения электронных технологий в банковской сфере / Г.Ф. Ручкина // Банковское право. – 2020. – № 4. – С. 7. – ISSN 1812-3945.

174. Ручкина, Г.Ф. Финансовые технологии в России и за рубежом: тенденции правового регулирования создания и использования / Г.Ф. Ручкина, В.К. Шайдуллина // Банковское право. – 2018. – № 2. – С. 7. – ISSN 1812-3945.

175. Савельев, А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права / А.И. Савельев // Вестник гражданского права. – 2016. – № 3. – С. 32-60. – ISSN 1992-2043.

176. Савельев, А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву / А.И. Савельев // Закон. – 2017. – № 5. – С. 94-117. – ISSN 0869-4400.

177. Сараев, И.Г. Сравнительно-правовой анализ легального и доктринального определения термина «смарт-контракт» / И.Г. Сараев // Правовое регулирование государственного управления в сфере интеллектуальных прав и информационных технологий в современных социально-экономических условиях ; под редакцией Т.В. Щукиной, А.В. Мазеина, В.В. Свечниковой. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2023. – 360 с. – ISBN 978-5-466-04090-6.

178. Секретарева, Т.М. Банковские операции и банковские сделки – слагаемые банковской деятельности / Т.М. Секретарева // Финансы и кредит. – 2017. – № 8 (728). – С. 450-458. – ISSN 2311-8709.

179. Селезнева, П.Ю. Смарт-контракт в договорной практике: программный код и «цифровая надстройка» классического договора / П.Ю. Селезнева, А.В. Лошкарев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 5-4. – С. 70-74. – ISSN 2500-1000.

180. Сергеева, О.О. Инвестиции российских банков в инновационную сферу / О.О. Сергеева, О.В. Гостева // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2014. – № 10. – С. 60-65. – ISSN 1727-6853.

181. Сивохин, В.Е. К вопросу об определении понятий устойчивости, надежности и рисков банковской деятельности / В.Е. Сивохин // Вестник Российской экономической академии имени Г.В. Плеханова. – 2012. – № 12. – С. 100-102. – ISSN отсутствует.

182. Ситник, А.А. Цифровой рубль как объект финансово-правового регулирования / А.А. Ситник // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 8. – С. 20-36. – ISSN 1994-1471.

183. Скиперский, А.С. Правовое регулирование смарт-контрактов в зарубежных странах / А.С. Скиперский // Юридическая наука. – 2022. – № 2. – С. 77-81. – ISSN 2220-5500.

184. Смолина, О.С. Проблемы сделок посредством цифровой платформы и идеи совершенствования гражданского и банковского законодательства Российской Федерации / О.С. Смолина // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 3 (154). – С. 182-185. – ISSN 2073-4506.

185. Соловьева, С.В. Проблемы правового регулирования электронного оборота гражданско-правовых документов законодательством федерации и штатов США / С.В. Соловьева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 4. – С. 102-115. – ISSN 1991-3222.

186. Тархова, К.И. Кредитный рынок: основные направления развития в России / К.И. Тархова // Юрист. – 2022. – № 10. – С. 9-16. – ISSN 1812-3929.

187. Тихомиров, Ю.А. Правоприменение: от эпизодичности к целевой результативности / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2017. – № 1. – С. 55-62. – ISSN 1605-6590.

188. Тихомиров, Ю.А. Прогнозы и риски в правовой сфере / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2014. – № 3. – С. 5-16. – ISSN 1605-6590.

189. Трунцевский, Ю.В. Смарт-контракт: от определения к определенности / Ю.В. Трунцевский. В.В. Савельев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 1. – С. 17-19. – ISSN 2072-8166.

190. Тулякова, И.В. Применение технологий блокчейн в банковской сфере / И.В. Тулякова, В.Е. Конюхова // Наука Красноярья. – 2022. – № 3-3. Том 11. – С. 131-138. – ISSN 2782-3261.

191. Турбанов, А.В. Цифровой рубль как объект правоотношений / А.В. Турбанов // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 9. – С. 79-94. – ISSN 1994-1471.

192. Усоскин, В.М. Микрофинансы за рубежом: цели, методы, институты / В.М. Усоскин // Банковское кредитование. – 2010. – № 3. – С. 90-92. – ISSN отсутствует.

193. Финогеев, А.Г. Технология смарт контрактов на основе блокчейн для минимизации транзакционных издержек в региональных инновационных системах / А.Г. Финогеев, С.М. Васин, Л.А. Гамидуллаева // Вопросы безопасности. – 2018. – № 3. – С. 18-20. – ISSN 2409-7543.

194. Хадеева, М.В. Смарт-контракты в США и России: заключение, исполнение, перспективы развития / М.В. Хадеева // Проблемы экономики и юридической практики. – 2019. – № 3. – С. 182-186. – ISSN 2712-7605.

195. Хоменко, Е.Г. Об особенностях функционирования платформы цифрового рубля / Е.Г. Хоменко // Хозяйство и право. – 2023. – № 10. – С. 91-102. – ISSN 0134-2398.

196. Церковников, М.А. О специальной защите слабой стороны в договоре присоединения / М.А. Церковников // Закон. – 2021. – № 9. – С. 42-47. – ISSN 0869-4400.

197. Цокур, Е.Ф. Пределы осуществления гражданских прав и нормы правовой культуры / Е.Ф. Цокур // Личность, общество, государство: проблемы прошлого и настоящего : материалы Международной научно-практической конференции, Курск ; под редакцией Н.В. Картамышевой, Т.Н. Шишкаревой. – Курск : Юго-Западный государственный университет, 2015. – С. 287-291. – ISBN 978-5-7681-1022-2.

198. Чахкиев, М.Т. Актуальные проблемы применения смарт-контрактов / М.Т. Чахкиев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 11-3. – С. 49-52. – ISSN 2500-1086.

199. Чеговадзе, Л.А. Незаклученность и недействительность договора: проблемы правоприменения / Л.А. Чеговадзе, Т.В. Дерюгина // Цивилист. – 2022. – № 3 (39). – С. 41-48. – ISSN 2071-5889.

200. Чирков, А.В. Регулирование рисков потребителя при заключении и исполнении смарт-контракта / А.В. Чирков // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 11. Том 15. – С. 180-189. – ISSN 1994-1471.

201. Чуб, Д.В. Использование технологии блокчейн при заключении и администрировании договора синдицированного кредита / Д.В. Чуб //

Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 11. – С. 55-64. – ISSN 1994-1471.

202. Чурилов, А.Ю. Смарт-контракты и принципы обязательственного права / А.Ю. Чурилов // Legal Concept. – 2021. – № 1. – С. 113-117. – ISSN 2078-8495.

203. Шайдуллина, В.К. Смарт-контракты на финансовом рынке: результаты исследования / В.К. Шайдуллина // Судья. – 2019. – № 2 (98). – С. 21-23. – ISSN 0131-6761.

204. Шумкин, В.А. Критерии определения слабой стороны договора / В.А. Шумкин // Сфера права. – 2022. – № 1. – С. 60-66. – ISSN отсутствует.

205. Юркина, Д.С. Формы и виды гражданско-правовой ответственности / Д.С. Юркина, Е.Ф. Цокур // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2017. – № 7 (25). – С. 252-257. – ISSN 2311-410X.

206. Якубов, М.Л. Обеспечение защиты прав потребителей финансовых услуг при совершении банковских сделок посредством смарт-контрактов / М.Л. Якубов // Экономика и право. – 2023. – № 2. – С. 164-166. – ISSN 2223-2974.

207. Якубов, М.Л. Особенности использования цифрового рубля в смарт-контрактах / М.Л. Якубов // Бизнес. Образование. Право. – 2023. – № 2 (63). – С. 302-306. – ISSN 1990-536X.

208. Якубов, М.Л. Смарт-контракты как начало конца классических договоров. Двойная интеграция / М.Л. Якубов // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 8 (171). – С. 187-189. – ISSN 2073-4506.

209. De Caria, R. The Legal Meaning of Smart Contracts / R. De Caria // European Review of Private Law. – 2019. – № 6. – P. 731-752. – ISSN 0928-9801.

210. Janssen, A.U. Smart Dispute Resolution in the Digital Age. The Potential of Smart Contracts and Online Dispute Resolution for Dispute Prevention and Resolution in Consumer Law Cases / A.U. Janssen, T.J. Vennmanns //

International Journal on Consumer Law and Practice. – 2021. – P. 52-73.
– ISSN 2347-2731.

211. Lei, H. Research on Promotion of Consumers' Application of After Service in Online Shopping Based on Evolutionary Game Theory – Introduction of Smart Contract / H. Lei, D. Lu, H. Zhang // E3S Web of Conferences. – 2021. – P. 5.
– ISSN 2267-1242.

212. Zachman, J.A. A Framework for Information Systems Architecture / J.A. Zachman // IBM Systems Journal. – 1987. – № 3. – P. 276-292.
– ISSN 0018-8670.

Электронные ресурсы

213. Пресс-релизы. Альфа-Банк и S7 Airlines впервые в России провели сделку с использованием блокчейн / Альфа-Банк : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://alfabank.ru/press/news/2016/12/21/37627.html> (дата обращения: 20.12.2023).

214. Аналитическая записка по теме «Что изменится для банков и их клиентов с введением цифрового рубля» / Банк России : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcgclefindmkaj/https://cbr.ru/Content/Document/File/118208/analytic_note_20210126_dip.pdf (дата обращения: 21.12.2023).

215. Аналитический обзор по теме «Смарт-контракты» / Банк России : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/47862/SmartKontrakt_18-10.pdf (дата обращения: 20.12.2023).

216. Инфраструктура точек доступа к финансовым услугам на территории России в условиях развития дистанционных каналов обслуживания / Банк России : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://cbr.ru/content/document/file/135131/fin_uslugi_2021.pdf (дата обращения: 20.12.2023).

217. Обзор платформенных сервисов в России (операторы инвестиционных платформ, операторы информационных систем и операторы финансовых платформ) / Банк России : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://cbr.ru/content/document/file/146720/platform_services_20230515.pdf (дата обращения: 20.12.2023).

218. Семь стран, в которых запрещены криптовалюты / Вестник Кавказа : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://vestikavkaza.ru/analytics/sem-stran-v-kotoryh-zapreseny-kriptovaluty.html#:~:text=В%202018%20году%20правительство%20Алжира,либо%20документом%20или%20фиатными%20деньгами.> (дата обращения: 20.12.2023).

219. Законопроект 419059-7 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и пояснительная записка к нему / Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (дата обращения: 20.12.2023).

220. Банк «Союз» приобрел цифровые финансовые активы «Ростелекома» / Ингосстрах Банк : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://ingobank.ru/news/bank-soyuz-priobrel-tsifrovye-finansovye-aktivy-rostelecoma-/> (дата обращения: 20.12.2023).

221. Интервью О. Скоробогатовой о цифровом рубле / Финам : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://www.finam.ru/publications/item/cifrovoi-y-rubl-i-smart-kontrakty-stanut-placdamom-dlya-razvitiya-cifrovoi-y-sredy-eksperty-20220526-190831/> (дата обращения: 20.12.2023).

222. Объем рынка ЦФА в России может достигнуть 500 млрд рублей в ближайшие три года / Информационное агентство «ТАСС» : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/20030399> (дата обращения: 20.12.2023).

223. Сбер открыл доступ к своей платформе ЦФА всем частным инвесторам / Информационное агентство «ТАСС» : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/19886089> (дата обращения: 20.12.2023).

224. Австралия создает национальный блокчейн для юридических смарт-контрактов / Коинпот : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://coinspot.io/law/australia/avstraliya-sozdayot-nacionalnyj-blokchejn-dlya-yuridicheskikh-smart-kontraktov/> (дата обращения: 20.12.2023).

225. «М.Видео» запускает цепную реакцию / Коммерсантъ : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3436416> (дата обращения: 20.12.2023).

226. Профессионально об актуальном: Смарт-контракты в современных реалиях / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2020/january/44569/> (дата обращения: 20.12.2023).

227. Sberbank CIB и МТС выпустили первые в России облигации с помощью смарт-контрактов на блокчейне НРД / Национальный расчетный депозитарий MOEX : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.nsd.ru/publications/press-relizy/sberbank-cib-i-mts-vypustili-pervye-v-rossii-obligatsii-s-pomoshchyu-smart-kontraktov-na-blokcheyne-2018-05-16_101400/ (дата обращения: 20.12.2023).

228. Инвестиционная деятельность и развитие предприятий в интересах устойчивого развития / Организация Объединенных Наций. Экономический и социальный совет : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/pre-ods/CTI5_4R.pdf (дата обращения: 20.12.2023).

229. Власти Германии впервые признали биткойн финансовым инструментом / РБК Крипто : сайт. – Текст : электронный. – URL:

<https://www.rbc.ru/crypto/news/5e5d2d419a79472eeb7bf7f1?ysclid=lqgm6fs3ry898023683> (дата обращения: 20.12.2023).

230. Проекты на базе блокчейн в Германии / Тэдвайзер : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Проект:Deutsche_Börse_%28Проекты_на_базе_блокчейн-технологии%29 (дата обращения: 20.12.2023).

231. Россия в контексте мировой практике / Цифровая валюта центральных банков (ЦВЦБ) : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://asros.ru/upload/iblock/802/k62gq038s5c32w83twgzks0qwk26rlm6/2022_01_31_doklad_TSVTSB_iyun_2021_goda.pdf (дата обращения: 20.12.2023).

232. Беларусь первой в мире законодательно закрепила smart-контракт / Экономика : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://www.belta.by/economics/view/belarus-pervoj-v-mire-zakonodatelno-zakrepila-smart-kontrakt-281784-2017/> (дата обращения: 20.12.2023).

233. CoinList Pays \$1.2 Million to Settle Potential Liability Arising Out of Violations of Ukraine/Russia Sanctions. Distributed Ledger Technologies and Smart Contracts in Italy / Blockchain. Baker McKenzie : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://blockchain.bakermckenzie.com> (дата обращения: 20.12.2023).

234. Blockchain und smart contracts: Technologien, Forschungsfragen und Anwendungen / Fraunhofer : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.sit.fraunhofer.de/fileadmin/dokumente/studien_und_technical_reports/Fraunhofer-Positionspapier_Blockchain-und-Smart-Contracts.pdf?_=1516641660 (дата обращения: 20.12.2023).

235. UAE «Virtual Currency» Restrictions Cast Uncertain Shadow on Bitcoin / CoinDesk : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://www.coindesk.com/uae-virtual-currency-restrictions-cast-uncertain-shadow-bitcoin/> (дата обращения: 20.12.2023).

236. EU loan syndication and its impact on competition in credit markets / European-union : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL:

<https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/89f81e74-7b75-11e9-9f05-01aa75ed71a1/language-en/format-PDF> (дата обращения: 20.12.2023).

237. An Introduction to Smart Contracts and Their Potential and Inherent Limitations / Harvard Law School Forum on Corporate Governance : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://corpgov.law.harvard.edu/2018/05/26/an-introduction-to-smart-contracts-and-their-potential-and-inherent-limitations/> (дата обращения: 20.12.2023).

Список иллюстративного материала

Список таблиц

Таблица 1 Основные подходы к определению правовой природы смарт-контракта	16
Таблица 2 Подходы к гражданско-правовому регулированию использования смарт-контрактов в деятельности кредитных организаций	54

Приложение А
(информационное)

**Договоры, которые могут заключаться кредитными организациями по
поводу банковских операций с использованием смарт-контракта**

Таблица А.1 – Договоры, которые могут заключаться кредитными организациями по поводу банковских операций с использованием смарт-контракта

Вид операции	Банковские операции, по которым имеется возможность исполнения обязательств в автоматизированном порядке	Банковские операции, по которым отсутствует возможность исполнения обязательств в автоматизированном порядке
1	2	3
Банковские операции, по которым имеется возможность заключения договора в форме договора присоединения	– привлечение денежных средств физических и юридических лиц во вклады (до востребования и на определенный срок) [50]; – открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц [41]; – осуществление переводов денежных средств по поручению физических и юридических лиц, в том числе банков-корреспондентов, по их банковским счетам [38]; – осуществление переводов денежных средств без открытия банковских счетов, в том числе электронных денежных средств (за исключением почтовых переводов) [58]; – купля-продажа иностранной валюты в безналичной форме [52]; – лизинг [35]; – займы под залог имущества и без залога [33]; – выдача банковских гарантий [42]	– инкассация денежных средств, векселей, платежных и расчетных документов и кассовое обслуживание юридических и физических лиц; – купля-продажа наличной иностранной валюты;*; – предоставление сейфов и специальных помещений юридическим и физическим лицам в аренду для хранения ценностей и важных документов; – привлечение драгоценных металлов юридических и физических лиц во вклады (на определенный срок или до востребования), исключая монеты из драгоценных металлов

Продолжение таблицы А.1

1	2	3
Банковские операции, по которым отсутствует возможность заключения договора в форме договора присоединения	Не выявлено в практике	– выдача поручительств за третьих лиц, предусматривающих исполнение денежных обязательств; – приобретение права требования от третьих лиц исполнения обязательств в денежной форме; – доверительное управление денежными средствами и иным имуществом по договору с физическими и юридическими лицами; – информационные и консультационные услуги; – операции с обработанными природными алмазами, монетами из драгоценных металлов, драгоценными металлами в соответствии с законодательством Российской Федерации
Данные операции требуют участия кредитной организации (ее сотрудников) ** Данные операции требуют участия кредитной организации (ее сотрудников) и второй стороны		

Источник: составлено автором.

Приложение Б
(информационное)

**Проект методических рекомендаций по управлению рисками использования
смарт-контракта в деятельности кредитных организаций**

Проект

**Методические рекомендации по управлению рисками использования
смарт-контракта в деятельности кредитных организаций**

1. Общие положения

1.1. Целями разработки настоящих Рекомендаций выступают:

обеспечение кредитной организацией надежного и стабильного дистанционного обслуживания клиентов с использованием технологии смарт-контракта;

обеспечение высокого уровня безопасности кредитной организации в информационной сфере и защита от неправомерного доступа при применении технологии смарт-контракта;

обеспечение соответствия деятельности кредитной организации, осуществляемой с использованием технологии смарт-контракта, требованиям действующего российского законодательства, в том числе требованиям, устанавливаемым нормативными актами Банка России в части управления рисками и ведения финансовой деятельности;

создание условий, при которых учет операций с использованием технологии смарт-контракта будет достоверным, а также будет проводиться своевременно и в достаточном объеме;

противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, а также исключение вовлечения кредитной организации в противоправную деятельность при использовании рассматриваемой технологии.

1.2. Основные риски, с которыми кредитная организация сталкивается при использовании в своей деятельности технологии смарт-контракта, и их краткое определение:

риски ликвидности - угроза возникновения убытков у компании вследствие неспособности своевременно и полностью выполнить свои обязательства, а также в условиях увеличения активов;

репутационные риски или риски ухудшения деловой репутации – риски, связанные с изменением общественного мнения о кредитной организации в худшую сторону из-за каких-то ее действий или решений (например, из-за неисполнения обязательств перед клиентами, утечки конфиденциальной информации, частых технических сбоев и других);

стратегические риски – риски возникновения у кредитной организации убытка в связи с воздействием ряда факторов, таких как отсутствие либо недостаточность управленческих решений и мер организационного характера, способных обеспечить достижение стратегических целей кредитной организации; недостаточно обоснованное или неправильное определение перспективных направлений деятельности; недостатки и ошибки при принятии решений, касающихся стратегии развития и деятельности кредитной организации (в том числе игнорирование потенциальных опасностей, которые могут нести угрозу деятельности и существованию кредитной организации);

правовые риски – это вероятность потерь, возникающая из-за несоответствия деятельности кредитной организации текущим законодательным нормам, неэффективной правовой работы, непринятия во внимание правовых аспектов при внедрении новых технологий и процедур, а также из-за нарушения условий договоров с клиентами;

операционные риски – риски прямых и косвенных потерь, возникающие вследствие воздействия на деятельность кредитной организации факторов внешнего порядка, в связи с неадекватными внутренними процессами, ошибками в работе, некорректными действиями персонала и так далее.

1.3. В настоящих методических рекомендациях используются следующие основные понятия:

Кредитная организация является юридическим лицом, образованным в соответствии с действующими законами, и занимающимся коммерческой деятельностью на основании лицензии (специального разрешения), выданной Банком России, которая позволяет ей выполнять определенные банковские операции.

Провайдер – организация, являющаяся разработчиком смарт-контрактов.

Смарт-контракт – автоматизированный способ заключения договора присоединения.

Реестр записи смарт-контрактов – база данных с информацией о договорах присоединения, заключенных кредитной организацией посредством смарт-контракта.

Риски использования смарт-контракта в деятельности кредитной организации – риски, которые возникают при совершении кредитной организацией операций с применением данной технологии.

1.4. Положения, изложенные в этом руководстве, могут быть интегрированы во внутренние регламентирующие документы кредитной организации, которые определяют порядок управления рисками, связанными с интернет-банкингом. Эти документы создаются, основываясь на Письме Банка России от 31 марта 2008 года № 36-Т «О Рекомендациях по организации управления рисками при осуществлении операций кредитными организациями с использованием интернет-банкинговых систем».

2. Управление отдельными рисками при использовании смарт-контракта в деятельности кредитных организаций

2.1. Перечень основных причин, обуславливающих операционные риски при использовании технологии смарт-контракта:

ненадлежащим образом организованные информационные потоки и прочие внутренние процедуры;

низкий уровень информационной безопасности (со стороны провайдера-разработчика или самой кредитной организации);

неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей исполнителем работ или поставщиком услуг;

ошибки и некорректные действия работников кредитной организации, ошибки со стороны провайдера, неэффективный программный контроль и недостатки контроля в целом;

получение третьими лицами несанкционированного доступа к смарт-контрактам кредитной организации;

сбои в работе информационной системы, используемой для обеспечения функционирования смарт-контрактов (сбой или отказ оборудования, авария, проблемы с программным обеспечением на стороне провайдера или кредитной организации).

2.2. Основными причинами правовых рисков при использовании технологии смарт-контракта в деятельности кредитной организации выступают:

недостаточная проработка кредитной организацией правовых вопросов при заключении договоров с применением технологии смарт-контракт;

несовершенство правовой системы (недостаточная урегулированность отдельных вопросов применения технологии смарт-контракта);

нарушение кредитной организацией или ее клиентами условий договора, заключенного с использованием технологии смарт-контракта;

неправомерный доступ к конфиденциальным данным при их передаче, хранении, обработке в самой кредитной организации или у провайдера, с которым заключен договор на разработку смарт-контрактов;

нарушение кредитной организацией законодательных положений и требований вследствие ошибок или недостатков в смарт-контракте.

2.3. Стратегические риски в деятельности кредитной организации, использующей технологию смарт-контракта, чаще всего возникают вследствие таких причин:

неправильная постановка стратегических целей или выбор таких целей, которые не могут быть достигнуты;

ошибочные решения руководства в отношении внедрения в практику той или иной технологии или процедуры;

необоснованные расходы на внедрение технологии (экономическая нецелесообразность);

недостатки или полное отсутствие стратегического плана развития кредитной организации, которым предусматривалось бы применение смарт-контракта.

2.4. Репутационные риски при использовании технологии смарт-контракта чаще всего возникают, если:

нарушена непрерывность функционирования реестра записи смарт-контрактов;

клиенты кредитной организации отрицательно оценивают качество операций, совершаемых с использованием смарт-контракта;

кредитной организацией совершаются незаконные операции (в том числе с использованием смарт-контракта);

происходит утечка конфиденциальных сведений.

2.5. Риски ликвидности кредитной организации при использовании смарт-контракта наиболее часто возникают, если:

смарт-контракт используется кредитной организацией в противоправной деятельности, причиняющей ущерб ей самой или клиентам;

нарушена непрерывность работы информационной системы.

3. Принципы управления рисками использования смарт-контракта в деятельности кредитных организаций

3.1. При организации управления рисками использования смарт-контракта в деятельности кредитных организаций и принятии внутренних документов кредитной организации рекомендуется принимать во внимание следующие моменты:

риски, связанные с финансированием терроризма и легализацией (отмыванием) преступных доходов;

возможность использования смарт-контракта исключительно в договоре присоединения;

необходимость соблюдения при разработке смарт-контрактов принципов добросовестности и справедливости с целью недопущения включения в договор несправедливых условий;

необходимость совершенствования управления рисками и повышения уровня квалификации работников кредитной организации при внедрении в практику технологии смарт-контракта;

необходимость интеграции смарт-контракта с системами дистанционного обслуживания клиентов.

3.2. С целью обеспечения максимальной эффективности риск-менеджмента в рамках использования смарт-контракта кредитной организации (совету директоров (наблюдательному совету), единоличному и коллегиальному исполнительным органам) рекомендуется:

определить заранее эффективные средства и способы обслуживания клиентов на случай, если произойдет сбой со стороны провайдера или смарт-контракт неожиданно перестанет функционировать;

усовершенствовать процессы риск-менеджмента при использовании смарт-контракта, обеспечив своевременное и адекватное выявление потенциальных новых источников риска, их анализа и мониторинга;

разработать типовые смарт-контракты и провести их анализ с точки зрения справедливости договорных условий;

разработать и внедрить в деятельность кредитной организации процедуры мониторинга операций, совершаемых с использованием смарт-контракта;

регулярно проводить оценку правовой и экономической целесообразности внедрения технологии смарт-контракта в деятельность кредитной организации.

3.3. К управлению рисками применения смарт-контракта в деятельности кредитной организации целесообразно привлечь имеющиеся службы и структурные подразделения, ответственные за информационную безопасность, правовое обеспечение, операционную

деятельность, внедрение информационных технологий и соблюдение персоналом правил внутреннего контроля.

3.4. Основными принципами, которые должны соблюдаться при организации подотчетности в связи с внедрением технологии смарт-контракта, выступают принципы полноты, своевременности, адекватности и непрерывности предоставления органам управления сведений о факторах и источниках рисков, текущем состоянии реестра записи смарт-контрактов, его характеристиках, выявляемых недочетах в информационной системе, а также о процедурах, реализуемых в случае реализации рисков.

3.5. Организация работы по управлению рисками при применении в деятельности кредитной организации технологии смарт-контракта требует обеспечения:

- своевременного и безопасного заключения договора посредством смарт-контракта;
- установления правил авторизации клиентов, а также способов аутентификации операций, совершаемых согласно договору, заключаемому посредством смарт-контракта;
- целостность реестра, в котором хранятся записи о смарт-контрактах;
- исключение несанкционированного доступа к реестру записи смарт-контрактов и возможного хищения средств;
- использование эффективных способов работы в случае сбоя в обслуживании клиентов в рамках договоров, заключаемых посредством смарт-контракта;
- фиксацию в специальных внутренних журналах всех операций, совершаемых посредством смарт-контракта.

3.6. При принятии решения о выборе провайдера для последующего обслуживания клиентов с использованием технологии смарт-контракта кредитная организация должна предварительно провести анализ потенциальных рисков.

3.7. Для минимизации воздействия факторов рисков, связанных с деятельностью разработчика-провайдера, предлагается обеспечить строгий контроль в сфере аудита деятельности разработчика-провайдера, а также включить в договор с ним пункт (условие) об ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей.

Приложение В
(информационное)

**Примеры несправедливых условий в некоторых договорах, заключаемых
кредитными организациями**

Таблица В.1 – Примеры несправедливых условий в некоторых договорах, заключаемых кредитными организациями

Договор	Примеры возможных несправедливых условий	Примеры из судебной практики
Кредитный договор	Включение оплаты так называемых дополнительных «скрытых услуг»	Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 июля 2023 года №18-КГ23-58-К4 [36]
	Изменение ставки процента в зависимости от наступления условий либо установление «сложной процентной ставки»	Определение Московского городского суда по делу № 33-45954 от 08 ноября 2017 года [53]
	Требования кредитной организации о полном возврате задолженности по кредитному договору при ухудшении имущественного положения должника (к примеру, в случае увольнения или снижения размера заработка)	Решение Измайловского районного суда от 29 апреля 2015 года по делу № 2-1498/15 [56]
Договор о переводе денежных средств, договор об открытии аккредитива, договор банковского вклада, договор банковского счета	Условие о том, что банк вправе изменить тарифы на обслуживание в течение срока действия договора в одностороннем порядке	Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19.01.2022 года № 305-ЭС21-26192 по делу № А40-14015/2021 [40]
Договор купли-продажи иностранной валюты в безналичной форме	Установление несправедливого валютного курса	Решение Тушинского районного суда г. Москвы от 28.09.2020 по делу № 2-2462/20 [34]
Договор банковской гарантии	Установление таких условий расторжения договора, при которых банковская гарантия не соответствует законодательству о контрактной системе	Определение Верховного суда Российской Федерации № 305-ЭС21-18234 по делу № А41-95103/2019 [51]

Источник: составлено автором.

Приложение Г
(информационное)

**Ответственность сторон по некоторым договорам, заключаемым
кредитными организациями, и возможность ее реализации в соответствии со
смарт-контрактом**

Таблица Г.1 – Ответственность сторон по некоторым договорам, заключаемым кредитными организациями, и возможность ее реализации в соответствии со смарт-контрактом

Отдельные виды договоров	Некоторые особенности ответственности кредитной организации	Некоторые особенности ответственности контрагента кредитной организации
1	2	3
Договор банковского вклада	Меры ответственности, предусматриваемые законом, применяются в таких случаях: – в случае неисполнения обязанности по предоставлению обеспечения возврата суммы банковских вкладов; – при несвоевременной выплате процентов по банковскому вкладу (статья 856 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункт 5 статьи 28 Закона Российской Федерации от 07 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» [6]); – если сумма банковского вклада не возвращена клиенту или возвращена несвоевременно (статья 395, пункт 2 статьи 835 Гражданского кодекса Российской Федерации); – если вклад принят с нарушением законодательных требований	Особенность договора банковского вклада заключается в том, что он является односторонним и возмездным. При заключении такого соглашения вкладчик получает право на возврат внесенных им денежных средств вместе с процентами, которые были начислены на эту сумму. В свою очередь, банк принимает на себя обязательство вернуть вклад вместе с начисленными процентами, таким образом выполняя свою часть договора. Поэтому гражданским законодательством не предусмотрена ответственность контрагента кредитной организации

Продолжение таблицы Г.1

1	2	3
Договор банковского счета	Нарушения, за которые кредитные организации могут быть привлечены к ответственности: – несвоевременное зачисление владельцу счета причитающихся ему средств; – необоснованные списания денежных средств со счета (статья 854 Гражданского кодекса Российской Федерации). – невыполнение или несвоевременное выполнение указаний клиента о перечислении денежных средств со счета	В случае невыполнения обязательств по договору к нему могут применяться такие меры ответственности, как договорная неустойка и начисление процентов
Договор о переводе денежных средств, договор об открытии аккредитива	В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения платежного поручения кредитная организация должен возместить кредитору убыток, причиненный ненадлежащим исполнением или неисполнением обязательств. Если за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства установлена неустойка, то убытки возмещаются в части, не покрытой неустойкой	Контрагент организации обязан компенсировать кредитной организации вознаграждение. В случае невыполнения этого обязательства могут быть применены различные меры ответственности, включая взыскание пени, возмещение убытков и уплату процентов за пользование заемными средствами
Договор купли-продажи иностранной валюты в безналичной форме	Кредитная организация несет ответственность за задержку в переводе денежных средств на счета клиентов	Клиенты кредитной организации будут нести предусмотриваемую законом ответственность за нарушение условий о достоверности и полноте представленных документов при осуществлении кредитной организацией функций агента валютного контроля

Продолжение таблицы Г.1

1	2	3
Договор банковской гарантии	Согласно статье 375.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, бенефициар несет обязанность возместить убытки гаранту или принципалу, если предоставленные им документы оказались ложными или предъявленное требование было необоснованным	Виды гражданско-правовой ответственности, которые могут применяться к гаранту, включают в себя: начисление процентов за неисполнение денежных обязательств и возмещение убытков (согласно статьям 377 и 395 Гражданского кодекса Российской Федерации)
Кредитный договор, договор займа	Кредитная организация несет ответственность за задержку или полное непредоставление кредита заемщикам, что влечет за собой уплату неустойки	Заемщик несет ответственность перед кредитором за задержку в возврате займа, утрату залога, использование средств не по назначению, односторонний отказ от условий кредитного договора и за другие нарушения установленных требований. Кредитор (займодавец) может быть привлечен к ответственности в случае необоснованного отказа от выдачи кредита, задержки его предоставления, а также в случае утраты или снижения стоимости залога. Ответственность может выражаться в форме неустойки, штрафов или увеличенных процентов
Данные виды договоров были установлены в параграфе 2 главы 1 настоящего исследования		

Источник: составлено автором.